

2
04

МОНМАХ

№2(37) 2004

200 лет Д.П. Ознобишину

Более века понадобилось нам для того, чтобы осознать ту роль, которая была предназначена историей Дмитрию Петровичу Ознобишину.

Именно теперь, когда процесс раскультирования, как злокачественная опухоль, поразил мозг России, ей ничего не остается, как обратиться к духовным своим пастырям. К такому можно смело отнести истинно национального поэта, нашего земляка Ознобишина.

Человек широчайшего творческого диапазона, полиглот, переводчик, фольклорист, он воплотил мирозерцание многих народов. Не скрывая восторга перед их языком, духовностью и бытом, Ознобишин оставался православным христианином и главные понятия – *Бог, народ, Родина* – отстаивал в каждой строке стихов, переводных сочинений, в многочисленных статьях и очерках. Веротерпимость поэта, его искреннее подвижничество в деле укрепления духовно-нравственного опыта и развития самосознания разных народов – яркое подтверждение тому, что русская культура всегда была стержнем отечественной многонациональной культуры.

Красота и неподражаемая самобытность национальной поэзии есть красота и самобытность нации, ее суть, ничего общего не имеющая с заурядностью и всеядностью поп-культуры.

200-летний юбилей поэта напомнил всем нам, что пора повернуться лицом к истокам, припасть к чистым, благотворным родникам истинной культуры. Они, слава Богу, не иссякли и не потеряли живительной силы.

Ольга Шейнак

Устье реки в долине
на территории
д. 1.11. 1998 г.

В издательстве "Белый город" вышла в свет новая книга доктора исторических наук Сергея Перевезенцева "Россия. Великая судьба". С согласия автора публикуем небольшой отрывок из этой книги в надежде, что читателя заинтересует предпринятый писателем-историком поиск смыслового содержания русской истории. Более подробную публикацию можно найти в "Роман-журнале XXI век" № 9-2003.

Сергей Перевезенцев Великая Россия

В русском понимании Святая Русь – это особое благодатное свойство русского народа, сделавшее его оплотом христианской веры во всем мире. Святая Русь – это и жертвенное служение православным идеалам, и сердечное следование Христовым заповедям, и стяжание Духа Святого, и устремленность к покаянию и совершенству, что превратило русский народ, по представлениям древнерусских книжников, в новый богоизбранный народ. Святая Русь – это идеал, но это и земная реальность России, выраженная в духовных подвигах русских святых.

КУДА МЫ ИДЕМ?

Жизнь человека слишком коротка... Человек смертен, но во все времена он стремился и стремится к бессмертию. Именно поэтому человеку, за отпущенный ему недолгий век, хочется овладеть всем миром – в надежде на обретение духовного или физического бессмертия. Вера в бессмертие духовное направляет человека в лоно религии и Церкви. И на протяжении нескольких столетий Церковь и христианское вероучение спасали человека, указывали ему путь к бессмертию. И Россия в течение семи веков, с XI по XVII вв., двигалась по этому пути, все глубже и глубже проникая в смысл идеи христианского спасения, пока не выработала учение о Вселенском православном царстве, как духовном государстве, которое и могло стать орудием спасения мира.

Но к началу XVIII века мир изменился – жажда физического бессмертия оказалась сильнее веры в бессмертие души. Импульс изменений пришел из Европы, где европейский человек, обуреваемый этой жаждой, бросился в объятия науки и светского мироощущения, ибо именно с помощью науки человек хотел открыть "эликсир вечной жизни". Война, настоящая война за этот "эликсир" началась в Европе еще в Средние века, когда многочисленные алхимики искали "философский камень", а католическая церковь преследовала их как еретиков. Так церковные покровы стали мешать европейскому человеку в его гонке за физическим бессмертием, и он начал сбрасывать с себя эти, как показалось ему, лишние покровы. Но чем меньше на человеке оставалось покровов церковных, тем больше он укутывался в пелену врага человеческого, вра-

га внутреннего, все более и более овладевающего человеком...

Особо стремительно гонка за физическим бессмертием развернулась в Новое время, условной датой отсчета которого считается 1492 год, ибо именно в этом году Колумб открыл Новый Свет, названный позднее Америкой. В этом отношении как-то незамеченным оказался один факт, еще мало до сей поры осмысленный. Напомним, что 1492 год – это год, когда все христианское человечество ожидало наступления "конца миру". Но вместо этого на западе тогдашнего мира была открыта Америка... Однако по всем христианским представлениям, если на востоке располагался Божественный рай, то на западе скрывался ад – вместилище врага человеческого. Так, может быть, в 1492 году "конец миру" все же состоялся, вернее, свершилось его начало?

Как бы там ни было, но именно в этот период, называемый Новым временем, европейский человек очертя голову бросился в пучину овладения материальным миром, уверовав, что только на этом пути, на пути своего материального господства на Земле, а то и во Вселенной, он обретет столь страстно желаемую им вечную земную жизнь. А затем Европа вовлекла в гонку за вечной земной жизнью и все остальные народы. И вот уже как триста лет в этой гонке без правил участвует и Россия...

Наверное, этого этапа в историческом развитии всего мира и России избежать было нельзя. Человек слишком хочет жить вечно, и потому человек – слишком любопытное, слишком любознательное существо, чтобы удовлетвориться каким бы то ни было одним ответом на будоражащие его вопросы о смерти и о смысле бытия.

Как маленький ребенок, который обязательно должен разобрать на части игрушку, чтобы добраться до ее нутра, человек не может успокоиться до тех пор, пока не доберется до "нутра мира", не разберет этот мир на составные части в поисках элементов спасительного "эликсира". Причем страсть к познанию во имя бессмертия у людей столь велика, что никакие преграды их остановить не могут. Мешают океаны – построим корабли, которые могут по ним ходить! Мешают реки и озера – повернем реки, осушим озера! Мешают плохие люди – будем клонировать людей хороших!

Но Главный, кто мешал человеку в удовлетворении его жажды физического бессмертия, – это Бог. Вера в Бога, соблюдение Его догматов слишком уж сдерживали человека, не давали ему развернуться в полную силу. Само духовное бессмертие выдвинулось теперь призрачным, нереальным, тогда как бессмертие физическое – вот оно, стоит лишь открыть главный закон природы, и всё, мы бессмертны! И в Новое время человек сверг Бога... Сверг Его в своей душе, выкорчевал из своего сердца, преодолел Бога своим умом... И возрадовался – я сильнее Бога! Я могу жить без Бога! Я способен управлять миром лучше, чем Бог! И ответ на вопрос "куда мы идем?" последние триста лет человеку был абсолютно ясен – к бесконечному научно-техническому прогрессу, который обеспечит прогресс социальный и экономический, благодаря которому, в свою очередь, человек (сам! без Бога!) полностью овладеет природой, создаст абсолютно справедливое общество и обретет наконец-то вечную земную жизнь...

Господь создал человека свободным, предоставив ему право самосто-

ательно выбирать, как он хочет жить – с Богом или же во мраке одиночества, где только враг человеческий строит свои кривые ухмылки из-за нашего левого плеча. И, видимо, нам было попущено некоторое время на то, чтобы мы познали собственные, человеческие силы и возможности. Человек воспользовался дарованной ему свободой по-своему и в полной мере. Он преобразил мир по своему образу и подобию, создав в Новое, а затем и в Новейшее время мир, который был ему очень “удобен”, “комфортен”. Он создал мир, в котором чувствует себя настоящим царем, властителем природы...

Но, видимо, нам было попущено не только понять свои возможности, но и пределы наших возможностей и сил. Мы же эти пределы с радостью и гордостью за самих себя превозмогли. И ныне “преображенный”, а вернее, изуродованный человеком Божий мир уже просто стонет, и вопиет к нему – останься и задумайся! Кто ты и куда же ты идешь? Неужели ты не видишь, что путь, избранный тобой, ведет не к бессмертию, а к окончательной, полной смерти?! Сбрось с себя вражескую пелену, верни благодатные покровы!

Не просто, ох как не просто признать человеку свое поражение...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ВЕЧНОСТЬ...

Двадцатый век, двадцатый век... Как стремительно он ворвался в русскую жизнь, как стремительно пронесся по русской жизни, разрывая ее на части, по живому, в ключья... Сколь много страданий и одновременно сколь много свершений принес двадцатый век России! Русский строитель создал самую великую железнодорожную магистраль в мире – Великий Сибирский путь. Русский солдат разбил немецкую регулярную армию, лучшую, по признанию всех военных историков, армию в мире, водрузил знамя над Рейхстагом и расписался на его стенах. Русский офицер впервые в истории человечества прорвал земное тяготение и покориł космос. Русский писатель написал самую великую книгу двадцатого столетия – “Тихий Дон”. Русский ученый спроектировал, а русский инженер построил первую в мире атомную электростанцию. Мы должны гордиться и мы гордимся этими свершениями! Но...

Именно в двадцатом веке русский человек потерпел, как кажется на первый взгляд, самое сокрушительное поражение в своей самой главной битве – соблазненный мифом овладения материальным

миром, он уступил врагу человеческому и бросился в погоню за физическим бессмертием. Многожды обманутый и преданный своими верховными водителями, русский народ изменил своим вековым духовным целям и, вместо стремления к Царству Небесному, отправился на поиск мифического “рая на земле”. И был за это наказан...

Сначала русский народ оказался втянут в первую мировую войну. Затем в 1917 году рухнул могучий колосс Российской империи, подточенный изнутри богоборческой революционной пропагандой. От Русской земли был отнят удерживающий русский православный царь, из русских душ была изгнана удерживающая Православная вера, и реки мученической крови обогрили Святую Русь...

Но русский народ сохранил свои силы и даже, невзирая на жесточайшие антицерковные и антихристианские гонения, сохранил веру, явив миру неисчислимые сонмы новомучеников и исповедников пред лицом богоборческой власти. Победив во Второй мировой войне, Россия становилась все более могущественной и влиятельной в мире. Но теперь уже новые коммунистические вожди, чьи глаза жадно разгорались при виде жирующих прилавков магазинов в Нью-Йорке и Лондоне, предали собственную страну и собственный народ и отдали и страну, и народ на растерзание “западным цивилизаторам” и доморожденным “натурщикам”. А ведь мы верили им, нашим вождям, верили, ибо не могли поверить в то, что можно так беспардонно и нагло предавать... Но в этом и была самая страшная ошибка – нельзя верой в кумира и земные идеалы подменять веру в Бога, нельзя верой в “рай земной” подменять веру в Царство Небесное.

Вот и не свершился “земной рай”, ни за те 70 лет, что правили нами большевики, ни за эти пятнадцать лет, пока у власти сидят либералы. И не мог он свершиться, этот “рай земной”, – его просто не бывает, и быть не может.

Но темным силам, ведомым врагом человеческим, рано торжествовать победу, рано радоваться. Ибо жива Святая Русь, больше того, она укрепилась, и новый собор новомучеников и исповедников российских XX века вместе с древними русскими святыми молит Господа о заступничестве за заблудшие русские души. И в этом наша главная надежда на спасение.

ВРАТА ВЕЧНОСТИ

Так что же выберет русский человек нынче? Трудно сказать. Все же можно предположить, что русский человек сумеет сделать выбор, который

не уничтожит его душу. Ну не может привлекать его элементарное желание комфортной жизни! Да, таковой жизни все мы были многие годы лишены. Да, русский человек должен жить в достатке и обязан ради этого много трудиться. Но кроме понятия “достаток”, есть еще и более важное понятие – “достоинство”, и прежде всего нравственное, духовное достоинство.

Может быть, пройдет немало лет, пока это понятие вновь станет важным для самосознания каждого из нас. Те лидеры, которые обещают русскому человеку вкусно есть и сладко спать, не затронут всей глубины русской души. Русский человек пойдет за тем, кто вновь раскроет перед ним небесные врата и объяснит то, как можно и нужно жить на грешной земле, чтобы в эти врата войти. России сегодня, как и всегда в трудную годину, нужен не столько политический лидер, которого все столь жаждут, а – духовный пастырь, обладающий абсолютным нравственным авторитетом и способный донести до каждого русского человека традиционные национальные идеалы. Носителем таковой должен быть конкретный, реальный человек. И только тогда, когда простые русские люди поверят этому человеку, они смогут серьезно относиться к той идее, которую он несет.

Вспомним В.В. Розанова, когда-то сказавшего: “...Выберите молитвенника за Землю Русскую. Не ищите (выбирая) мудрого, не ищите ученого. Вовсе не нужно хитрого и лукавого. А слушайте, чья молитва горячее, – и чтобы доносил он к Богу скорби и напастей горькой земли нашей, и молился о ранах, и нес тяготы ее”. Будет ли нам дарован таковой? И если будет, то кем он окажется? Очередным Искушителем, стремящимся вновь выдать кривду за правду? Или же истинным Посланныком? Кому поверят? За кем пойдут? Не обманемся ли вновь?

Но наступает час – и Надежда русского человека перерастает в Веру, а Вера дарует ему Любовь. И в бесконечном единении Веры, Надежды и Любви открывается он – русский путь к Софии – Православной Мудрости.

Мы можем быть уверены, что величайшие страдания русского народа в этом веке не были бессмысленными, они были посланы нам как испытание в борьбе с Мировым Злом. И величайший сонм святых ныне освящает не только наше прошлое, но и будущее. Перед Россией вновь открываются врата вечности и великого духовного смысла бытия. Святая Русь снова зовет нас в Вечность!

Симбирская земля богата талантами. Она дала России много выдающихся имен, в созвездии которых немеркнувшей звездой блистает имя Дмитрий Ознобишина. Необычайно лиричная, тонкая, затрагивающая самые нежные струны души, его поэзия восхищала и очаровывала читателей. Не случайно Н.М. Языков в поэтическом послании к Ознобишину восклицал: "Да золотую Лиру вновь увидит свет!" Но имя Д.П. Ознобишина дорого нам еще и потому, что это был страстный патриот родного края, меценат, крупный общественный деятель.

"Да золотую Лиру вновь услышит свет!"

Ознобишины принадлежали к старинному, польского происхождения, роду, известному с 1423 г. Его славные представители с честью служили России и были включены в дворянские книги Смоленской, Пензенской, Тамбовской, Владимирской, Симбирской (1845) губерний. Многие из них в разные времена прославились как защитники Отечества.

Родиной поэта стала наша земля. 4 октября 1804 года (по ст. стилю 21 сентября) в сельце Троицком в семье Петра Никаноровича Ознобишина и Александры Ивановны крещен сын Дмитрий. Петр Никанорович, отставной секунд-майор, до 1803 г. был директором Астраханского коммерческого банка. Мать поэта Александра Ивановна была дочерью греческого эмигранта-миллионера, известного благотворителя Ивана Андреевича Варваца (его настоящее имя Иоаннис Андреас Леонтидис), уроженца острова Ипсары, национального героя Греции. По линии своей родной тетки Марии Ива-

новны Варваца (в замужестве Комнино) поэт состоял в родстве с родом Комнино, основателем которого был византийский император Алексей I.

Детство поэта прошло в Троицком. Родители очень рано ушли из жизни, и опеку над малолетними детьми взял на себя дед Иван Андреевич Варваца.

Детские годы, проведенные на родине, наложили особый отпечаток на творчество поэта. Читая его стихи и письма, мы можем с полным правом сказать, что Ознобишин глубоко и искренне любил свою малую родину. Где бы ни был, он всегда грустил о Троицком, его тянуло

*Туда, где волны Инзы плещут,
Где в их зеркальной тишине
Цветные стекла ярко блещут
В час полуночи, при луне...*

Ознобишин не раз возвращался к чарующим воспоминаниям детства, недаром большую часть своей жизни поэт провел в Троицком, неустанно воспевая родную природу.

В 1814 году дед привез "недоросля

Дмитрия" в Петербург, в семью смоленского родственника Ознобишиных А.В. Казадаева, командира Горного кадетского корпуса, сенатора и литератора. Здесь будущий поэт получил блестящее домашнее образование. В 1819-1823 гг. Дмитрий Петрович продолжил учебу в Московском университете на благородном пансионе. Он всегда был в числе лучших воспитанников, с младших классов участвовал в литературных кружках и собраниях. За "отличия" в литературном творчестве в старших классах был избран в "аускультанты высшего собрания", учрежденного в пансионе В.А. Жуковским. Первая публикация поэта – перевод с французского стихотворения "Трубадур" – появилась в пансионском альманахе "Каллиопа" (1820, №4). В 1821 г. "Вестник Европы" напечатал оригинальные произведения молодого поэта: "Старец" (№4), "Утренний гимн" (№7/8), "Послание к Титову" (№10).

В эти годы Ознобишин активно сотрудничает в "Обществе друзей" С.Е. Раича, является членом Московского и Казанского обществ любителей российской словесности (с 1828), Датского королевского общества северных антиквариев (с 1835).

В рукописном сборнике "Мечты" появляются его переводы из Катулла, Ламартина, Гердера, Томаса Мура. Сюда были включены также и юношеские стихи Ознобишина, большая часть которых при жизни поэта не публиковалась.

В 1824-1828 гг., по окончании пансиона с серебряной медалью, Дмитрий Петрович служит в Московском почтамте цензором французских газет и журналов. Поэт близко сходится с М.А. Дмитриевым, А.И. Писаревым, М.П. Погодиным, В.П. Титовым, С.П. Шевыревым, В.Ф. Одоевским, М.А. Максимовичем, Д.В. и А.В. Веневитиновыми, братьями Киреевскими.

К этому времени он написал более

Дом Д.П. Ознобишина в Симбирске.

Бывший дом Д.П. Ознобишина в современном виде.

60 стихов, которые распространялись в списках по Москве и Петербургу. Они и привлекли внимание соиздателя "Полярной звезды" А.А. Бестужева. В 1823 году для альманаха Ознобишин передал свой перевод с санскрита "Пустынный Канду", эпизод из поэмы Виазы "Брама-Пурана".

Интерес к Востоку еще в детстве пробудил у Дмитрия его дед Варваца, и эта вдохновенная любовь нашла воплощение в творчестве поэта. В 1823-24 гг. Ознобишин уже всерьез увлекся восточными языками и начал брать уроки арабского у ученого мутлы и посещать лекции проф. Московского университета А.В. Болдырева.

С.Е. Раич, поэт и переводчик, тонкий знаток поэзии, писал Д.П. Ознобишину: "Что ваш Восток? Дышите, дышите им — он ваша слава, ваша жизнь в полном значении этого слова". Раич не ошибся: поэт остался верен своей любви к Востоку до конца жизни. Его переводы классиков персидской литературы Фирдоуси, Саади, Хафиза, арабской и индийской поэзии, занятие санскритом, персидским, арабским, татарским языками — все это выгодно выделяет Ознобишина среди поэтов пушкинской эпохи. Неслучайно его псевдонимом стало персидское "Дел-е-берадер" — "Сердце брата" ("Делибюрадер"). Свое же поэтическое кредо поэт прекрасно выразил в стихах: "*Сжать Запад с Востоком в объятьях моих!*" ("Фарис").

Страсть Ознобишина к Востоку не всегда понимали современники. В 1827 году Ознобишин и Раич издали альманах "Северная лира". В целом критики приняли новый альманах очень благосклонно, отметив лучший подбор стихов их автором, но восточные переводы Ознобишина-Делибюрадера вызвали крайне недоброжелательную и несправедливую критику Вяземского, Пушкина. Современники-востоковеды же оценивали переводы Ознобишина как "замечательные".

Ознобишин сам заступился за персидскую поэзию: "Язык ее есть язык страсти: оттого он силен, обилует фигурами и метафорами, если даже, как иные утверждают, иногда излишествует сравнениями, то это потому, что он есть изливание сердца преисполненного, которому недостает слов для выражения всех своих чувствований — беден, слишком недостаточен для него язык обыкновенный..."

Поэт изучает творчество Фирдоуси, Саади, Хафиза, Низами, Хусейна Ваиза, Кашефи, Джами, Зияуддина Нахшаби, абу-Новаса, Ибн-Руми, аль-Харири, читает "Саконталу" Калидасы, "Рамаяну", мечтая о Востоке, Ознобишин через своего дядю сенатора Г.А. Хомутова хлопочет о включении его в состав первой дипломатической миссии в Персии, возглавляемой А.С.

Ознобишинские места на карте Симбирской губернии 1859 года и на современной карте Инзенского района.

Грибоедовым, но получает отказ.

Конец 20-х годов был омрачен потерями: ушли из жизни брат и сестра. Поэт оставил службу и возвратился в Троицкое. Здесь, по предложению предводителя карсунского дворянства А.И. Бекетова, он стал почетным смотрителем Карсунского уездного училища и в течение шести лет исполнял эти обязанности. Вскоре Дмитрий Петрович удостоился благодарности попечителя Казанского учебного округа "за помещение в собственном доме училища на время пребывания почетным смотрителем". Позже (в 1838, 1841, 1844 гг.) дворянство избирало Ознобишина почетным попечителем Симбирской гимназии.

В 1830 г. вышли две изящные книжечки поэта "Селам, или Язык цветов", поэтический словарь цветов со вставной поэмой, и переводы из древ-

негреческой антологии "Тинекион".

Деятельный по натуре, неутомимый, Ознобишин много путешествовал, выезжал в Москву, Санкт-Петербург, Казань, Чебоксары, на Урал и Кавказские минеральные воды. Часто бывал в Симбирске, гостил у друзей в Языково, Репьевке; занимался наукой, в частности, востоковедением и фольклористикой. Бывая в Казани, посещал дом известного ученого-этнографа К.Ф. Фукса, с семьей которого его связывал интерес к фольклору чувашей, татар и мордвы.

В этот период Дмитрий Петрович выступил как создатель и соредатор журнала истории, археологии, словесности и сравнительных костюмов "Русский зритель". Журнал издавался группой московских литераторов: М.П. Погодиным, С.П. Шевыревым, С.Е. Раичем, С.Т. Аксаковым, А.Ф. Томашевским. В № 7/8 Ознобишин

поместил свой перевод о булгарах Поволжья Ибн-Фадлана (X век). Редактирование первого этнографического журнала, сближение с братьями Киреевскими упрочило его интерес к фольклору, помогло освоению передовых методик собирания образцов устного народного творчества и побудило заниматься собирательством. Среди фольклористов Ознобишин первым обратил внимание на творчество народов Поволжья и записал мордовские и чувашские песни. В сборнике Киреевского опубликованы записанные им свадебные песни Торопецкого уезда Тамбовской губернии. Сборник русских песен и сказок (РГАЛИ, ф. 13, №23) представляет научную ценность и до сих пор ждет серьезного исследования.

Фольклорные интересы Ознобишина распространялись и на творчество европейских народов. Он перевел "Ирландские мелодии" Т. Мура, шведские, новогреческие, сербские, литовские, эстонские песни. Самую большую популярность сохранила до сегодняшнего дня баллада Ознобишина "Чудная бандура", переложенная со шведского оригинала. Эта баллада, опубликованная в 1836-м, быстро распространилась в народе, и в 1853 году была записана уже в Нижегородской губернии как народная песня "Гуляет по Дону казак молодой".

В 1833 г. в журнале "Заволжский муравей" была напечатана чувашская народная песня "Кукушка кукует на елке" – первая опубликованная запись чувашского фольклора. Интерес к поэтическому творчеству народов Поволжья побудил Ознобишина к активным занятиям чувашским и татарским языками. Систематически собирал он и русские народные песни.

Поэта всегда отличала активная позиция. Его дружба с декабристами, лучшими представителями российского дворянства, служителями церк-

ви, учеными накладывала отпечаток на творчество и на общественную деятельность. Неизгладимый след в сердце Ознобишина оставило восстание декабристов. В стихотворении "Поэт и светский человек" он писал:

*Нет, как свободный, звучный стих
Свобода – жизнь, душа Поэта.*

Каждая его поездка приносила новые знакомства, с каждым опубликованным стихотворением росло число его почитателей. В середине 30-х годов в Петербурге в салоне М.Ю. Вильгорского Д.П. Ознобишин познакомился с А.С. Пушкиным. А публикация "Чудной бандуры" вызвала добрый отклик В. Кюхельбекера. Жизненные пути семьи Пушкиных и семьи Ознобишиных еще не раз пересекутся. Александра Ивановна Дубельт – племянница поэта (младшая дочь его сестры Варвары Петровны), будучи бездетной, воспитывала внучку А.С. Пушкина после развода его дочери Натальи Александровны с Михаилом Леонтьевичем Дубельтом. В 1874 г. Александра Ивановна Дубельт станет приемницей внучки Д.П. Ознобишина Екатерины при крещении в Христорождественской церкви с. Китовка. Кроме нее, приемниками при крещении записаны Его Императорского Высочества, Великий князь Константин Николаевич, статский советник Николай Тимофеевич Аксаков и Анна Дмитриевна Бурская.

В 1835 г. Дмитрий Петрович женился на Елизавете Александровне Рогановской. В 1837 году у них родился сын Иван. Это были самые счастливые годы жизни поэта. Тогда же были написаны лучшие его произведения: "Рождение арфы", "Письмо", "Упование", посвященные жене; кавказский цикл, лучшие образцы любовной лирики ("Миг восторга", "Воспоминание", "Вазантазена"); стихи гражданской тематики ("Пловец", "Турецкий кинжал").

Искренность, задушевность, необычная образность и мелодичность поэзии Ознобишина вдохновили А. Алябьева, Н. Титова, П. Булахова, Н. Римского-Корсакова на создание романсов на стихи Ознобишина. Составители хрестоматий и поэтических антологий помещали его произведения как образцовые. Белинский причислял Ознобишина к первоклассным русским поэтам наряду с Пушкиным, Жуковским, Баратынским, Языковым.

В 1846 году супруги поэта Елизаветы Александровны не стало. Дмитрий Петрович очень сильно переживал потерю. В стихотворении "Три цветка на гробе" он писал:

*Ее уж нет! Но образ милый
Предо мною носится живой;
Не верит сердце, что могилкой
Разлучена она со мной!*

После ее смерти Ознобишин с сыном уехал за границу. Они совершили поездку в Берлин, Лейпциг, Веймар, Крейцнаг, после чего отправились на курорт Веве, а затем в Ниццу. В путешествии встречались интересные собеседники. Позже Дмитрий Петрович не раз вспомнит о встречах с Ф. Тютчевым, беседы с ним о важности строительства железных дорог в России. Поездка по Европе, занявшая почти год, оставит глубокий след в душе и подарит новую волну вдохновения.

В 1850-е годы поэт жил в Смоленске. Успешно занимался винными откупами, приобрел золотonosный прииск в Енисейской губернии, участвовал в деятельности благотворительных обществ Смоленска, Петербурга (член-корреспондент Смоленского статистического комитета и попечительства о тюрьмах, Комитета детского приюта принца Ольденбургского).

В начале 1860-х гг. Дмитрий Петрович женился вторично. Его новой избранницей стала юная Таисия Константиновна Сенявина (род. в 1835 г.),

Город Карсун Симбирской губернии. Торговые ряды.

Станция Инза. Большая улица.

внучка прославленного русского адмирала Сенявина. Влюбленный супруг с нежностью называл ее Терезой.

После женитьбы Дмитрий Петрович обосновался в Троицком. Он избран почетным мировым судьей по Карсунскому уезду, принял деятельное участие в проведении крестьянской реформы 1861 года. Вместе с группой либерально настроенных дворян (братьями Татариновыми, А.И. Ермоловым, Н.Д. Давыдовым, А.М. Языковым) он ратовал за «постепенное» освобождение крестьян; издал «Руководство к изучению [...] Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (1861). Поэт тесно общался с семьями Языковых, Ахматовых, Аксаковых. Ближайшим его другом был брат писателя Н.Т. Аксаков.

Неожиданно второй брак, как и первый, закончился трагически. В 1863 г. после рождения дочери Елизаветы Тереза умерла. Поэт искал утешения в религии: «Я обязан много религии, чтение и изучение псалмов заняли мои грустные досуги...». Переложение псалмов, поэма «Мария Египетская», «Часовня Летнего сада» и другие произведения наполнены искренним чувством веры.

Искренняя любовь к Богу определяла особую заботу о родовой церкви в с. Китовка. Особое значение Ознобишин придавал философским беседам с предстателями церкви: свт. Филаретом, митрополитом Московским, и Филаретом, митрополитом Киевским (братом С.Е. Раича).

К этому времени он уже выглядел старцем. В одном из воспоминаний того времени читаем: «Как теперь вижу этого небольшого роста старичка в очках в золотой оправе, в длинном сюртуке старого покроя, всегда чистенького и аккуратного, покуривающего папиросы из ныне, кажется, уже не существующего та-

бака мариланду приторно-ароматного запаха. Писал он свои доклады всегда четким и бисерным почерком и, помню, не раз возмущался неправильностью некоторых оборотов и выражений в русской речи...».

После похорон Таеини-Константиновны поэт поселился в Симбирске. Здесь он избран членом губернского статистического комитета, губернского училищного совета, гласным губернского собрания, почетным членом комитета Карамзинской библиотеки, членом «Особого присутствия» по крестьянским делам. Активное участие принимал Д.П. Ознобишин в работе Карсунского уездного земства. Его волновали и проблемы просвещения в крае, и положение крестьян. В «Симбирских губернских ведомостях» под псевдонимом Борисов поэт поместил статьи по устройству быта крестьян, землепользования, кустарной промышленности, народного образования. Дмитрий Петрович призывал дворян губернии заняться постройкой школ для крестьянских детей. В его докладе «Народные училища в Симбирской губернии», напечатанном в Журнале Министерства Народного просвещения (1868, №10), звучит призыв к строительству новых школ вместо «смрадных караулок». В Китовке, неподалеку от имения, поэт построил здание для школы, которая ныне носит имя Д.П. Ознобишина.

За службу по разным ведомствам Дмитрий Петрович был награжден орденом Св. Анны 2 степени (1865), Св. Владимира 3 степени (1870), медалями и памятными знаками. А в 1875 году получил чин действительного статского советника.

Поэт скончался в 1877 году в Кисловодске. Тело было набальзамировано и перевезено с Кавказа в родовое имение, где его захоронили в ограде Христорождественской церкви с. Китовка. Некоторые исследовате-

ли брали под сомнение место захоронения поэта, полагая, что Ознобишин был похоронен на Кавказе. Ответ на этот вопрос дает князь В.И. Баюшев. В его некрологе, опубликованном 14 сент. 1877 г. в «Московских ведомостях», читаем: «Тело его из Кисловодска привезено в имение его, Карсунского уезда, село Троицкое, где и погребено в сооруженной им церкви».

К концу XIX века имя Д.П. Ознобишина было почти забыто, а реальные масштабы творчества не были оценены по популярности из-за отсутствия отдельного сборника стихов. Необычайно скромный по характеру, глубоко религиозный, поэт не стремился к популярности и не видел в отсутствии собрания своих сочинений «для отечественной литературы... никакой существенной потери». Кроме того, он рано покинул Москву, выйдя в отставку после неудачных хлопот по включению его в состав посольства А.С. Грибоедова. Удалившись в провинцию, он постепенно отошел от участия в литературной жизни.

В конце XX века имя поэта вновь засияло на небосклоне словесности. В 1992 году биограф Ознобишина Т.М. Гольц издала первый сборник его стихов. Сегодня никто не оспаривает тот факт, что Д.П. Ознобишин был поэтом золотого века русской литературы, ученым-энциклопедистом, тонким знатоком Востока, этнографом, фольклористом, переводчиком, общественным деятелем, библиофилом, ботаником, меценатом. Его стихи – великое наследие, его поэзия – чистый, живительный родник, припадая к которому, новые поколения будут черпать силы и вдохновение.

**Владимир Шкунов,
Венера Морозова**

Иллюстративный материал А.С. Сытина

Станция Инза. Вид на реку Сюксюм и водокачка.

Христорождественская церковь в селе Китовка.

Возвращением Дмитрия Ознобишина на родину можно назвать международную научно-практическую конференцию, которая состоялась в городе Инза в мае 2003 года на базе Инзенского государственного техникума отраслевых технологий, экономики и права.

Первые Ознобишинские чтения стали настоящим праздником для всех поклонников творчества выдающегося поэта для тех, кому не безразлична судьба духовно-исторического наследия симбирского края. Среди ее организаторов, помимо Инзенского техникума, – Министерство образования РФ, Ульяновский государственный университет, Самарский государственный педагогический университет, Бюро зонального объединения литераторов Поволжья.

В научном форуме приняли участие ученые из Москвы, Ульяновска, Самары, Казани, Пензы. Свои доклады прислали научные и образовательные учреждения из разных стран мира: Нью-Йоркская Академия наук (США), Академия наук Республики Болгария, Иерусалимский Университет (Израиль).

Открыл конференцию директор Инзенского техникума, кандидат исторических наук В.Н. Шкунов – главный вдохновитель и организатор Ознобишинских чтений. Участники форума благословил Архиепископ Симбирский и Мелекесский Прокл. Все выступавшие говорили об огромном масштабе личности Ознобишина, о магическом творческом даре великого земляка, чье наследие было незаслуженно забыто в XX веке.

Возвращение на родину

Фото Д. Кошечкина

Первые Ознобишинские чтения — это начало серии мероприятий, запланированных в рамках празднования 200-летия со дня рождения поэта и переводчика, востоковеда, фольклориста и этнографа на его родине.

На конференции не раз звучало имя главного исследователя творчества Ознобишина — Татьяны Матэосовны Гольц. Видный отечественный востоковед и ученый, она рано ушла из жизни, но вернула из небытия имя поэта. Еще в юности выпускница восточного факультета Московского университета открыла для себя чарующую поэзию Ознобишина. Т.М. Гольц защитила диссертацию по его творчеству, опубликовала сборники стихов поэта, написала книгу «Сердце брата», вместе с московским литературоведом Гришуниным осуществила репринтное издание альманаха «Северная лира».

После торжественного открытия конференции началась работа научных секций, на которых с докладами выступили известные российские ученые, профессора (О.М. Буранок, Н.В. Нарышкин, Ю.В. Орлицкий, В.Ю. Карнишин, Н.Г. Карнишина), а также талантливая молодежь — студенты и аспиранты из вузов Поволжья. Темы докладов — лучшее подтверждение многогранности таланта Ознобишина и актуальности его наследия: «Православный русский поэт Д. П. Ознобишин», «Пушкинские мотивы в творчестве Ознобишина», «Ознобишин — востоковед», «Правовые взгляды реформатора Ознобишина по вопросам землепользования и крестьянской реформы 1861 г.», «Личность Ознобишина и формирование культурно-исторической идентичности Инзы».

Проведение Ознобишинских чтений

Организатор конференции В.Н. Шкунов.

стало незабываемым для инзенцев событием, важнейшей вехой в развитии культуры, актом восстановления исторической справедливости по отношению к великому поэту и гражданину Дмитрию Ознобишину.

Украшением конференции стал концерт, на котором впервые после полуторавековского забвения прозвучали песни и романсы на стихи Д.П. Ознобишина. То была настоящая премьера, потому что найти первое издание нот оказалось достаточно трудно. С этой задачей успешно справились работники отдела редкой книги Ульяновской научной библиотеки и сотрудники библиотеки Московской консерватории.

После проникновенного исполнения инзенским солистом В. Портновым и ансамблем «Вастома» знаменитой ознобишинской песни «Туляет по Дону казак молодой» на сцену вышла ведущая солистка Самарского академического театра оперы и балета, народная артистка России Татьяна Протопопова. В первозданной чистоте прозвучали романсы Алябьева и Титова на стихи Ознобишина: «Ясны очи» и «Прости, на долгую разлуку». Пленительный голос певицы покорила немало городов и стран: ей рукоплескали в Чехии, Болгарии, Египте, Австрии; специально для нее композитор Слонимский написал партию Вешнянки в своей опере «Видения Иоанна Грозного», мировая премьера которой под художественным руководством Мстислава Ростроповича состоялась в Самаре несколько лет назад. И вот теперь сильное, глубокое, серебристое сопрано звучало в зале города Инза. Романс «Ясны очи» певица наполнила истинно русской тоской и страстью. Подлинным шедевром стало исполнение романса

Народная артистка России Татьяна Протопопова.

«Прости, на долгую разлуку».

В программу концерта была включена также искрометная ария Марицы из оперетты Кальмана. С Кальманом, кстати, был хорошо знаком внук Ознобишина Д.И. Ознобишин. А вдова композитора Вера Кальман, слушая Татьяну Протопопову на концерте в Вене, сказала, что такой голос, как у нее, — редчайшая жемчужина. Так удивительно порой пересекаются пути искусства и жизни.

По итогам Первых Ознобишинских чтений был издан научный сборник, который вместил более двух десятков докладов, прозвучавших на конференции. В мае 2004 года в Инзе состоится Вторая международная конференция, посвященная жизни и творчеству Д.П. Ознобишина. И это — только начало, впереди — масштабные мероприятия по возвращению поэта на ту высоту, которой достоин Дмитрий Петрович Ознобишин.

Почетные гости Первых Ознобишинских чтений.

Малиновый край

Инза... Маленький городок в Ульяновской области. Таких много в России, но этот особенный. Со всех сторон Инза окружена лесами, уходящими вдаль до самого горизонта. Две реки, Инза и Сюксюмка, омывают город. Деревья нависают над прозрачной водой, и кажется, что они любят себя своим отражением в ней. Лёгкий летний ветер качает головки цветов, распространяя чудный аромат по полям. Когда видишь такую красоту, сердце переполняет чувства, которыми хочется поделиться со всеми.

Основанная в 1897 году как железнодорожная станция с небольшим пристанционным поселком, Инза расположилась в живописном месте и получила поэтическое имя по названию реки. Инза – в переводе с мордовского – “малина”. Малиновый край...

В 1926 г. Инза стала рабочим поселком, в 1929-м году – районным центром, в 1946-м получила статус города.

В конце позапрошлого века, когда строились железнодорожные линии Рузаевка – Инза – Сызрань и Рузаевка – Инза – Симбирск, наш край не был богом забытой глушью. Расположенные в живописных местах на берегах Суры, Инзы, Сюксюмки и других рек окрестные городки, слободы и села, основанные в XVII столетии при строительстве пограничных засечных линий, крепко стояли на ногах. Повсеместно шумели ярмарки и торги, колосились на полях рожь и пшеница, паслись на лугах лошади, коровы и овцы.

Помимо того, что XIX век стал периодом расцвета культовой архитектуры на территории края, он ознаменовался наивысшими достижениями в области литературы. В эту эпоху на нашей земле жили и творили Дмитрий Петрович Ознобишин (с. Троицкое) и Николай Платонович Огарев (с. Проломиха). Ни до, ни после подобного масштаба писателей в крае не было.

Особенно дорого инзенцам имя Дмитрия Ознобишина. Поэт родился и вырос в двух километрах от Инзы, в селе Троицкое, которое относилось в то время к Карсунскому уезду. Впечатления детства глубоко запали в тонкую поэтическую душу будущего поэта. В своем творчестве он не раз возвращался к чарующим картинам родной природы. В родовом имении прошла большая часть .

*Туда меня мечта моя манит,
С тем краем все поэта думы слиты.*

С уездным городом Карсун Д.П. Ознобишина связывала напряженная общественная деятельность. В карсунском обществе он пользовался огромным авторитетом и оказывал на него немалое влияние.

Согласно переписи 1897 года, здесь проживало 4140 жителей. Карсун был известен в то время своим кожевенным заводом и Троицкой десятидневной ярмаркой.

Маршруты Ознобишина связаны были и с Базарным Сызганом, где насчитывалось до 2500 жителей. Там были две церкви, школа, почта и телеграф, училище, волостное правление, суконная фабрика Белоусова и писчебумажная фабрика Щербакова.

Близлежащие села привлекали красотой действующих в то время церквей: в Коноплянке, в Неклюдово, Проломихе, Чумакино, Китовке, Сюксюме, Аксауре, Валгуссах, Пятине, Сурском Остроге. Среди множества храмов, воздвигнутых в XIX столетии, особенно выделялась Пятинская Троицкая церковь – настоящий шедевр архитектуры.

Маленький пристанционный поселок Инза в конце XIX века не мог соперничать со своими более взрослыми соседями. Он, как ребенок, делал лишь первые шаги. А в XX веке Инзенскому краю пришлось испытать на себе все трагические вехи российской истории: кровавое месиво гражданской войны, раскулачивание, богоробчество. Но и в самые тяжелые времена не оскудевала эта земля талантливыми, творческими, трудолюбивыми людьми.

В целом XX век стал для Инзы периодом роста, в результате которого район обогнал своих старших соседей: Карсун, Барыш, Базарный Сызган.

Быстрое социально-экономическое развитие Инзы при советской власти обусловлено ростом железнодорожного узла и освоением Инзенского месторождения диатомита, крупнейшего в нашей стране. Инзенский диатомовый

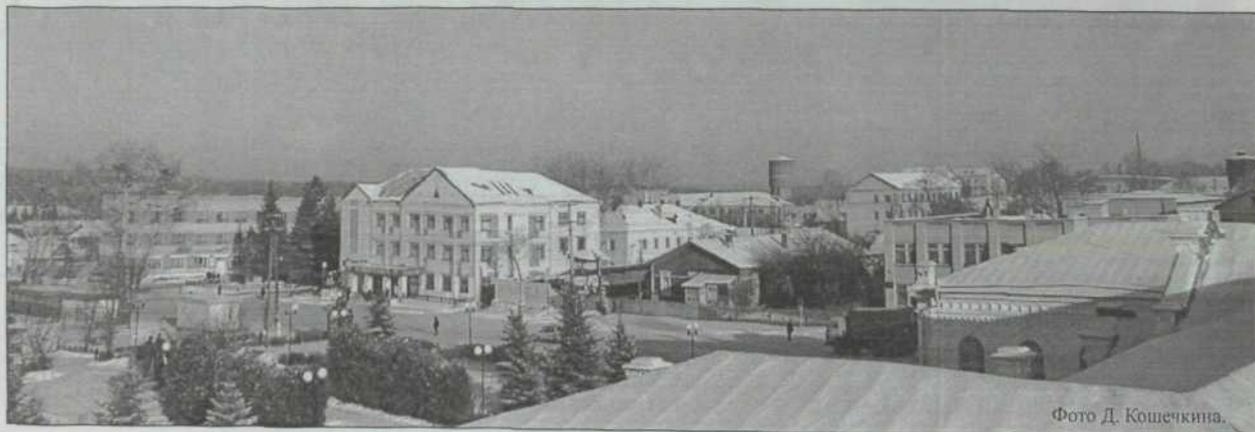

Фото Д. Кошечкина.

комбинат, основанный в 1928 г., стал в тот период главным градообразующим промышленным предприятием.

Новый стимул для подъема экономики Инза получила в годы Великой Отечественной войны. Сюда были эвакуированы предприятия, значительно усилившие ее промышленный потенциал. Вернувшиеся фронтовики помогали обустроить и расширять свой молодой город.

1960-1980-е годы были, пожалуй, самыми благополучными в истории Инзы. Пресловутый “застой” стал периодом настоящего социально-экономического расцвета. В Инзе успешно работали крупные промышленные предприятия, известные во всех уголках Советского Союза: диатомовый комбинат, деревозавод, фабрика нетканых материалов, фабрика первичной обработки шерсти. Они держали на себе коммунальное хозяйство, социальную сферу: детские сады, дома культуры, пионерские лагеря.

Перестройка положила конец этому “золотому веку”. В 1990-е годы судьба Инзы типична для российских малых городов “ельцинского” периода: обнищание, закрытие предприятий, безработица, разруха... Неплатежи, кризис коммунального хозяйства, перебои со светом, теплом...

Новое столетие дало новые надежды. В Инзу пришли интернет и мобильная телефонная связь, проведен газопровод. Динамично развивается сфера культуры и образования. Построены новые храмы, в городе открылся техникум, работают три представительства высших учебных заведений, действует свое телевидение, издаются районная газета “Вперед” и иллюстрированный альманах “Диалог”.

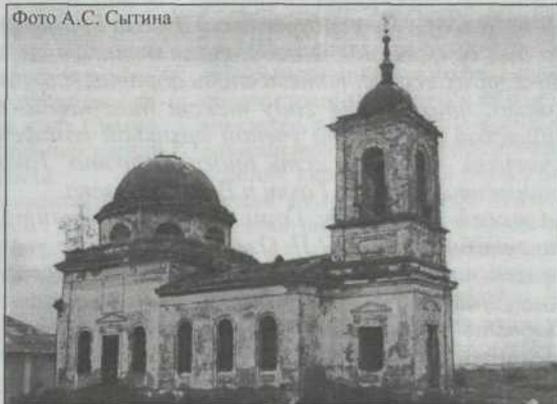
Знаковым событием для Инзы стала научно-практическая конференция “Первые Ознобишинские чтения”, прошедшая в 2003 году и имевшая общероссийский резонанс. Она стала символом возрождения Инзы, ярким примером сохранения лучших духовных традиций края.

Успехи последних лет достигнуты благодаря совместным усилиям инзенцев. Велика в них заслуга лидеров инзенской интеллигенции, настоящих подвижников культуры, таких как В.Н. Шкунов, Н.К. Волоскова, И.Л. Каракозова, Е.В. Карцева, М.Я. Наумов, протоиерей отец Николай Шитов. Нельзя не вспомнить недавно ушедших от нас: замечательного ученого-филолога Т.М. Гольц и историка-краеведа С.М. Кончева.

В весеннюю пору Инзу просто не узнать. Умытая, свежая, причесанная, нарядная, помолодевшая, она становится очень хороша собой. А когда украсит себя душистым венком цветущих яблонь, черемухи и сирени, то устоять невозможно – влюбляешься сразу. И кто знает, каких новых великих поэтов, музыкантов и художников родит этот прекрасный край!

Дмитрий Кошечкин

Фото А.С. Сытина

С. Репьевка. Архангельская церковь. 1850 г.

С. Неклюдово. Церковь Рождества Христова. 1800 г.

С. Коноплянка. Архангельская церковь. 1825 г.

С. Сюзюм. Архангельская церковь. 1831 г.

Фото А.С. Сытина

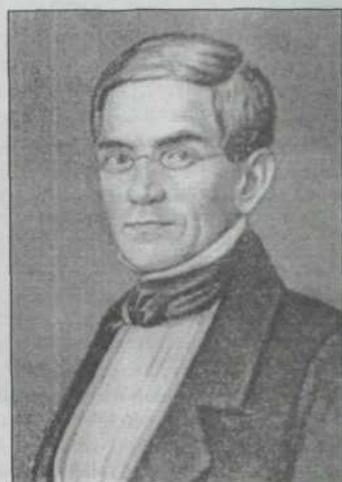

С. Пятино. Троицкая церковь. 1823-1832 гг.

В 1878 году в Петербурге была издана биография Д.П. Ознобишина. Кто был ее автором, долгое время оставалось загадкой. И только в 1940-х годах исследователи вновь обратились к этому факту. Исходя из того, что в 1904 году текст биографии подарил музею при симбирской губернской ученой архивной комиссии А.П. Горизонтов, посчитали, что он и есть биограф поэта. Такой же точки зрения придерживались Т.М. Гольц и В.В. Морозова.

Алексей Петрович Горизонтов действительно был способен написать биографию Д.П. Ознобишина, с которым в 1860-1870-х годах общался на заседаниях симбирского губернского статистического комитета. Но разве мог такой опытный автор, как Горизонтов, "оборвать" биографию событиями 1867 года, и ни единым словом не упомянуть о дальнейших годах жизни и творчества поэта, не упомянув об обстоятельствах его гибели и о том, где покоится прах.

По мнению краеведа-исследователя Ж.А. Трофимова, автором биографии Д.П. Ознобишина является не А.П. Горизонтов, а сам поэт. Возможно, перед нами – автобиография самого Ознобишина.

От третьего лица

Дмитрий Петрович Ознобишин, сын симбирского помещика, дворянина, которого предки являются в России при великом князе Василье Иоанновиче Темном; некоторые из них были воеводами и жалованы вотчинами за крепкое сидение в Москве во время обложения ее поляками, другие впоследствии сложили голову при царе Алексее Михайловиче, на стенах Смоленских, охраняя от осаждающих поляков башни оной, из которых одна и поныне носит название Ознобишенской. Прадед Ознобишина был при императрице Екатерине II капитаном гвардии, имел множество поместий и несколько тысяч душ, растерянных его потомками. По интригам царедворцев, этот блистающий в высшем кругу Двора капитан был с секретным поручением, для производства следствия о контрабандном ввозе ревеня, отправлен на китайскую границу, где пробыл более трех лет. Забытый Государынею, которая только случайно о нем вспомнила и возвратила его на прежнюю службу, которой однако ж он продолжать уже не мог.

Отец Ознобишина был директором банка в Астрахани, где и женился на гречанке – дочери истребителя турецких кораблей под Чесмою и знаменитого своими благотворениями миллионера коллежского советника Ивана Андреевича Варвадия. Первое начальное образование его было вверено французскому эмигранту барону Боде; по смерти же обоих его родителей во время его детства заботы о нравственном его образовании принял вышеозначенный дед его, и по знакомству своему в С.-Петербурге с сенатором И.С. Захаровым хотел по-

местить его в Горный корпус, под заведывание своего родственника, но предложение это не состоялось. Инспектор этого учреждения Е.В. Казадаев, впоследствии сенатор, оставил службу по Горному ведомству и, имея сам семейство, решил включить его в среду оно; здесь он в продолжении пяти лет пользовался лучшими учителями, из числа которых в особенности выдаются К.И. Арсеньев и И.И. Сосницкий, оставившие по себе славное имя, хотя подвизались и на различных поприщах.

По вступлении детей сенатора на службу, из которых один впоследствии был в разных губерниях губернатором, а другой – гвардейской артиллерии генералом.

Ознобишин поступил в Московский университетский благородный пансион, где считался постоянно в числе первых учеников и принимал самое деятельное участие, вместе с С.П. Шевыревым и В.П. Титовым в литературном собрании, основанном еще В.А. Жуковским в бытность его воспитанником того же пансиона. По окончании полного курса науки в названном заведении, где, сидя на школьной скамье, Ознобишин обратил на себя внимание славящегося в свое время издателя "Вестника Европы" М.Т. Каченовского и профессора философии И.И. Давыдова, впоследствии сенатора, своею стихотворною темою "Старец", напечатанной в 1820 годах в этом московском журнале.

Ознобишин поступил на службу в Московский почтамт, где, состоя при почтдиректоре знаменитом лингвисте И.А. Рутковском, занимался цензурой французских газет. Неудовлет-

воренный этою службою, Ознобишин вскоре вышел в отставку и потом, по предложению Карсунского уездного предводителя дворянства А.И. Бекетова, принял на себя звание почетного смотрителя уездного училища, а через четыре года, на губернских дворянских выборах, большинством двух третей голосов, удостоен звания почетного попечителя Симбирской гимназии, каковую службу нес почти два трехлетия. В это время, пользуясь полною свободою по службе, он предавался литературным занятиям, с тою страстью, к которой способна только молодость, с поэтически-настроенным воображением.

Первые его стихотворные пьески, имевшие успех и ходившие по рукам в рукописях, были переводы из Парни, досель неизвестные в печати, но сохранившиеся у немногих из его знакомых, были две нижеследующие, которые мы вносим здесь на память: "Свидание" и "Другой день".

Свидание

Только час полуночи
Тихо прозвучит,
И ревиццев очи
Сон обременит, -
Тенью незаметной
В уголок приветный
Я прокрадусь твой.
Ты откроешь взоры,
Темные от сна,
Улыбнешься страстно,
И рукой атласной
Обовьешь меня.
Миг очарованья!
Я твоё дыханье
Жадно буду пить;

Но мой друг стыдливый
Сбрось покров ревнивый,
Чтоб милее быть;
В тайное свиданье,
В тишине ночной,
Будь всегда со мной
В легком одеянии
Грации младой.

На другой день

О милый друг, ты наконец узнала
Привет любви, прелестный и живой;
Его боялась ты и пламенно желала,
Им, наслаждаясь, трепетала. —
Скажи-ж, что страшно

влечет он за собой?

Приятное в душе воспоминанье,
Миңутный вздох и новое желанье,
И новость страсти молодой!
Уже свой роза цвет сливает
С твоею бледностью

лилейного ланит,

В очах суровость исчезает
И нега дивная горит ...

Смелее дышит грудь

под легкой пеленою,

Накрытой матери рукой,
Любовь придет своей чредою,
И лаской резвой и живою
Расстроит вновь убор

вечернюю порой!

Тебе веселость изменила,
Прошла беспечность прежних дней,
И томность нежная

их место заступила;

Но ты прелестней и милей!

Ты пылкую любовь

и робкой неги сладость:

Узнала пламенной душой
И резвую сдружила младость
С своей задумчивой мечтой.

Считаем не лишним присовокупить еще, для полноты биографии поэта, что им напечатано было в малом числе экземпляров, без означения имени, переводы из греческой антологии под названием "Гинекιον" вместе с греческим текстом оных.

В последние годы своей службы при Московском почтдиректоре Ознобишину возымел намерение, при содействии дяди своего сенатора гр. Апол. Хомутова, отца атамана казачьих войск, участвовать в посольстве А.С. Грибоедова в Персию, для этого он два года занимался под руководством ученого муллы арабским и персидским языками и слушал лекции арабского языка у московского профессора Болдырева; к этому времени относятся его неудачные переводы из Гафиза и Саади, из которых некоторые были напечатаны под псевдонимом Делибюрадера.

К этой же эпохе должны быть при-

числены и переводы его некоторые из "Макамат, или Бесед Гарири", из которых напечатана только одна "Золотая монета", а прочие остались в рукописях, равно как и переведенная им с английского языка "Персидская грамматика" Лумедена и "Краткий персидский словарь" того же лингвиста.

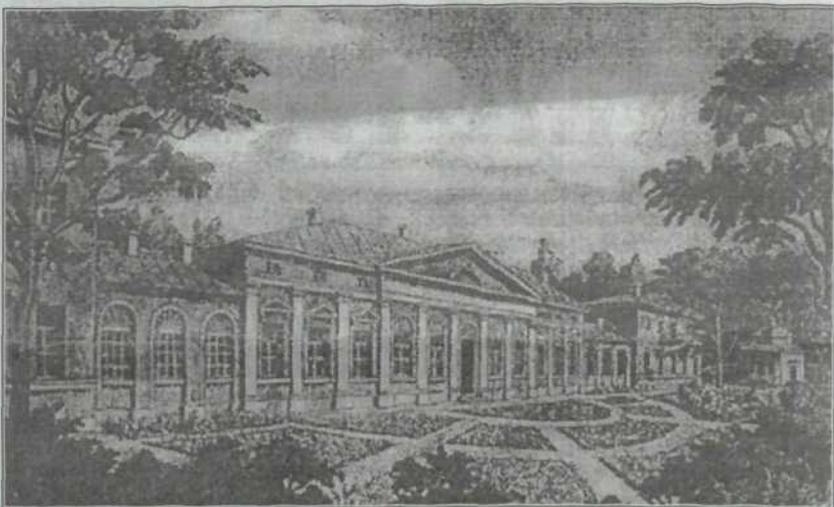
Московский почтдиректор удержал его от участия в этом Грибоедовском посольстве, где бы он неминуемо погиб при неожиданной и плачевной катастрофе, постигшей все посольство.

Перевод о древних обитателях России Ибн-Фадлана, сделанный Ознобишиным, напечатанный в журнале, издаваемом в Москве Калайдановичем, доставил ему звание члена Датского королевского Общества Северных Антиквариев; в это же время избран он был и в члены Московского общества любителей российской словесности и такового же Казанского, ныне уже несуществующего. Некоторые из стихотворений Ознобишина появились в "Урании" и "Северных цветах", двух альманахов Московском и Санкт-Петербургском, на 1826-й год.

Почти всю свою молодость Ознобишин провел в переездах из одного места в другое; объехал почти всю Европейскую Россию и дважды был за границу, вместе с единственным сыном своим Иваном; посетил Англию, Францию, дважды был в Париже, - Италию, прожил несколько недель в Швейцарии и более полугода в Ницце, отколы, вынужденный по морю возвратиться на родину по случаю бывших на материке Европы революций, был на острове Мальта, и в Константинополе; из сего последнего прибыл в Одессу в самый разгар холеры и должен был при возврате на

родину в Симбирскую губернию прорезать всю часть России, пораженную этим бедствием; это видно отчасти из самых заглавий его стихотворений, но об иностранных землях в них не упоминается, так как с этого времени он совершенно перестал печатать произведения своей кочевой Музы, вовсе однако же не покидая ее. Но оставил в позднейшее уже время явившихся в печати его переводы с немецкого языка "Акселя" Исая Тегнера, а с английского - "Сизиф", Милетская сказка Литтон-Бульвера, и досель не напечатанное "Святыло-Гарема" Томаса Мура, составляющее четвертую и последнюю повесть из знаменитого поэтического восточного романа его "Лала-рук", откуда В.А. Жуковский передал в стихах: Пери и Ангел.

Много статей было напечатано Ознобишиным в прозе, так, например, "Смоленская святыня" в "Памятной книжке Смоленской губернии", с заглавным стихотворением и виньеткою, под коими он подписал свою фамилию; другие и довольно обширные статьи, как-то литературный рассказ о пребывании в г. Симбирске блаженной памяти Государя Цесаревича Николая Александровича и еще некоторые были напечатаны под псевдонимом Борисова в "Симбирских губернских ведомостях" разных годов отдельными оттисками, в большом количестве, ходили по рукам по всей Симбирской губернии, которой губернский город был воспет им в особой детской сказке под именем "Городок", напечатанной в журнале, издаваемом Богушевичем.

Дом Ознобишиных в селе Троицкое. Гравюра Белобородова

Д.П. Ознобишин – переводчик

Творчество Дмитрия Петровича Ознобишина (1804—1877) продолжалось более полувека: с 1820 года, когда в альманахе “Калиона” появилось его стихотворение “Трубадур” (перевод с французского), до семидесятых годов. Своевременно откликаясь на смену литературных вкусов, он все же оставался в сознании читателей поэтом пушкинского времени. Именно тогда, в 20-30-е годы, сложилась его стихотворная техника, тогда он стяжал наибольшую известность. “На личности поэта лежит явственный отпечаток “золотого века русской литературы, блестящего окружения, в котором проходила его молодость”.

Становление Ознобишина-переводчика произошло в период учебы в университетском благородном пансионе. “Ознобишин постоянно был одним из первых учеников пансиона и обратил на себя внимание преподавателей М.Т. Каченовского, И.И. Давыдова, А.Ф. Мерзлякова, при содействии которых были опубликованы его стихотворения “Старец” и “Послание к Т...у”.

21 августа 1824 г. Дмитрий Петрович поступил на службу в Московский почтамт, где под руководством известного лингвиста И.А. Рутковского осуществлял цензуру французских периодических изданий. Его окружали талантливые литераторы: С. Одоевский, М. Погодин, С. Шевырев, В. Андросов и другие.

В середине 20-х годов поэт сблизился с “любоумудрами” (Д. Веневитинов, братья Киреевские, А. Кошелев). “Архивные юноши”, как известно, отличались высоким уровнем образованности и культуры, однако Ознобишин даже среди них выделялся осведомленностью в иностранных литературах, в том числе, что было уже совсем большой редкостью, в литературах восточных. Он находился в дружеских отношениях с М. Погодиным, Анд. Муравьевым, В.И. Оболенским, Ф.Н. Глинкой.

С.Е. Раич внимательно следил за увлечением юноши ориенталистикой; в восточных литературах он видел “неисчерпаемый запас новых питических выражений, оборотов, слов, картин”.

С 20-х годов Ознобишин изучает арабский и фарси под руководством ученого муллы и слушает лекции арабиста профессора А.В. Болдырева в Московском университете. Ориентализм на длительное время занимает его внимание: он переводит с персидского, пишет “восточные повести”, обширные статьи-экскурсы о поэзии народов Востока. Многие публикации подписаны псевдонимом.

Свои суждения о переводе с восточных языков он излагает в обширной статье, написанной по поводу книги “Красавица замка, или Повесть о Русской царевне” профессора-ориенталиста Ф. Эрдмана. Вместе с высокой оценкой издания Ознобишин высказывает замечания и пишет о трудностях художественного перевода восточной литературы на европейские языки: “Дух ориентализма, яркий и фантастический... едва ли даже может быть перенесен в тесную рамку европейских понятий. Самобытность его исчезнет под нашею образованностью, выточенной политурой вкуса...”.

Помимо древних языков, поэт овладевает современными: французским, немецким, английским, итальянским, шведским, позднее - арабским и персидским. Известны его переводы с испанского, польского, сербского, эстонского, литовского, чувашского. Он становится известен как переводчик Хафиза, Низами, Саади, Парни, Ламартина, Гейне, Мура, Байрона, Шекспира, А. Шенье, Шамиссо, Ю. Кернера, Р. Рюккерта, Мицкевича, Данте и других авторов.

Интерес поэта-полиглота к другим народам и культурам, к новым местам и людям находит выражение в его неутолимой страсти к путешествиям. То и дело под разными предлогами пускается Ознобишин в ближние и дальние поездки. Он буквально колесит по всей России, в том числе, по родному Поволжью. Сосед Ознобишина по симбирскому имению, известный поэт Н.М. Языков, удивляясь беспокойной жизни друга, предостерегает его от дорожных излишеств, по его мнению, мало подходящих для служителя муз, советует подольше задерживаться дома и почаще держать в руках свою “золотую лиру”.

Наиболее плодотворным периодом творчества Ознобишина специалисты справедливо считают период

конца 20-х начала 30-х годов, когда по художественному уровню его оригинальные лирические сочинения приравнялись к блистательным поэтическим образцам пушкинской поры. Публикации в лучших периодических изданиях и альманахах (“Северные цветы”, “Невский альманах”, “Альбом северных муз”, “Эвтерпа”, “Роза граций”, “Уrania”) позволяют соотносить его эстетические взгляды с задачами “школы гармонической точности” – эпицентром русского романтизма. Вместе с С.Е. Раичем Ознобишин проявил незаурядные способности как составитель альманаха “Северная лира на 1827 год”, явившегося своеобразным итогом творческих поисков московских литераторов. Его имя, уже обратившее на себя внимание ценителей изящной словесности, становится особенно известным после выхода в свет двух миниатюрных книг – “Селам, или Язык цветов” (1830) и “Гинекион” (1830).

Подлинный расцвет переводческого мастерства Ознобишина приходится на начало 30-х годов, когда он обращается к лирике таких известных европейских поэтов как Байрон, Гюго, Беранже, Гейне. Позднее его интересуют Булвер-Литтон, Тегнер. Особой оценки заслуживает опубликованный в “Молве” фрагмент из романа Байрона “Дон Жуан”. А перевод с испанского “Альгама” расценен как бесспорная переводческая удача: Ознобишин “должен войти в историю нашей испанистики как первый переводчик, нащупавший путь к функционально верному воспроизведению романа. Более того, ему даже удалось сохранить моноритм в четных строках – а этого редко добиваются и современные переводчики “Романсеро”.

На протяжении всей жизни переводчик обращался в поэзии Томаса Мура. Помимо отдельных переводов из цикла “Ирландские мелодии”, им сделаны переводы из “Лала Рук”.

Обратившись к балладной лирике, поэт оставил неизгладимый след в романтической поэзии. Старинная шотландская баллада "The Twa Corbies" у нас хорошо известна в основном по пушкинскому вольному переложению "Ворон к ворону летит, ворон ворону кричит...". Создавая балладу, Пушкин искусно ввел в текст мотивы и образы русского фольклора. Став фактом русской культуры, пушкинское переложение со временем обрело собственную значимость со временем и (через музыкальные переложения) нередко воспринимается безотносительно оригинала.

С виртуозностью Пушкина, казалось бы, не имело смысла соперничать, однако выяснилось, что художественный потенциал баллады не был исчерпан. В 1830 году на страницах московского журнала "Галатея" появилось стихотворение "Вороны" с подзаголовком – "(с английского)";

*Ворон, плавая кругами
Над крутыми берегами,
Каркнул ворону во след:
Где сегодня наш обед?
Там, над Твидью глубокой,
Под зеленою осокой
Добрый молодец лежит,
Кровь из ран его бежит.
Кем убит и для чего,
Не узнаешь от него:
Знают ястреб, конь, борзая,
Знает дева молодая.*

Перевод Ознобишина ближе к английскому первоисточнику, текст увеличен до шести строф, сохранено название реки. До 1829 года вышло двенадцать англоязычных изданий баллады, и каким из них мог пользоваться Ознобишин, сказать затруднительно. Если перевод был нацелен на то, чтобы показать, насколько пушкинское переложение далеко от оригинала, становится понятной анонимность публикации.

Перевод Ознобишина отличает строгое следование букве оригинала. Так, в пятой строфе он не избегает описания возможной сцены расправы над умершим, но делает это весьма тактично. Последняя строфа оставляет впечатление некоторой недосказанности; то ли продолжается разговор воронов, то ли нам представлено мнение лирического наблюдателя.

Судьба того или иного произведения, литературного или фольклорного, порой складывается причудливо. Только сила неумолимых фактов заставляет поверить в то, что трудно было даже предположить.

Балладная песня о гибели невесты в день свадьбы – "По Дону гуляет казак молодой" – стала истинно на-

родной, и утверждение, будто это перевод, по-прежнему вызывает сомнения и недоверие у людей, не связанных с наукой о литературе.

В народном репертуаре песня "По Дону гуляет" появилась во второй половине XIX века. Особенности ее стили наводили на мысль, что песня имеет литературное происхождение. Фольклористами высказывались различные предположения о природе этой баллады. В самом сюжете просматривался некий литературный источник, случайно попавший в народную песенную культуру. Разного рода догадки длительное время оставались бездоказательными. Сходные сюжеты построения женихом моста для девушки находили в сербском, болгарском, латышском, верхнелужицком фольклоре. Однако ближе всего к русской песне оказались немецкие и датские варианты, где невеста заранее знает о своей гибели в реке, а жених утешает ее, обещая построить мост. Это оставляло надежду обнаружить искомый текст.

Знание поэтических переводов подтвердило версию о литературном происхождении баллады. Оказалось, что стихотворение Ознобишина "Чудная бандура" (1835) слишком похоже на известную песню. Происхождение текста по-прежнему связывали с народными балладами.

В начале 1980-х годов специалисты вернулись к предположению о переводном характере русской версии, ставшей песней, однако поиски варианта среди немецких песен не дали никакого результата.

Исследовательница Н.П. Копанева обратила внимание на стихотворения, перед которыми были написаны строчки на шведском языке. Как известно, Ознобишин читал на шведском и даже перевел несколько "шведских песен" ("Исповедь", "Две сестры", "Битва в дубраве", "Злой брат"). Работа над переводами велась поэтом в апреле 1835 года, тогда же была написана и "Чудная бандура". Оставалось выяснить, откуда мог взять Ознобишин шведские тексты. Русским скандинавистам первой половины XIX века хорошо был известен сборник Гейера и Афцелиуса, где в первом томе содержалось три варианта баллады "Harpans Kraft" ("Сила арфы"), из которых один отличался хорошо развитым сюжетом. Подстрочные переводы всех трех вариантов показали, что "Чудная бандура" Ознобишина – талантливый перевод первого варианта, "перевод поэта, прекрасно понимающего и знающего-

го свой национальный фольклор".

Вслед за Батюшковым и молодым Пушкиным Ознобишин пробует свои силы в переводах Парни. Александр Бестужев писал П.А. Вяземскому 5 апреля 1823 года: "Еще пощупайте молодого стихотворца, едва ли у Вас известного, – это Ознобишин. У меня есть две его прелегкие шутки из Парни. Внимание Ваше ободрит его, да и мы уверимся, можно ли от него чего-нибудь дожидаться".

Как и многие литераторы начала 1820-х годов, следуя литературной моде, Ознобишин обращается к французским элегикам (Парни, Ламартин, Шенье), в определенном смысле соперничая с Николаем Маркевичем, довольно плодовитым переводчиком пушкинской поры. Переводы с французского появляются в лучших альманахах того времени. Некоторые тексты, созданные в тот период, испытали проверку временем и вполне пригодны для современных антологий. Отличительная особенность переводческой манеры Ознобишина в том, что он неотступно следует за переводимым автором, не привнося ничего такого, что могло бы исказить оригинал. Если переводы упомянутых эгиков были представлены широкому читателю, то о переводах Ознобишина из Виктора Гюго и Пьера-Жана Беранже известно гораздо меньше.

В известных монографиях о русском восприятии французского песенника и остролова Беранже имя Ознобишина упоминается вскользь, главным образом в связи с переводом "Воспоминания народа", вполне точно передающим оригинал "Les souvenirs du peuple". Между тем Ознобишин обращался в Беранже неоднократно, подчеркивая свое восхищение перед этим французским сатириком, источающим неповторимую энергетичность романтической иронии. Яркое тому свидетельство – стихотворение "Доктор и больной", затерявшееся на страницах журнала "Молва". Заслуживает внимания и перевод стихотворения "Маркиз". Остается неясным, почему вполне удачные переводы Ознобишина не были включены в отдельное издание "Беранже в переводе русских авторов".

Малоизученными до сих пор остаются темь: "Ознобишин – переводчик Гейне", "Ознобишин и Лермонтов", "Пушкинские мотивы в лирике Ознобишина" и другие.

Александр Гуривенко

(отрывки из научного доклада на Первых ознобишинских чтениях)

Единомышленники

В декабре 2003 года исполнилось 200 лет со дня рождения Ф.И. Тютчева. Имя великого русского поэта симбирянам вдвойне дорого, потому что с нашим земляком Д.П. Ознобишиным его связывала многолетняя дружба. Студенческая пора 16-летнего Федора Тютчева и 15-летнего Дмитрия Ознобишина началась осенью 1819 года в Москве. Несмотря на то, что Тютчев был студентом словесного факультета университета, а Ознобишин воспитанником Благородного пансиона при университете, занимались они обычно в одних и тех же зданиях, общими были и некоторые профессора, оба они стали членами литературного "Общества друзей", собиравшегося на квартире поэта и переводчика Семена Егоровича Раича, бывшего домашнего учителя в семье Тютчевых.

В 1821 году Ф. Тютчев защитил кандидатскую диссертацию и вскоре уехал в Мюнхен на службу при русской дипломатической миссии. Примечательно, что с этой же поры секретарем "Общества друзей", в котором состояли М.П. Погодин, М.А. Дмитриев, С.П. Шевырев, А.И. Писарев, В.П. Титов, В.Ф. Одоевский, А.С. Норов, М.А. Максимович, А.Н. Муравьев, В.И. Оболенский и другие одаренные личности, будущие профессора и литераторы, по рекомендации С. Раича был избран Дмитрий Ознобишин.

Ф. Тютчев из мюнхенского далека поддерживал тесные связи с С. Раичем, присылал стихи для публикации. Само собой разумеется, что С. Раич и Д. Ознобишин, комплектуя в 1826 году состав альманаха "Северная лира", уделили творениям Тютчева особое внимание, включив шесть его стихотворений (в то время, как Д. Веневитинов, М. Дмитриев, П. Вяземский, М. Погодин, В. Одоевский удостоились лишь по одному стихотворению).

Пребывание Тютчева за рубежом затянулось на двадцать два года, лишь несколько раз свои отпуска он использовал для посещения Москвы. Что касается Д. Ознобишина, то в 1828 году он вышел в отставку и, покинув першпрестольную, вернулся в родимый симбирский край. Однако, благодаря Семену Раичу, издававшему в Москве журнал "Галатея", стихи Федора Ивановича и Дмитрия Петровича в 1829 и 1830 годах соседствовали и в этом издании. Время от времени новинки их творчества оказывались рядом в альманахе "Денница" М. Максимовича, журнале "Телескоп" Н. Надеждина, газете "Молва" (приложении к "Телескопу"), а с середины 1840-х годов и в журнале "Москвитянин" М. Погодина.

В поэзии Ознобишина и Тютчева отражались одни и те же события, которые иногда становились сюжета-

ми для их творческого соревнования.

Первым по важности таким событием стала Крымская война. После того, как 18 ноября 1853 года российская эскадра под командованием адмирала Нахимова уничтожила турецкий флот в его порту Синоп, а войска генерала Василия Бебутова разгромили турецкую армию под Карсом, объединенные вооруженные силы Англии и Франции стали готовиться к вторжению в пределы России.

Дмитрий Ознобишин той тревожной зимой находился в Петербурге и, подобно П. Вяземскому, Ф. Тютчеву, С. Шевыреву, другим поэтам-патриотам, откликнулся на происходящее стихотворением "Был век", которое в 1854 году сначала появилось в "Пензенских губернских ведомостях", а затем в "Москвитянине" и "Северной пчеле". В нем наш поэт с гневом обличал правительства Англии и Франции, пославшие эскадры в Черное море и, как бы предупреждая о тяжелых для них последствиях, уверял, что "пожар Синопа не угас":

*Не нов в боях наш юный флот!
Под Чесмой помнят исполина!
И слава русская живет
В разгроме грозном Наварина!*

Трудно сказать, встречались ли Тютчев и Ознобишин той зимой в столице, но Федор Иванович, словно проявляя солидарность с нашим поэтом, в своем стихотворном "Спиритическом предсказании" заявил:

*Дни настают борьбы
и торжества,
Достигнет Русь
завещанных границ,
И будет старая Москва
Новейшею из трех столиц.*

Между тем вражеские эскадры атаковали Одессу, Севастополь, Керчь, Петропавловск-на-Камчатке, Свеаборг и Кронштадт...

Дмитрий Петрович не падает духом и в апреле 1855 года помещает в

"Москвитянине" стихотворение "Сподвижникам Луны" (под ними подразумевались турки и их союзники: Англия, Франция и Сардиния). И на сей раз поэт, восхищаясь героизмом защитников Севастополя, выражает уверенность, что:

Пройдут века...

К морской твердыне

*Паломник свой направит путь:
Воздать хвалу родной святыне
В молитве храбрых помянуть.*

Любопытнейшим свидетельством его патриотического настроения является альбом "Карикатуры на современную войну", изданный в Москве летом 1855 года. В этом альбоме, поступившем недавно в Ульяновск из Парижа от Н.Н. Ознобишина, имеется 10 листов с литографическими рисунками и сатирическими подписями под ними. Характерным листом альбома является карикатура, изображающая русскую крепость, перед которой огромный крест с надписью: "Под крестом сим лежат кости французов и два-надесяти язык в 1812 году. Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог". Текст этот виден неприятелям, на знаменах которых надписи: "Англия", "Франция", "Сардиния", "Турция".

Увы, Крымская война кончилась поражением николаевской России. Возмущенный Ф. Тютчев в эпиграмме-эпитафии Николаю I под тяжким впечатлением от падения Севастополя набросал уничтожительные строки об императоре, скончавшемся 18 февраля 1855 года:

*Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые —
Все было ложь в тебе,*

все призраки пустые:

Ты был не царь, а лицедей.

Эти обличительные строки увидят свет только в 1922 году, но недовольство прогнившей крепостнической

системой, приведшей к военно-технической отсталости России, стало настолько широким, что отзвуки его проникают в печать. Даже Д. Ознобишин, реагируя на толки о том, что одной из причин поражения в войне стало отсутствие железнодорожного сообщения центра с Крымом, в марте 1855 года пишет басню "Почтовый колокольчик и дорога". Передав в аллегорической форме полемику между колокольчиком и шоссе, в ходе которой указывалось, что Запад и Новый Свет (США) уже "железных рельс оделись в корсет", поэт-симбирянин завершил басню словами:

*Боюсь, чтоб эту басню
не счел кто за упрек,
Я личности ничьей не задаваю.
Хвалы достоин труд,
и честь тому, кто мог
Дорогой первую служить
родному краю;
Но должно веку вслед идти.
Ошибка не беда! Не медли
в исправленьи!
Все сделать вовремя –
великое уменьье!
С тим прорицателем
не встретит на пути.*

В связи с заявлением автора, что в басне "ничьей личности не задаваю", уместно привести то место из его "Путевого дневника", где воссоздана встреча с Федором Тютчевым летом 1847 года в Германии: "Мы с ним о многом побеседовали. Действительно, замечание его справедливо; железная дорога уничтожила и постепенно будет уничтожать существование маленких городков, находящихся на тракте; мелкая промышленность их уничтожится, и все это перейдет в большие города, которые чрез это будут жить двойной жизнью. Будет ли от этого польза целому государству и не будет ли это мешать развитию общественного благосостояния – вопрос этот разрешит время; но то уже верно и очевидно, что железные дороги скорее всего разовьют общечеловечность – быстрым сближением и обменом мыслей; иной никогда бы не заглянул в ту сторону, куда теперь соблазняет его отправиться железная дорога своей дешевизною и быстротою поездки. Это должно будет осуществиться и на нашей Московской дороге; это еще более будет заметно на дорогах, которые пойдут на Казань или на Саратов".

Как видим, даже такой глубокий мыслитель, как Федор Тютчев, в 1847 году не вполне был уверен в полезности развития железных дорог для России и общественного благосостояния. Среди многих проблем, которые

волновали обоих поэтов, очень злободневной являлась проблема освобождения крестьян от крепостной зависимости. Вот почему сразу же после издания Александром II манифеста от 19 февраля 1861 года, Ф. Тютчев с признательностью напишет строки:

*Он рабский образ
сдвинул с человека
И возвратил семье
меньшую братию.*

А Дмитрию Ознобишину пришлось на практике осуществлять это освобождение крестьян и быть активным деятелем еще и судебной реформы. О главном в преобразованиях Александра II он тоже сказал стихами:

*Сложил с крестьян
тяжелые оковы;
Установил и всем открытый,
гласный суд.*

Либеральная интеллигенция России возлагала большие надежды на наследника престола великого князя Николая Александровича. Однако несмотря на все старания врачей, 12 апреля 1865 года он скончался от чотки в резиденции в Ницце. Ф. Тютчев свою скорбь выразил в стихотворении:

*Другого, лучшего наследства,
Наследства бога своего, -
Он, наша радость с малолетства,
Он был не наш, он был его...*

Д. Ознобишин, имевший случай лично встречаться с наследником в Симбирске, тоже сразу же откликнулся на роковую весть:

*Невольно всех сердца
к себе он влек
К нему неслись людией
свободных клики,
В нем каждый зрел
благ будущих залог,
Надеждою сияли всюду лики!..*

Также синхронно Ф. Тютчев и Д. Ознобишин почтили 1 декабря 1866 года столетие со дня рождения Н.М. Карамзина. В Симбирске участники торжественного заседания рукоплескали словам Дмитрия Петровича о земляке – историографе государства Российского:

*Кто время Грозного,
бесстрастный и свободный,
Деянья темные
потомству передал;
Впервые нам раскрыл
язык престолярный;
Русь миру указал!*

А в Петербурге Федор Тютчев писал в похвальном слове Н.М. Карамзину:

*Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другим до конца
И верноподанным России...*

Редкостное единодушие проявили Федор Иванович и Дмитрий Петрович весной 1867 года в связи с прибытием в Россию участников Славянского съезда. На состоявшемся 11 мая банкете в петербургском Дворянском собрании дорогих гостей писатель Б.М. Маркевич приветствовал тютчевским посланием "Славянам". Это стихотворение одновременно являлось отповедью министру иностранных дел Австро-Венгрии фон Бейсту, посмевшему публично заявить с угрозой: "Славян должно прижать к стене". Отвечая этому графу-расисту, Тютчев вразумляюще подчеркивал:

*Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала, -
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла...
Ее не раз и штурмовали -
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступили
С разбитым лбом богатыри.
Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой:
Она не то, чтоб угрожала,
Но... каждый камень в ней живой.*

Дмитрий Ознобишин присутствовал на этом банкете и, словно вдохновленный тютчевским приветствием, сразу же создал свое послание "Славянам", которое через день отправил в Москву академику Михаилу Погодину, издателю-редактору газеты "Русский". В сопроводительном письме он сообщил, что "галантливые поэты Ф.И. Тютчев и А.Н. Майков" воспели прибывших в Петербург славян, а он сам "как москвич" высылает свое приветствие "милым славянским гостям". "Полагаю, - продолжал Дмитрий Петрович, - что цензура московская, куда предварительно должны быть представлены мои стихи до публичного их чтения при гостеприимной московской трапезе, будет к ним столь же снисходительна, как и петербургская к стихам дешенных поэтов (Тютчева и Майкова. - Ж.Т.). Я не напрашиваюсь на это чтение, - продолжал поэт со свойственной ему скромностью, - в особенности если есть стихотворные приветствия уже приготовленные для публичного чтения; они, без сомнения, будут и лучше моих; в таком случае прошу предать ныне присылаемые уничтожению".

Послание Ознобишина не поспело к торжественному приему славянской делегации, устроенному в Москве 16 мая, но Погодин поместил его 22 мая в газете "Русский", и оно теперь входит в поэтические сборники Дмитрия Ознобишина.

Важным событием в жизни Европы стала вспыхнувшая в июле 1870 года война между Францией, возглавляемой сумасбродным императором Наполеоном III, и Пруссией, где номинально правил Вильгельм I, а фактически его канцлер Бисмарк. Отзвуки этой войны благодаря телеграфной связи быстро достигали и Симбирска, где Д. Ознобишин создал "Шуточные реляции в стихах о франко-прусской войне 1870 и 1871 годов". Замечу, что семь реляций /донесений/ являются отнюдь не "шуточными" и лишь пять лет спустя Дмитрий Петрович сможет издать их в виде брошюры, да и то с подзаголовком: "Литературная импровизация".

Эпиграфом для этой брошюры поэт взял русскую народную поговорку: "Ах, зачем было огород городить?". Своеобразное объяснение этой народной мудрости содержится в письме Ф. Тютчева своей дочери в июле 1870 года, в связи с франко-прусской войной. Полагая, что падение Франции приведет к объединению германских государств, лидеры которых делят мечту о своем господстве в Европе, включая и Россию, Федор Иванович с горечью заметил: "И подумать только, что постановке этого великолепного спектакля способствовал скоморох, именующийся Наполеоном III! В результате он явится восстановителем империи, но только не своей, а империи вражеской".

Точно так же отреагировал в эти летние дни 1870 года в своем симбирском далеке и Д. Ознобишин на авантюрную внутреннюю и внешнюю политику Наполеона III, обернувшуюся позорными поражениями:

*А недавно, ныне летом,
Разъезжая по полкам,*

Хвастал он пред целым светом:

"Немцу пфеффеля задам!"

А на деле вышло иное:

Быстро битва шла за битвой:

Немцы идут все вперед,

И с итьмаком, стоят как с бритвой,

У парижских у ворот.

Упомянув в реляциях от 6 и 22 августа 1870 года о том, что в сражении у стен крепости Седан целая французская армия вместе с Наполеоном III попала в плен, а в Париже восставшие горожане провозгласили установление Республики вместо монархии, поэт указал на причины позорного поражения:

Позабудутся невзгоды

Тяжких царственных годов,

Истязания свободы,

Ссылки доблестных сынов;

Миллионов расхищенье

Для безумственных растрат,

Нравов роскошью растленья,

Биржей созданный разврат;

Двор из челяди бездушной;

Все, что Францию томит!..

По твердому убеждению Д. Ознобишина, Императору Наполеону III лучше было принять смерть в бою, нежели сдаваться в плен – тогда, мол, он бы "с славным именем героя в сонм бы встал земных владык":

А теперь без сожаленья

На него взирает мир,

И подняв с земли камень,

С громким хохотом презренья,

Мечет в сверженный кумир!

Досталось в "Шуточных реляциях" и канцлеру Бисмарку, настоявшему на отторжении от Франции Лотарингии и Эльзаса и взыскании с оккупированной Франции пяти-миллиардной контрибуции в пользу Германии.

В заключительной седьмой реля-

ции, от 18 февраля 1871 года Дмитрий Петрович, обращаясь к населению осажденного Парижа, призвал равняться на москвичей в 1812 году, когда они "свой престольный град сожгли":

На московском пепелище,

Враг недолго ликовал!

Нес нам цепь – нашел кладбище

И с позором вдаль бежал!

Он бежал и наг, и босый,

По снегам, при свисте выюг...

Вместе с тем поэт категорически против участия России во франко-прусской войне:

К Богу возношу мольбу,

Чтоб не вдаваться нам в борьбу,

Чтобы чаши сей к краям

Не прильнуть устами нам!

Пусть кем налита она,

Выливается до дна!

Поразительно, как эта позиция перекликается с суждением Ф. Тютчева, высказанным в стихотворении "Два единства":

*Из переполненной господним
гневом чаши*

Кровь льется через край,

и Запад тонет в ней.

Кровь хльнет и на вас,

друзья и братья наши!..

Славянский мир, сомкнись тесней...

Под "оракулом" подразумевается Бисмарк, правая рука императора Вильгельма I, дяди Александра II. И, как видим, в отличие от правящей верхушки России, симпатизировавшей императорской родне, поэты Федор Тютчев и Дмитрий Ознобишин и на сей раз были единомышленниками, предугадавшими опасность для Европы роста военной мощи объединенной Германии.

Жорес Трофимов

На берегах Суюсьюмки

Во вступительной статье к сборнику стихов Ознобишина Т.М. Гольц писала: "Поэт много путешествовал, бывал и за границей, но любовь к родным местам пронес через всю свою жизнь. Его всегда тянуло домой, в Троицкое, к холмам, поросшим ярусами красностволовых сосен, к извилистой речке Суюсьюмке, в тенистый ухоженный парк со старыми вязами, аллеи черемухи, которая и сейчас цветет там по весне".

Мне не раз доводилось бывать в описываемых выше местах, я даже написал акварельный этюд с холма окранны Китовки. На этюде на переднем плане изображен старый вяз с огромным дуплом, в котором без труда могли уместиться два человека. На заднем плане – речка Суюсьюмка, пруд, а вдаль – села Троицкое и Дубенки. Известно, что вяз может прожить 200 лет, значит, он вполне мог быть ровесником Ознобишина. К сожалению, прошлой весной я уже не нашел этот вяз. Время безжалостно стирает черты былого, и тем важнее сохранить культурное наследие нашего края для грядущих поколений.

Николай Кочкин

Окранна села Троицкое. Этюд Н. Кочкина. 1988 г.

Симбирск глазами поэта

Перу Д.П. Ознобишина принадлежат два рукописных очерка, в которых запечатлен облик Симбирска до и после пожара 1864 года. Первый написан в связи с приездом цесаревича Николая. Симбирское общество было польщено посещением и вниманием к городу царственной особы и с восторгом встретило наследника престола обилием яств, даров и фейерверков. Но пройдет совсем немного времени, и город окажется в огне и дыму и почти полностью погибнет. Эта трагедия, постигшая Симбирск, явилась предвестником горя царской семьи: в апреле 1865 года наследника постигнет ранняя смерть от менингита.

В очерке "Симбирский пожар 1864 года" Д.П. Ознобишин с горечью напишет: "Не прошло еще года с того вечно незабвенного времени, когда Симбирск в своем праздничном уборе, блесках торжественных иллюминаций, полный сердечного одушевления и верноподданнической преданности к Царственному Дому, на изукрашенных коврами стогах своих встречал Государя Цесаревича, оглашая три дня сряду воздух своими радостными, сердечными кликами, ловил с любовью и взгляд, и каждое слово Царского Первенца, несказанно обрадованный Его милостивым вниманием и драгоценным посещением. Не минуло еще года, и какая страшная перемена!.. Заплакал бы добрый Цесаревич, увидя ныне свой верный, злополучный город".

Вот как описывал родной Симбирск Дмитрий Петрович Ознобишин в 1863 году во время приезда цесаревича Николая Александровича.

Допожарный Симбирск. Рисунок художника А.П. Боголюбова. 1863 г.

Впечатления о Симбирске за год до пожара 1864 года

... С одной стороны (от ипподрома за Александровским садом) виднелся на горной вершине город, спускаясь вниз амфитеатром зданий, горя золотыми крестами и серебристыми куполами своих церквей и соборов. В другую сторону дорога уходила в тенистую киндяковскую рощу, составляющую в летнее время любимое гульбище симбирян, - гульбище единственное с той поры, как обширный Александровский сад был уступлен симбирским дворянством больнице того же имени... Чтоб увидеть Симбирск с другой его оконечности, следует отправиться к смоленскому спуску, в сад купца Карташева, лучший из плодовых садов Симбирска. Самый сад, содержимый собственно из коммерческих целей, не отличается осо-

бенной щеголеватостью устройства - он почти в диком виде. Но зато дарит вас великолепной панорамой. С правой стороны виднеется город, начинающаяся с дома нашего знаменитого историографа Н.М. Карамзина... С другой стороны яблоневые сады, по горам раскинутые, тянутся далеко, сливаясь с горизонтом. Перед вами виднеются заволжские селения... Внизу, у ваших ног, нижняя часть, или подол города, и на нем парходные пристани со своими дебаркадерами. А посреди всего этого - красавица Волга, по которой несутся парусные суда, плывут барки с дровами, тянутся длинные плоты с бревнами, бегут с баржами пароходы, выбрасывая из черных труб в ясное лазурное небо свои дымные вымпелы...

Панорама Симбирска с юго-запада (из-за Свяги). Фото А.С. Муренко. 1867 г.

Симбирский пожар 1864 года

Лето было знойное. Безветрие и бездожие при 36 градусах температуры на солнце, даже иногда выше этого, томительно действовали на физические силы каждого: задыхались от жары и пыли, и только вечером можно было подышать свежим воздухом. Стены домов были так горячи от солнечного накала, что нельзя было приложить к ним руки. И вот в эту страшную африканскую сушу, 13 августа, вспыхнул пожар на Дворцовой улице. Говорили, что какая-то старообрядка, Зеленчука, вздумала варить варенье под навесом сеновала; случайно искра зажгла сено, и несколько домов купца Андреева сделались жертвою пламени...

Древняя обитель Спасского девичьего монастыря, палладиум города Симбирска, обитель, предшествовавшая его основанию, была в большой опасности. Спасли ее на этот раз усердные молитвы инокинь, вышедших с образами навстречу огню, и направление ветра в противоположную сторону. Стечение народа было необъятное, потому что пожары в Симбирске дотоле, благодарение Богу, были в редкости. Последний припоминали назад тому за полгода: горел питейный дом на Панской улице, окруженный ветхими постройками, и, надо отдать честь пожарной команде, сгорел только один питейный со своею вывескою "Распивочно и навывность".

Настоящий пожар был, однако ж, немаленький: сгорело до девяти домов, и в числе их четыре каменные. Причиною этого был недостаток в воде, в которой Симбирск, расположенный в среде двух рек, Волги и Свияги, сильно нуждается, более двадцати лет вздыхая об устройстве водопроводов, которые, как клад, ему не даются в руки. Да и до водопроводов ли было Симбирску? Благодарительные преобразования, начиная с эмансипации и оканчивая земством, поглощали всю деятельность администрации. Жалкая действительность повседневного быта от нее ускользала. При скудном пособии едва движущихся водовозов на тощих лошаденках, в гору за 5 верст привозящих воду из р. Свияги, пожар, начавшийся в полдень, был погашен к вечеру...

При ночной темноте вымылись обгорелые остовы строений и обуглившиеся кучи имущества. В виду их поставлены были двое часовых, но вся пожарная команда разъехалась по частям своим. Да, разъехалась, утомленная необыкновенной своей деятельностью, и вместе со своим поли-

цейским начальником предалась сладким объятиям Морфея. На пожарище не осталось ни одной трубы пожарной, ни одной бочки с водою!.. Всероссийская беспечность проявилась здесь во всем своем блеске!

И вот в самую полночь загорелись холодные строения купцов Репьева и Кирпичникова... Ударили в набат. Пока приехали полицейские части, уже не холодные строения, а два большие двухэтажные каменные дома пылали как бы для новой потехи зрителям. Оба дома сгорели по недостатку в воде и негодности пожарных труб. Так прошла ночь с 13 на 14 августа...

С 14 на 15 августа, вечером часов около восьми, как только начали съезжаться в дворянское вечернее собрание, вновь раздались крики "пожар, пожар!", и быстро огромное зарево осветило весь город. Думали, что пылает магазин Кирпичникова с соблазнительными бриллиантовыми вещами, но не над ним растелилось пламя. Горела Лосева улица, одна из самых людных частей города, за мостом или дамбою, где бывает базар, тесная, с деревянными сплошными постройками. В короткое время занялся целый квартал. Пожарная команда, обесиленная двумя предыдущими пожарами, действовала вяло...

Много в эту ночь погорело. Крик, плач и вопли бедствующих теперь еще живы в моей памяти...

К утру пожар прекратился... В этот день однако ж обращено было внимание на беспаспортных, и сказывают, что до 80 человек карманщиков и бродяг, которыми снабжают нас вместе с другими приволжскими городами железные дороги и пароходы, были схвачены полицией.

Утром 15 августа сильно дымилось еще пожарище в Лосевой улице...

В 7 часов вечера собралось в думу более 120 человек домовладельцев разных сословий. Спорили, голословно, всякий предлагал свое мнение, считая его лучшим. Но толку никакого не вышло... Наконец, положили избрать из среды себя 12 человек в роде депутатов и предоставить им обдумать средства, чтобы обезопасить город от дальнейших пожаров...

Августа 16 перед ранним обедом собрались все в городской думе, готовясь слушать предположения депутатов. День был тихий и знойный, как и предыдущие. В самый разгар заседания вошел в залу гражданский губернатор. Его никем неожиданное появление всех удивило. Все встали со своих мест и окружили его в мол-

чании. Бледное, изнеможенное лицо его свидетельствовало, что много бессонных ночей проведено им было в душевной тревоге. Он хотел говорить стоя, физические силы ему изменили, и невольно должен он был присесть на скамью. "Извините меня, господа, - сказал он взволнованным голосом, - что я не могу стоя говорить с вами. Но мне нужно было вас видеть и просить вашего содействия...". Здесь он представил целый ряд мер, которые могли бы быть спасительны в настоящем бедственном случае...

Вечером 16 августа загорелся дом купца Завьялова на Большой улице, и огонь быстро охватил несколько домов. С трудом могли остановить всепожирающее пламя. Так прошла длинная, мучительно бесконечная ночь для бедных жителей Симбирска. К утру пожар, казалось, утих. Но вот 17 августа после обеда вспыхнуло нежное недостроенное здание купца Беляева на Покровской улице. Отысканы были конюшенные метлы, в которые натканы были между прутьями фосфорные спички... всем, наконец, сделалось ясно, что пожары были не случайные, а преднамеренные, что злоумышленники решились испепелить весь город...

Августа 18 вновь пожар на реке Свияге рано утром разбудил барабанным боем истомленных и перепуганных жителей. К счастью, он был скоро потушен. Спусти немного времени загорелись улицы Стрелецкая, Мартынова, Шатальная и некоторые другие. Горели уже не дома, а целые кварталы были объаты пламенем. Тут погиб и прекрасный дом архиерейский с домовою крестовою церковью, дом, некогда принадлежавший богатому роду Ивашевых, консистория, воздвигнутая незабвенным преосвященным симбирским и сызранским Феодотием, Дом А.М. Языкова. Но всех не исчислишь... Горел прекрасный дом В.П. Языкова, однажды спасенный Голубковым, но в настоящее время ничто уже не могло спасти его. Пылала вся Казанская улица. Ветер был сильный, и, казалось, весь город обречен был на гибель. Страшное зарево стояло над двухсотлетним Симбирском, и огненные языки с густым дымом врывались в небо. Так прошла и эта страшная ночь, которую симбиряне долго будут помнить. Более чем в семи местах были поджоги!..

Позднее заплыл дом губернаторский с своею обширною канцелярией, где истреблены огнем более тысячи уставных грамот. Горел великолепный

Границы пожара
1864 года на плане
города Симбирска.

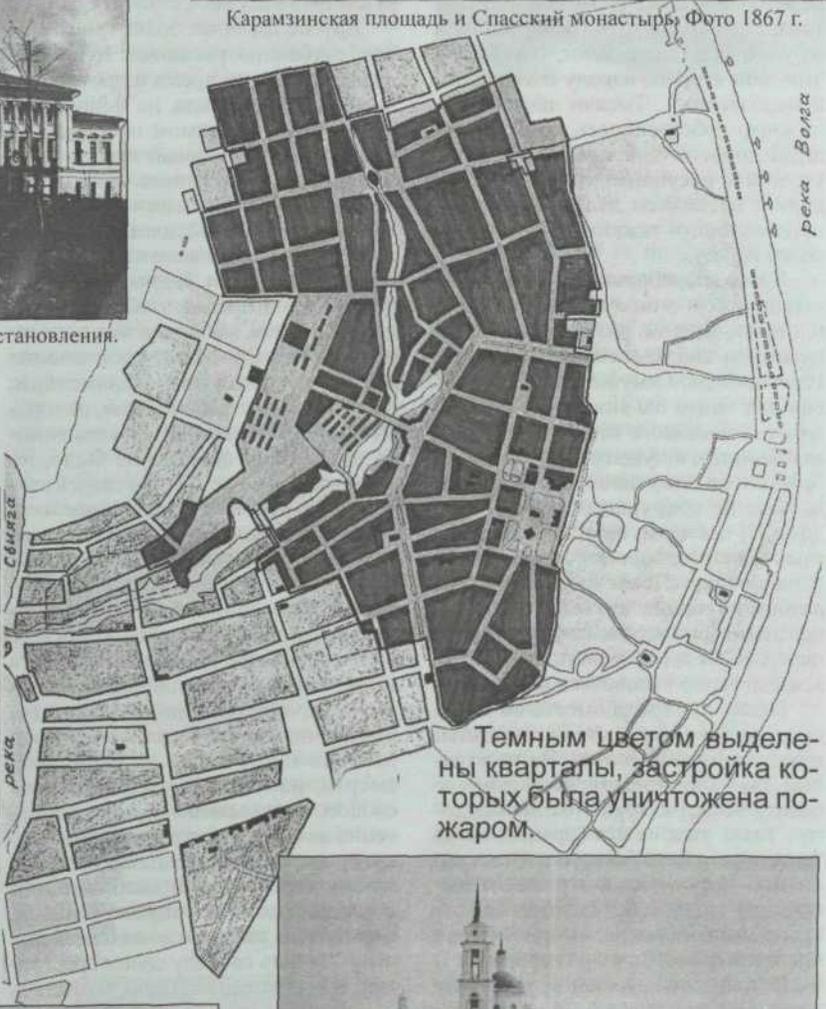
Карамзинская площадь и Спасский монастырь. Фото 1867 г.

Здание дворянского собрания в период восстановления.

Губернская почтовая контора на фоне восстановленных храмов.

Темным цветом выделены кварталы, застройка которых была уничтожена пожаром.

Улица Дворцовая после пожара 1864 года.

Троицкая церковь среди руин на месте выгоревшей жилой застройки. Фотография датируется концом 1865 года.

Фото из фондов УКМ и коллекции А.С. Сытина.

дом дворянства с своею артистическою, созданною даровитым архитектором Бенземаном, большою залою, с Карамзинскою библиотекою, куда усердием сограждан были вложены многие редкие издания..., с квартирою губернского предводителя А.И. Ермолова, который, равно как и гражданский губернатор, ничего не спасли из квартир своих... Горел комиссариат с огромным складом сукон. Обширные провиантские амбары с хлебом... Горели лучшие дома частных людей, аптеки, мясные ряды, погреба, пекарни и булочные... Сказывают, что много в этот день сгорело народу и взрослых, и малолетних... Тысячи людей теряли свою собственность, свой последний уголок, свой насыщенный кусок хлеба, теряли с наследием дедов достояние, приобретенное тяжким трудом целой своей жизни...

Я сам, перебравшись 18 числа с имуществом моим на больничную площадь, был не раз безмолвным и грустным свидетелем отчаяния растерявших свое имущество. И теперь еще как будто бы вижу перед собою коротко знакомого мне престарелого священника, ищущего жену свою. Не было слез в помутившихся очах страдальца, не сокрушался он о потере дома со всем имуществом. Лепетал язык одно драгоценное для него имя и невольные стоны вырывались из разбитого сердца: это была глубокая, невыразимая скорбь, которую ничто передать не в состоянии, скорбь неземная, выше человеческой...

Более полгорода вместе со мною вывезло свое имущество в соседство к городским больницам. На расстоянии двух или трех верст раскинуто было в беспорядке достояние каждого... Была ужасна эта картина, когда тысячи семейств бесприютных и голых раскинулись огромным цыганским табором без палаток под открытым небом, посреди широкой площади и по полям, вдоль тянувшимся...

Вот в небесной вышине вдруг, как

звездочка, ярко засветилась глава Свято-Троицкого холодного собора, которому первый камень в воспоминание изгнания галлов в 1812 году положен был в основание самим Александром Благословенным, где хранились знамена ополчений двух эпох совершенно различных. Погибла драгоценная всем святыня, и невольно вырвались слезы у каждого русского при этом грустном зрелище. Это был девятый или десятый храм православный, разрушенный в эту несчастную седмицу...

Другое зрелище, более трогательное, глубже потрясающее душу, видимо было в это время в противоположной части города, на Венце, там, где за рабочим домом открывается площадь – постоянный приют балаганщиков и фокусников, приезжающих в Симбирск в зимнее и летнее время года. На этой площади более двух тысяч народа всякого возраста и пола снесли свои бедные пожитки, никак не подозревая, чтобы тот отдаленный угол Симбирска мог подвергнуться пожару. Между тем именно эту часть города обнял пламень, и, вспыхни только рабочий дом, не только бы ничего из имущества, сложенного позади его, спасено не было, но погибли бы и все тысячи людей, которые на ней тесно расположились, спастись было некуда. Уже отчаяние овладело несчастными, видя страшные порывы и направление огненной бури. Слышны были громкие, слезные рыдания, раздавались отовсюду вопли о помощи. Никто не мог подать ее. Но вот явился священник с запасными дарами, спасшийся из близ горевшей церкви св. Илии, отец Павел. Многих приготовил он к близкой смерти, напутствуя утешительным словом, когда всякая надежда на спасение исчезла. В эту-то роковую минуту совершен был великий, мало кем замеченный подвиг, избавивший столь многих от неминуемой гибели. Смотритель рабочего дома Семенов... решился дать свободу своим арестантам, которые единодушно вызвались

помочь ему и честно сдержали свое слово. Сказывают, что все они в числе сорока человек бросились на крышу, постоянно заливая ее водою от сыпавшихся на нее каскадами искр и летящих галек, не давая ей загореться. Несколько часов сряду работали они под огненным дождем, их поливавшим. Работали неутомимо и спасли тюрьму свою, в которую по окончании пожара вновь сами возвратились...

20 августа весь город еще пепелился от бывшего накануне страшного пожара, в котором была истреблена телеграфная станция, губернская почтовая контора, занимавшая дом огромный, некогда принадлежавший дворянству и замечательный в историческом отношении – временным в нем пребыванием у первого домовладельца купца Пустынникова императрицы Екатерины II. Сгорели обе типографии – казенная и частная. Одним словом, погорело все то, что связывает деятельную жизнь города и связует его в общию государственной жизнью.

В этот день, перед выездом моим из Симбирска (за большие деньги достал я себе лошадей) заехал я в опустелый дом мой. Стены его были голы... Здесь с семьей моей напился я в последний раз чаю, сидя на окнах, и, помолясь Богу, со слезами на глазах, простился с моим мирным уголком, который не суждено уже было мне увидеть... Через день после моего отъезда пожар дотла истребил его. Он был последнею как бы очистительною жертвою этой страшной катастрофы...

Невольно призадумался, глядя на изменчивость судьбы, выпавшей на долю Симбирска... Как несчастная вдовица, покрывшая голову пеплом, окоченевшая от осенней стужи, голодная, болезненная, с отчаянным воплем зывающая к небу, сиротствует ныне город среди дымящихся развалин, умоляя о помощи в бедствии столь неизмеримо великом... Одна надежда симбирян на благодушные, неоскудевающие щедроты обожаемого Государя и на сочувствие всей России.

Семейная библиотека Ознобишиных

Рождение "моды" на чтение и на книгу связано с петровскими реформами в области книгопечатания и книжного дела. Во второй половине XVIII века стали появляться парадные библиотеки. Чтение рассматривалось зачастую как средство придания блеска уму, как "нервный моцион". Для многих просвещенных людей собирание книг стало любимым времяпрепровождением, способом раскрытия своей личности. Для крупных библиотек строились отдельные здания, отводились специальные комнаты, но чаще всего книги помещались в кабинете хозяина. Каждая библиотека несла отпечаток личности владельца, имела свою неповторимую историю, которая тесно переплеталась с судьбой России.

Ознобишины были библиофилами и к собирательству относились очень серьезно. Свидетельством тому служат и те несколько тысяч томов, что стоят на полках Дворца книги, и воспоминания современников, и публикации в отечественных и зарубежных журналах.

Первое документальное упоминание о приобретении Ознобишиными книг для чтения относится к XVII веку. Стрелецкий голова Михаил Ознобишин в марте 1664 года в лавке Московского печатного двора приобрел за пять рублей серебром Библию 1663 года издания. Учитывая уровень цен того времени, можно считать, что стоимость Библии приблизительно равнялась стоимости 19 бычков или 70 пудов ржи (свыше 1100 кг).

Начало библиотеке было, видимо, положено Иваном Михайловичем Ознобишиным. По семейным преданиям, лейб-гвардии Преображенского полка майор Иван Ознобишин был богат, хорош собой, чем привлек внимание Екатерины II, но завистники поспешили удалить его от двора, отправив на русско-китайскую границу для пресечения контрабандного провоза ревеня. Иван Ознобишин был проникнут типичным для своего времени стремлением к просвещению, что и послужило причиной его увлечения книжным собирательством.

Книг, им приобретенных, сохранилось немного: полтора-два десятка томов. Среди них редкое уже во второй половине XVIII века иллюстрированное издание петровских времен "Учение и практика артиллерии..." Бухнера (М., 1711), рукописная "Сагира К.А.К.", сочиненная в Москве 1730 и 1731 года князя Антиоха Кантемира", купленная Иваном Михайловичем "у разнощика в Москве в 1754 году". Для своих сыновей Алек-

сандра и Никанора он приобрел две книги, изданные от Академии наук "в пользу российского юношества": "Краткое руководство к познанию простых и сложных машин" Г.В. Крафта (1738) и "Жития славных генералов" Корнелия Непота (1748). Вкус к книжной учености, тяга к просвещению передались детям и внукам его. 26 сентября на первой странице "Житий славных генералов" внук Ивана Михайловича сделал следующую запись: "Сыну моему Ивану (чтоб был) полезен Отечеству".

Большая часть сохранившихся старинных книг, около 60 томов, принадлежали Никанору Ивановичу Ознобишину. Служил он в том же полку, что и его отец. В то время многие увлекались переводами: офицеры, студенты и даже дамы. Никанор Иванович перевел с французского более двух десятков произведений из того, что называют легким чтением: галантные новеллы, повести и "истории". Они сохранились в рукописях. А в 1764 г. в Москве вышла книжка "Несчастной француз, или Жизнь кавалера Беликурта", переведенная с французского Никанором Ознобишиным. Приблизительно в эти же годы Никанор Ознобишин печатает автобиогра-

фический роман "Несчастный Никанор", пользовавшийся огромной популярностью во второй половине XVIII века.

В 1767-1769 гг. он был командирован в Комиссию по составлению нового Уложения в числе более грамотных офицеров "для ведения письменных дел". Этой же работой занимался и унтер-офицер Измайловского полка Н.И. Новиков, ставший впоследствии известным книгоиздателем. Новиков уже тогда разработал программу публикации ценнейших памятников истории, культуры и быта Древней Руси. В реализации этой программы участвовали и Ознобишины. Василий Петрович Ознобишин, квартирмейстер Измайловского полка, родственник Никанора Ивановича, передал издателю документы из семейного архива для копирования и публикации в "Древней российской вивлиофике" (ч. XV. М., 1790).

Ознобишины бережно хранят семейные реликвии в то время, когда по словам современника, библиотеки дедов были забыты, а почетные места на полках заняли сочинения чужеземных авторов.

Книги Никанор Иванович покупает везде, где возможно: в Москве, Петербурге, Пензе, где жил после отставки. Собирать книги в провинции было трудно: стоили они там дороже, новые книги, попадавшие в провинцию, успевали состариться. Тем не менее, Никанор Ознобишин, не располагая большими средствами, продолжает пополнять семейную библиотеку. Так, например, отдает немалую сумму за книгу И.И. Бецкого "Об учреждении императорского воспитательного дома" (СПб, 1767). Высокие цены на книги не способствовали появлению в библиотеке случайных книг.

Понятен интерес Никанора Ивановича к книгам по педагогике, вопросам

"Из книг моих". Автограф Никанора Ознобишина.

женского образования: “Устав воспитания двух сот благородных девиц”, “Устав императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса”, “Краткое наставление ...о воспитании детей от рождения до их юношества”. Двенадцать детей Никанора Ивановича получили неплохое по тем временам образование. Сыновья учились в кадетских корпусах – морском и сухопутном, были офицерами. Старший сын Петр после отставки некоторое время занимал пост директора Астраханского коммерческого банка. Девочки также приучены были к чтению. В этой семье ценились женская образованность и начитанность. Сохранилась книга, подаренная Петром Ознобишиным будущей жене Александре Ивановне Варваца. Это – “Учитель, или Всеобщая система воспитания” Роберта Додсли (М., 1789). Библиотеку Ознобишиных пополнили и ее личные книги (“Российской, с немецкой и французским переводами, словарь, сочиненный Иваном Нордстетом”. М., 1780). Факт примечательный, поскольку грамотных, а тем более читающих, женщин в те времена было немного.

У Петра Никаноровича и Александры Ивановны было пятеро детей: Иван, Дмитрий, Александра, Елизавета, Варвара. Дети рано осиротели. Опекал их дед по матери Иван Андреевич Варваца (его настоящее имя Иоаннис Леонтидис).

Варваца, сам не получивший систематического образования, умел ценить образованность в других. Внукам он постарался дать хорошее образование. Дмитрия он поместил в семью дальнего родственника сенатора А.В. Каздаева, где будущий поэт получил блестящее домашнее образование. В семье, где росли еще трое сверстников Дмитрия Ознобишина, поощрялись литературные занятия детей. Через пять лет в 1819 году Ознобишин поступил в одно из лучших учебных заведений России – Московский Университетский благородный пансион.

Надежды деда вполне оправдались. Дмитрий Петрович стал известным поэтом, переводчиком, общественным деятелем, радеющим за просвещение в родной Симбирской губернии.

Библиотека, которую унаследовал Дмитрий Петрович (старший брат Иван умер в 20-х гг.), сначала была разрознена: какая-то часть хранилась в дедовском доме в с. Сумароково. На одной из книг (“Описание земли Камчатки” И. Крашенинникова), куплен-

ной когда-то Никанором Ознобишиным, есть запись сестры поэта Елизаветы (в замужестве Волковой): “Из библиотеки Елизаветы Волковой. 1824-го мая 26-го. С. Сумароково”. Нетрадиционное чтение для провинциальной барыни! Однако вскоре вся библиотека была собрана в Троицком. Уже тогда она насчитывала несколько тысяч томов и вызывала восхищение знакомых Дмитрия Петровича. Первая жена его Елизавета Александровна поддерживала книжное коллекционирование, она также была чрезвычайно начитана, пробовала писать, переводить.

К 1896 году в библиотеке было около 28 тысяч томов. Поэта по праву можно назвать создателем этой библиотеки. Он покупает книги во время учебы в Москве, заказывает по каталогам известных русских и зарубежных книготорговых фирм, просит друзей купить ту или иную книгу в столице, когда не может сделать это-

Месяцеслов на 1833 год с пометками Никанора Ознобишина

го сам. Дмитрий Петрович выписывает специальные библиографические журналы, чтобы следить за всеми новыми книгами.

Собрать такую библиотеку под силу было лишь человеку состоятельному. Изучив более двух десятков иностранных языков, в том числе фарси и шведский, Дмитрий Петрович приобретал иностранные издания, многие из которых переводил на русский язык. Он собрал уникальную по своей научной значимости коллекцию персидских рукописей, следы которой пока не обнаружены. Можно предположить, что некоторые хранятся в библиотеке Казанского университета, большая же часть их, вероятно, погибла в первой четверти XX века.

Библиотека Ознобишиных – результат вдумчивого и планомерного собирательства. На одной из книг сохранилась запись Дмитрия Петровича на французском о произведениях В. Скотта. По мнению поэта, Скотт –

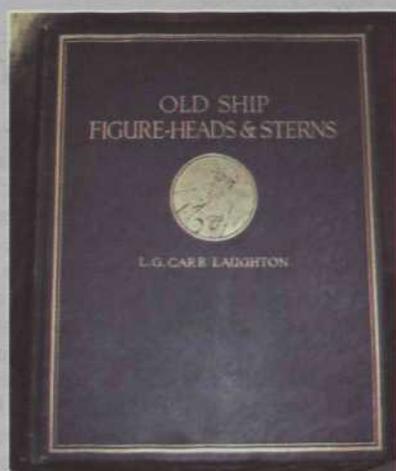
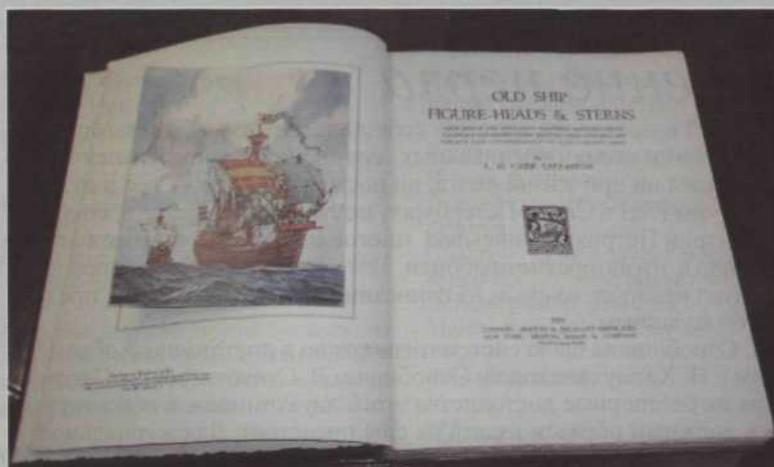
единственный писатель, чьи произведения безоговорочно можно включать в “семейный очаг”, т.е. он интересен и полезен для всех членов семьи, независимо от возраста и пола.

Сын Дмитрия Петровича Иван закончил Императорский Александровский лицей. Он тоже пополнил семейное собрание, но истинным продолжателем семейной традиции стал его внук, последний представитель рода симбирских Ознобишиных.

После продажи имения в 1896 г. пензенскому торговому дому “Карпов и сыновья” Дмитрий Иванович Ознобишин не мог вывезти многотысячную библиотеку к месту своей службы в Петербург, и какое-то время собрание оставалось в Троицком. С 1903 г. Дмитрий служил в Париже. Часть книг из библиотеки накануне мировой войны была им передана в Христорождественскую церковь в Китовке, что-то передавалось в Симбирскую Гончаровскую библиотеку. Несколько тысяч томов ознобишинского собрания в числе национализированных советской властью были вывезены из бывшего имения в Троицком (Карсунского уезда) сначала в Губернское книгохранилище, а затем перевезены во Дворец книги.

Что же касается судьбы “французской” части собрания Ознобишиных, то она не до конца еще выяснена. В 1937 году библиотека бывшего казачьего генерала насчитывала 10 тысяч томов. Считается, что большая часть книг приобретена им во время длительного пребывания за границей. А основу уникального собрания составили старинные книги дедов и прадедов Дмитрия Ивановича, которые он вывез из России задолго до начала первой мировой войны (в 1903-1904 гг.) в Париж. Труды хозяина и хранителя библиотеки, известного поэта Н.Н. Туроверова, библиотека превратилась в своеобразный музей по истории России.

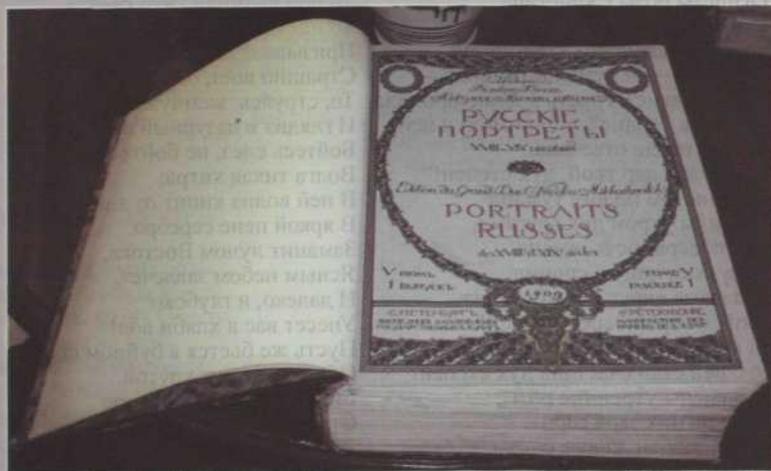
В 1956 г. Дмитрий Иванович умер. Вероятно, уникальное собрание Ознобишина, который покинул Аньер и перебрался подальше от немцев, было вывезено оккупационными войсками. Часть книг после окончания второй мировой войны пополнили знаменитую Тургеневскую библиотеку в Париже. Что-то хранится в семье дальних родственников Ознобишиных в Каннах (Франция). Фрагменты библиотеки обнаружены в русской коллекции Р. Гера.

Самое крупное книжное собрание Симбирской губернии – это родовая библиотека Ознобишиных, начало которой было положено в середине XVIII века. Библиотека считалась погибшей “в огне революции”, но, к счастью, уцелела и хранится в Ульяновской областной научной библиотеке.

На фото: книги из собрания Ознобишиных, хранящиеся в фойе Дворца книги;

Рождение перла

Д.П. Ознобишин, вопреки прижизненной известности, называл себя дилетантом в поэзии. Может быть, поэтому не очень беспокоился об издании своих оригинальных сочинений и многочисленных переводов. Отдельный сборник так и не вышел ни при жизни поэта, ни посмертно. Между тем в рукописном архиве Института русской литературы РАН в Санкт-Петербурге, помимо всего прочего, сохранились 4 рукописных альбома, в них Дмитрий Петрович вписывал многое из того, что публиковал в журналах и альманахах. Далеко не все вошло в эти авторские подборки. Тем не менее, они дают определенное представление о том, что поэт считал наиболее важным из написанного и что, возможно, предназначал для отдельного сборника, будь он изданным.

Впервые литературное наследие Д.П. Ознобишина было систематизировано в достаточном объеме совсем недавно Т. Гольц, А. Гришуниным и Н. Холмухамедовой: Ознобишин Д. Стихотворения. Проза. В 2 книгах. М., "Наука", 2001. Несмотря на бесспорные достоинства этого двухтомника, в нем отсутствуют письма и статьи поэта, собрать и должным образом издать их еще предстоит. Для журнальной публикации мы выбрали не только наиболее характерные произведения Ознобишина, но и стихотворения, свидетельствующие об исключительной одаренности этого образованнейшего и трудолюбивого человека, в равной степени удачно работавшего как с "восточным", так и с европейским литературным материалом, поэт отнюдь не узкого тематического и жанрового диапазона, а литератора высокотехнического, вполне профессионального, умевшего писать как песни, становившиеся потом народными, так и высокую библейскую лирику. Пришло время заново прочесть Ознобишина.

Александр Рассадин

ИЗ ПЕРВОГО АЛЬБОМА

РОЖДЕНИЕ ПЕРЛА

Степей полнощных дух могущий
Младую деву полюбил,
Для ней он радостные кущи
Ирана светлого забыл.
Чертог из пышного коралла
За поцелуй дарил он ей;
Но дева гордо отвечала:
"Как беден дар твой, дух степей!"
Он приносил ей злата груды,
Он сыпал серебро горой,
Алмазы, яхонт, изумруды
Вокруг лил щедрою рукой.
Земля вся мускусом дышала,
Алой дымился перед ней;
Но дева гордо отвечала:
"Как беден дар твой, дух степей!"
"Огнисты розы Суристана,
Но что пред милою оне!
В садах роскошных Индостана
Есть цвет, – он думал в тишине, –
Лишь взглянет, грусть в душе пропала,
Веселье в сердце", – с ним он к ней...
Но дева гордо отвечала:
"Как беден дар твой, дух степей!"
В волнистом пологе тумана
Однажды утром дух грустил,
И на поверхность океана
Слезу блестящую сронил,
И та слеза вдруг перлом стала,
Каких не зрели средь зыбей!
Он к дева с ним. Она молчала,
Но с ней стал счастлив дух степей.
Прекрасны утренние розы,
Когда на них заря горит;
Но вы, любви живые слезы, –
Ваш блеск ничто не затемнит!

Как перл, на дне зыбей сокрытый,
Вы льетесь сладостно в тиши, –
Как в перле блеск и нежность слиты,
Так в вас все радости души!

Январь 1828

Примечания: перл – жемчуг, жемчужина; мускус – сильно пахнущее вещество, вырабатываемое некоторыми животными и растениями; алой – колючее тропическое растение; Суристан – возможно, Сирия.

ИЗ ТРЕТЬЕГО АЛЬБОМА

ВОЛГА В НОЯБРЕ

Волга шумно, грозно льется,
Об утес гремя волной;
То под льдиной тихо бьется,
То идет со льдиной в бой;
Призывает летни грозы,
Страшно воеет, берег рвет;
То, струясь, жемчужит слезы
И глядит в лазурный свод.
Бойтесь слез, не бойтесь воя!
Волга тихая хитра;
В ней волна кипит от зноя
В яркой пене серебра.
Заманит лучом Востока,
Ясным небом завлечет,
И далеко и глубоко
Унесет вас в хляби вод!
Пусть же бьется в буйном споре,
Об утес звенит крутой.
Ей не долго на просторе
Стлаться вольною струей.
Дунут с Севера морозы,
Вихрь метели зашумит,

И русалки хитрой слезы
Хлад зимы оледенит.

Ноябрь 1833

ИЗ ЧЕТВЕРТОГО АЛЬБОМА

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Матушки России
Всем орел знаком!
Миру не впервые
Песнь звучит о нем:
Альпы-великаны
В тучах зрели нас!
Знают нас Балканы,
Знает и Кавказ!

Братцы! Смолкла битва!
Дружно, у шатра:
Господу – молитва,
А царю – ура!

За Кремлевски стены
Русский меч отмстил,
Волны мутной Сены
Конь казачкий пил!
Мы твердыни Воли
Взяли на штыки!
Венгры в бранном поле
Сдали нам полки!

Братцы! Смолкла битва!
Дружно, у шатра:
Господу – молитва,
А царю – ура!
Ярко наш двуглавый
Блещет в знаменах!
Юный флаг наш славой
Веет на морях!

Пламень бранной бури
Помнит Наварин!
Помнит бриг "Меркурий"
Турок не один!

Братцы! смолкла битва!
Дружно, у шатра:
Господу – молитва,
А царю – ура!

Примечания: "Меркурий" – военное парусное судно, прославившееся своими смелыми действиями в период русско-турецкой войны 1828-1829 гг.

СТИХИ, НЕ ВПИСАННЫЕ В АЛЬБОМЫ

ТАЙНА ПРОРОКА

Возьмите, возьмите предведенья дар,
И дивную тайну возьмите!
Смирите души истребительный жар,
Волнение дум утолите!
О, дайте мне каплю забвенья одну,
Чтоб мог я предаться отрадному сну.

Я видел, я знаю – зачем не забыл!
Мои сокрушаются силы,
В грядущем ужасном я мыслью парил,
Я тайну исторг из могилы.
Я тайну проникнул веков в глубине,
И радость с тех пор недоступна ко мне!

Сказать ли? но мир так спокоен и тих,
Все небо так чисто и ясно,
И солнце стремится, как юный жених,
В объятия природы прекрасной,
И люди привыкли так весело жить,
Зачем же мне тайной
в них радость губить?

Погибни ж, зловещая, в мраке души!
О, дайте мне прежние годы,
Когда я, стад пастырь,
в безвестной тиши

Светил созерцал хороводы
И, юный свидетель высоких чудес,
Был светел душою, как звезды небес!

1827

ЛОРЕЛЕЯ

(Из Гейне)

Я не знаю, мне так скучно!
День томлюся, ночь без сна;
Всё со мною, неразлучно,
Повесть дивная одна.
В свежем вечера дыханьи
Рейн как зеркало лежит;
Солнца летнего в сияньи
Горный верх его горит;
На горе сидит девица.
Чудной лик неуловим!

Русы кудри, чаровница
Чешет гребнем золотым;

Чешет кудрей шелк роскошный
И поет, и в песне той
Дышит страстью глас тревожный
Безоградною тоской.
Сладкой песни в звуках млея,
К ней пловец свой правит чолн...
Легковерный!.. Лорелея
Манит песнью в бездну волн.

Сентябрь 1854

Есть Икона чудотворная
Над воротами у Днепра;
Риза вся на ней узорная
Из литого серебра.

Жемчуг, яхонты огнистыя
На иконе той блестят,
И, как жар, горит Пречистыя
Раззолоченный оклад.

Было время... перед битвами
Шла, победная, Она!
За царя, за Русь с молитвами
Верным строем несена!

Гордо встретили могущую
Очи дерзкого врага,
Но зарыли рать бегущую
Неба чуждого снега!..

Во вратах, достойно-чтимая,
Днесь Смоленск Она хранит,
И лампада негасимая
День и ночь пред ней горит;

День и ночь мольба усердная
Скорбных к ней обращена;
И отраду, милосердная,
Щедро всем дает Она.

1855

Примечания: речь идет о Святой Иконе Смоленской Божией Матери Одигитрии, которая была во главе российских полков во время Бородинского сражения.

СЕВЕРНЫЙ СОЛОВЕЙ

Соловей, любимец розы,
Выждав май, из-за морей
Прилетел на ветвь березы
И задумался на ней:
Мало листьев у ветвей!
Бедный, бедный соловей!
Потерпи! Вот канут росы,
Будет в воздухе теплей;
Будешь ты, звонкоголосый,

Рис. А. Кузнецова

С каждым часом веселей!..
Не дождался вешних дней,
Бедный русский соловей!

16 мая 1864

21 ИЮНЯ

Дрожит, дымится пароход,
Знак подан в дальний путь!
Кипит серебром равнина вод,
Кипит тоскою грудь!

О чем грущу невольно я?
Ужель пугает даль?
Отчизна милая моя,
Тебя покинуть жаль!

Гляжу, как тонет берег твой
В лазуревых волнах,
Гляжу, поникши головой,
С слезами на очах...

Зачем, ребенок милый мой,
Так жмешься ты ко мне?
Иль сердце просится домой –
К родимой стране?

Но там никто тебя не ждет
Из дальнего пути,
Никто рыдая не прижмет
К трепещущей груди!

Была б она!.. Она б ждала!..
Родной давно уж нет!..
В могилу хладную легла,
Легла во цвете лет!

Нет, крепче жмись к моей груди, –
Родная в ней живет!
Прости, о родина, прости!
Лети, мой пароход!

Неси меня скорее вдаль
Чужбины к берегам!
Мою глубокую печаль
Сложу, быть может, там!

1847

Фамилия Ознобишин (по-видимому, образованная от слов “озноб” или “знобить”) нередко рождает печальные ассоциации с холодом, тоской, неуютностью и болезнью. Но именно Ознобишиным назвал писатель Сергеев-Ценский главного героя своей малоизвестной поэмы “Печаль полей”. Так появился литературный герой с “говорящей” фамилией, которому автор не дал ни имени, ни отчества и тем самым ввел в заблуждение многих своих читателей. Ведь всем хорошо известен реально существовавший поэт пушкинской поры – Дмитрий Петрович Ознобишин. Что же это? Совпадение или случайность? Похоже, никто не сможет разгадать эту загадку.

Чудесная элегия

«Барский дом в Сухотинке был большой, старый, каменный, со множеством низких и пустых комнат. Из окон его, теперь кое-где открытых, весело было слушать, как сочно стучали топоры, обтесывая пахучие бревна. За-вод строили на выгоне за липовой аллеей, и видны были только верхушки лесов да крест, но представлялось ясно, как подыметя там трехэтажное, деловитое с виду здание и будет глядеть на поля, как хозяин. И этому будущему хозяину полей служило теперь все, что было в усадьбе: лошади, люди и сам Ознобишин - высокий, тонкий, лет сорока... сутулый и сухой...»

Читаю первые строки трагической поэмы о несбывшихся надеждах... Да и само название книги Сергеева-Ценского – «Печаль полей» – такое звучное и поэтичное, настаивает на лирический лад.

Бросается в глаза известная фамилия – Ознобишин. Неужели тот самый? Тот, что жил в Китовке, в двух километрах от Инзы, наш земляк? Но не все оказывается так просто... Вчитываясь в текст и понимаю, что это – всего лишь мои иллюзии, а книга – не что иное, как художественный вымысел. Но как похоже на правду! Так поразительно сливаются в воображении эти два образа, «два Ознобишина» – известный поэт и некий сухотинский помещик – в чем-то схожие, в чем-то противоречивые, но одинаково колоритные, поэтические фигуры.

Свою поэму Сергей Николаевич Сергеев-Ценский написал в 1909 году, спустя 32 года после смерти Дмитрия Петровича Ознобишина. Читаю описания природы и невольно представляю себе просторы полей Карсунского уезда, словно списанные с натуры художником. Именно к этим местам был привязан Дмитрий Ознобишин сердцем и душой, родной земле посвящал свое творчество. Леса и бескрайние поля, села и позолоченные маковки церквей – все, что окружает героев в поэме, видел и реальный Д.П. Ознобишин в своем селе Китовка в окрестностях Инзы. Поэт не только горячо любил свою родину и восхищался ее природой, но и немало запоминающихся описаний оставил в своих стихах:

*...Неволью скорбь в мою теснится грудь!
И вновь скользит на памяти безумной,
И дальний край, и одинокий путь,
И родина, и берег Волги шумной.
О, дайте ж зреть мне блеск родных небес!
Увижу ль вновь мое уединенье,
Плеск светлых волн, живу сень деревьев,
И свежее, как утро, вдохновенье.*

Словно вторя своему однофамильцу, с тем же душевным порывом, как к живым, обращается литературный Ознобишин к полям:

“Поля мои! Вот я стою среди вас один, обнажив перед вами темя. Кричу вам, вы слышите? Трепет волос ветер, - это вы дышите, что ли? Серые, ровные, все видные насквозь и вдаль, все - грусть безвременья, все - тайна, - стою среди вас потерянный и один... Я вас чую, как рану, сердцем во всю ширину вашу. Только слово, только одно внятное слово, - ведь вы живые. Ведь ваши тоску-глаза я уже вижу где-то, - там, на краю света. Только слово одно, - я слушаю... Нет! Передо мною пусто, и вы молчите, и печаль ваша - моя печаль. Поля-страдальцы, мои поля, родина моя, - я припал к сырой и теплой груди твоей и поребячески крепко, забыв обо всем, целую”.

Но мало ли такой красоты на российской земле?... Кто знает, какой забытый Богом уголок имел ввиду Ценский? А само село? Разве не точная копия с Китовка Карсунского уезда, где, по историческим данным, находилась каменная родовая церковь Ознобишиных - Христорождественская.

«Село Сухотинка тянулось вдоль дороги двумя порядками изб. Крыльями от него отмахнули к прудам огороды, к полям - гумна и риги. Село было пушисто-зеленое весной, тощее, пыльное летом, ослепительно желтое от новой соломы осенью и нахлобученное, сизое зимой. Слишком просторно было в полях, - оттого так тесно жалась друг к другу избы. Небольшую деревянную церковку построил для них столетний прадед Ознобишина, и степенный священник, о. Леонид. Двое сборщиков на построение нового храма отправились в разные концы с кружками и листками. По дорогам, изморщившим лицо полей, они разносили миллионы раз повторенные слова: “Милостивые радетели, православные христиане! Не оскорбите нашей просьбы! Храм строим в селе Сухотинке... Есть храм деревянный, но очень ветхий, так что не только зимою служению невозможность, по причине морозов, но и летом от дождей промокает. Православные христиане, радетели, не оскорбите! Строим храм каменный, во имя рождества пресвятыя богородицы. Дайте, что милость ваша, от щедрот ваших, и царь небесный не оставит подающих без награждения».

Недавно мне удалось прочитать документальное описание усадьбы Д.П. Ознобишина, записанное со слов старейших жителей села. Оказалось, что в имени поэта был красивый белый каменный двухэтажный дом: с открытой террасой, с площадкой у дома, выложенной цветной плиткой, с широкой лестницей. В прекрасно ухоженном саду были скульптуры и фонтаны. Имелась оранжерея, пруды

с господской купальней, а в них, вероятно, разводили рыбу. Все это словно повторяет строки поэмы: «Два сада было - верхний и нижний, а между ними кругом дома цветник. С закрученных клубов сползали на усыпанные песком дорожки густые ковры из портулаков, и над ними сочными, хоть выжми, грудами теснились левкои, ирисы, маки, ночная красавица, девица в зелени, резеда - и все это было вверх пестрым фонтаном роз...».

С каждой строкой все больше убеждаюсь, что многое роднит Дмитрия Ознобишина и литературного героя поэмы: жизнь в селе, барская усадьба, охота, бескрайняя ширь полей, но главное - это трагическая любовь, постигшая их на закате жизни. Герою Ценского - 40 с небольшим, а Дмитрий Ознобишин свою последнюю любовь обрел в 50 лет. Вторую жену его, в отличие от героини поэмы, звали не Анной, а Таисией (Терезой, так с любовью называл ее муж). Таисия Константиновна Кадонцева была внучкой известного адмирала Д.Н. Сенявина. Она получила прекрасное образование в училище святой Екатерины, где учились племянницы Д.П. Ознобишина. Ознобишин познакомился с Таисией через 12 лет после смерти первой жены. Он долго колебался, прежде чем сделать предложение: смущала разница в возрасте (он был старше ее на 30 лет). Однако брак оказался счастливым. Жизнь поэта вновь обрела смысл: в голове зрели новые планы, думал он и о нововведениях по хозяйству - за околицей Китовки на горе решил строить школу для своих крестьян (и Ознобишин в «Печали полей» кажется активным и жизнедеятельным, полностью поглощен строительством винокуренного завода). Таисия, юная муза Д.П. Ознобишина, обладала живым, веселым характером. Казалось, идиллия будет длиться вечно, но судьба готовила Дмитрию новое испытание. Таисия была слаба здоровьем и вскоре умерла при родах, как и героиня Ценского, но подарила жизнь дочери Елизавете.

Личная жизнь Д.П. Ознобишина была загадкой, и до сих пор о ней мало что известно. Фактом остается только безумная страсть пятидесятилетнего поэта к черноволосой красавице. Горячей любовью, возвышенным, поэтическим чувством, возникшем на закате жизни, пронизаны строки поэмы Ценского. Кажется, что все это было прочувствовано и пережито самим автором, сумевшим передать боль, печаль, радость, муки, ожидание и трагедию несбывшихся надежд.

«Было утро, хорошее строгое утро, какое бывает только в середине мая, и от деревьев у крыльца на песчаные дорожки как упали, так и не сходили тени. Твердое было все и на земле и в небе, готовилось жить долго - тысячу лет. - А ты знаешь... - сказала вдруг Анна и замолчала. - Что знаю? - повернул к ней лицо Ознобишин. - Нет... Потом. - Скажи, что? - Нет... После скажу. Ознобишин пригляделся к ней - к этому пробору в темных волосах, к лицу прозрачному и чистому, собранному в тонкий овал, и к карим глазам, золотистым от проглоченного ими солнца. Как любит он ее, как молится ей и как боится! - Важное? - спросил он снова. Анна вспыхнула, ничего не ответила и отвернулась. - Ну скажи же, что? - она улыбнулась тихо и влево и вправо покачала головой. Только вечером, когда ушло солнце и тени разлеглись сплошь, Ознобишин услышал: - Я... уменя... ребенка. - Анна!.. Анна знала, что окрасит лицо мужа: испуг и радость, не знала только, что радости будет больше, поэтому и выбрала

вечер, когда неясно видно. Гудели майские жуки, от них домовитой и хлопотливой была земля. О, она не засыпала - она только копала силы. Дышала кистями вязов, сережками лещины, яблонями и грушами в цвету... Ознобишин притянулся к Анне близко, насколько мог. Бережно оцупал ее тонкие руки, милье ямочки в сгибе локтей, девически нежную шею. Все, что знал о ней, - вспомнил, все, что знал о ней, - было страдание: красивое, глубокое, радостное, большое, тихое, оплаканное бессонными ночами».

Литературный Ознобишин предстает перед нами глубоко несчастным человеком. Бесплодный брак стал трагедией всей его жизни, ведь он так мечтал о наследнике, о сыне, которому мог бы оставить село, усадьбу, завод... Но седьмой ребенок Анны родился мертвым, разрушив последние надежды на счастье; а сама Анна умерла через месяц, так и не придя в себя. Именно в этом главное противоречие между художественным вымыслом и реальностью. У Дмитрия Петровича был сын от первого брака и дочь Елизавета.

С потерей жены Д.П. Ознобишин так и не смог смириться. Когда Лизу увезли в Петербург, он часто навещал ее в столице и был сильно привязан к этому ребенку. Но тень жены, память о ней не покидала поэта до конца жизни. В ответ на письмо тещи Кадонцевой, в котором она сообщает, что «Лиза похожа на Вас», Ознобишин пишет: «Я хочу, чтобы она сохранила облик, который был так привлекателен в моей милой Терезе». Почти те же строки читаю в книге Ценского и поражаюсь точности и правдивости его слов:

«Умерла Анна утром. Умерла тихо, как уснула. Окаменелый, сквозь стены и окна в поля смотрел Ознобишин и не мог оторваться от лица Анны, странного, перекошенного невиданным страданием и самой страшной ясностью в мире - ясностью кроющих. Не было ничего прежнего ни в одной черте, и все-таки это было лицо Анны».

Вместе с нелепой смертью жены ушло все самое чистое и светлое, что наполняло душу и Дмитрия Ознобишина, и литературного героя Ценского. Чувство, достойное страниц большого произведения, обернулось трагедией. После смерти жены Дмитрий Петрович Ознобишин уехал из своего имения в Китовке и поселился в Симбирске. Герой «Печали полей» словно повторил судьбу своего однофамильца, навсегда покинув имение.

«Целый день провели за укладкой вещей и собрались только к вечеру, когда стемнело. Тихо было, неснежно, морозно, и Сератион, и лошади, и сам Ознобишин хорошо знали дорогу. Поля под ними укрывались холодным, синим, потом серели, тухли, и только к наезженным дорогам то с той, то с другой стороны вытягивали любопытные сугробы с завороченными, как уши, карнизамы. А колокольчик и бубенцы на лошадях, и скрип и раскаты полозьев, - как-то оцуптимо понятно было, что все оставалось здесь же вблизи и никуда не уходило: ни в поля, ни в небо» - этими строками завершается "чудесная элегия" о последней любви помещика Ознобишина. О дальнейшей его судьбе можно лишь догадываться.

Жизнь же поэта Ознобишина, благодаря его литературному творчеству и активной общественной деятельности, не потеряла смысл и стала достоянием исторических и краеведческих исследований.

*Олеся Иваненкова
фото Л. Кошечкина*

В лучах солнца русской поэзии

В известном справочнике Л. Черейского "Пушкин и его окружение", вышедшем в 1988 году в Ленинграде, справка на Д.П. Ознобишина гласит: "С его слов записаны воспоминания о встречах в 1830-х годах с Пушкиным в петербургском салоне Михаила Виельгорского. По утверждению А.А. Фукс, Пушкин, будучи в Казани (сент. 1833), просил показать ему стихи, написанные ею, Е.А. Баратынским, Н.М. Языковым и Д.П. Ознобишиным, и "читал их всем сам вслух".

В критической статье о "Северной лире" на 1827 год Пушкин неодобрительно отозвался о переводах Ознобишина из А. Шенье и арабских поэтов. И эта оценка, слово в слово, вошла в "Пушкинскую энциклопедию", вышедшую в Москве в канун 200-летия со дня рождения великого поэта, а также ряд других юбилейных изданий.

Однако, справка составлена Черейским не лучшим образом. В ней с учетом хронологии событий, первым следовало упомянуть пушкинский отзыв об альманахе "Северная лира", изданном в Москве в 1827 году С.Е. Раичем и Д.П. Ознобишиным. И вряд ли суждение Александра Сергеевича, что "г-ну Абр. Норву не должно было бы переводить Данте, а г-ну Ознобишину – Андрея Шенье", можно однозначно квалифицировать как "неодобрительное". Уместно было сказать читателю, что Пушкин не обнаружит своей черновой статьи о "Северной лире".

Небезызвестен и такой факт. Миф о чудесном спасении певца

Ариона, приведенный Ознобишиным в "Северной лире", привлек внимание Александра Сергеевича в том же 1827 году при создании им стихотворения "Арион".

Обратимся к свидетельству казанской поэтессы А.А. Фукс, доброй знакомой Дмитрия Ознобишина, Евгения Баратынского и Николая Языкова. Думается, ей вполне можно доверять. Свидетельство А. Фукс, что Александр Сергеевич читал в ее салоне стихи своих друзей – Н. Языкова и Е. Баратынского, а также Ознобишина, говорит о том, что первый поэт России в 1833 году с должным вниманием относился к творчеству Дмитрия Петровича.

А теперь перейдем к главному в справке Л. Черейского – утверждению, будто со слов Д. Ознобишина "записаны воспоминания о встречах с Пушкиным в петербургском салоне М. Виельгорского". В подтверждение этого вывода Л. Черейский ссылается на "Симбирские губернские ведомости" от 26 мая 1899 года, в которых была напечатана пространная заметка отставного поручика В.П. Юрлова "К воспоминаниям об А.С. Пушкине". Этот престарелый старожило, побывавший в начале 1860-х годов в симбирской тюрьме за мошенничество, воспользовался юбилейной шумихой в связи со 100-летием великого поэта и поведал землякам о якобы слышанном им "от разных лиц, хорошо знавших А.С. Пушкина".

Л. Черейский же всецело поверил этой публикации и в книге "Пушкин и его окружение" поместил даже отдельную справку "Юрловы". В ней В.П. Юрлов, его отец и дядя причислялись к участникам званого обеда, якобы данного А.М. Языковым в фамильном особняке в сентябре 1833

года в честь прибывшего в город А.С. Пушкина. Однако документы и материалы позволили мне еще в 1980-х годах опровергнуть в печати, а в 1999 году и в книге "Симбирские дни Пушкина", все измышления В.П. Юрлова.

В настоящих же заметках я остановлюсь лишь на том месте юрловской публикации в "Симбирских губернских ведомостях" от 26 мая 1899 года, где отставной поручик якобы пересказывает то, что слышал от поэта Д. Ознобишина о "близко знакомом" ему А.С. Пушкине.

"Я познакомился с Пушкиным, - говорил Д.П. Ознобишин, - у графа Виельгорского. Бывая на вечерах этого мецената муз и музыкального искусства, я заметил, к моему удивлению, что Пушкин не был ни музыкантом (?), ни даже любителем музыки, а, между прочим, бывал на всех вечерах, даже исключительно музыкальных, и предпочитал музыкальную игру в карты и преимущественно в азартные игры..." (этот пассаж автобиографичен для В.П. Юрлова: в

М.П. Погодин.

М.Ю. Виельгорский.

молодости он проигрывал в карты так много, что его отец публично объявил в Симбирске об отказе выплачивать долги сына-поручика):

Рассмотрим хотя бы вкратце этот абзац юрловской публикации, чтобы убедиться в их надуманности. Во-первых, Александр Сергеевич никогда не говорил о своем знакомстве с Д.П. Ознобишиным. И ни один современник-мемуарист не упоминал поэта-симбирянина в числе пушкинских знакомых. Во-вторых, Александр Сергеевич не раз бывал у братьев Матвея и Михаила Виельгорских, помогал последнему при написании музыки на свои стихи ("Старый муж, грозный муж...", "Черная шаль" и др.), посещал вместе с братьями музыкантами концерты в домах В.В. Энгельгардта и Д.А. Нарышкина. Но в 1820-1830-х годах, когда Александр Сергеевич общался с Виельгорскими, Дмитрий Ознобишин вообще не бывал у этих музыкантов-меценатов и, следовательно, ничего не мог говорить В. Юрлову об увлечении Пушкина азартной карточной игрой в музыкальном салоне Виельгорских.

Злонамеренными измышлениями В. Юрлова являются и последующие строки, выдаваемые им за слова Ознобишина относительно А. Пушкина: "Его суждения о писателях нередко отличались крайней горячностью и даже некоторой грубостью... Вероятно, эти обстоятельства и были причиной тому, что у него было очень много врагов. Вы, конечно, читали, - говорил мне Дмитрий Петрович, - в сочинениях Пушкина, в мелких статьях его, рассказ о разговоре его с графом Бенкендорфом, когда он, т.е. Пушкин, был приглашен дать объяснение на крайне резкое стихотворение, написанное им на графа Уварова? Скажу откровенно, что несмотря на то, что граф Бенкендорф хорошо знал горячую натуру Пушкина, с трудом можно допустить, чтобы он, всемогущий в то время, мог допустить столь грубое к себе отношение".

"Все известные писатели того времени, - говорится далее в юрловской публикации, - удивлялись той снисходительности к Пушкину, которую проявлял к нему и сам государь император Николай I, тем более, что было много примеров тому, что покойный государь карал строго некоторых из писателей... Милости уже покойного государя к Пушкину были поистине великие".

Поистине диву даешься, читая эти беззастенчивые измышления

беспринципного и невежественного отставного поручика. Ведь в 1899 году даже гимназистам было ведомо, что "все известные писатели", начиная с Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева и В.А. Жуковского, признавали Александра Пушкина гениальным поэтом России и в меру своих сил защищали его от гонений, которым он подвергался со стороны Александра I и Николая I, а также высокопоставленных чиновников.

Кто-кто, а Дмитрий Ознобишин, десятилетиями ощущавший и на себе гнет правительственной цензуры, ведавший о шестилетней ссылке Пушкина за вольнолюбивые стихи и едкие эпиграммы, отлично знал, что "небом избранный певец" далеко не благоденствовал даже в зените своей славы. Свое благоговейное преклонение перед трагически погибшими А. Пушкиным и М. Лермонтовым, Д. Ознобишин ярко выразил в 1841 году в стихотворении "Две могилы". И какой болью за судьбу Александра Сергеевича пронизаны строки:

*Полн тревоги, чувств, сомнений,
Был один - властитель дум;
Он в порыве вдохновения
Дивной силой песнопений
Волновал невольное ум.
Лишь рукой ударил в струны -
Русь откликнулась им.
И во гроб сошел он юный,
Как певец непобедим.
Сколько славы схоронил он!
Сколько ждаты он мог венков!
И Россию как любил он!
Как грозил клеветников!*

Дмитрий Петрович послал это стихотворение знакомым литераторам с надеждой на появление его в печати. Но, увы, из-за цензурных препонов оно увидело свет в сборнике "Поэты 1820-1830-х годов", вышедшем в Ленинграде лишь в... 1972 году.

Чувство глубочайшего уважения к личности и творениям Пушкина поэт-симбирянин сохранил на всю оставшуюся жизнь. Одним из свидетельств этого является послание "Наталье Александровне Дубельт, урожденной Пушкиной", созданное Дмитрием Петровичем в Петербурге 25 февраля 1867 года (на русском и французском языках) в самом начале которого поведает:

*Как много в Вас блеска,
и неги, и света,
Властительной силой
чарует Ваш взгляд!
Гляжу с восхищеньем
на дочь я Поэта,*

*Чьи песни в России
так сладко звучат.*

А завершается послание мольбой, чтобы на ее долю жребий выпал счастливый, а избранник сердца сумел бы ценить ее, и пожеланием:

*Чтоб грустной тревоги
не видели вечно,
Чтоб все Вы былое
забыли, как сон,
И радость была бы
Ваш спутник беспечный,
И был путеводной звездой
Вам он!*

Как могло случиться, что поэт открыто желает Наталье Александровне обрести более достойного спутника жизни, нежели Михаил Дубельт (сын главы жандармов России, с которым дочь Пушкина развелась)? Дело в том, что любимая племянница Д. Ознобишина Александра Ивановна Базилевская была замужем за Николаем Дубельтом и, вследствие этого, приходилась снохой дочери Пушкина. Благодаря семейственным узам, поэт общался с Натальей Александровной в неофициальной обстановке и был, как говорится, в курсе некоторых сторон ее семейной жизни и планов на будущее.

Отрадно, что добрые пожелания Дмитрия Петровича Наталье Александровне сбылись уже в 1868 году, когда она вышла замуж и стала графиней Меренберг. Небезызвестно также, что именно она предоставила И.С. Тургеневу для опубликования письма отца к матери, два из которых были написаны Александром Сергеевичем в сентябре 1833 года в с. Языково и Симбирске.

Стоит добавить, что Ознобишин и Пушкин долгие годы имели общих друзей и знакомых (Н. Языков, Д. Веневитинов, С. Шевырев, П. Вяземский, М. Погодин, В. Сологуб, В. Одоевский, М. Максимович и др.), поэтому Дмитрий Петрович знал о жизни и творчестве "солнца русской поэзии" несравненно больше, чем об этом говорилось в открытой печати. Несомненно, творческая деятельность Ознобишина испытала благотворное влияние пушкинского гения, и, как отмечалось критиками, поэзия Дмитрия Петровича во многом представляла собой "прямой отголосок лиры Пушкина". Именно так относился к поэзии Ознобишина и сподвижник Александра Сергеевича профессор П.А. Плетнев, публиковавший стихи нашего земляка в "Современнике" 1839 года.

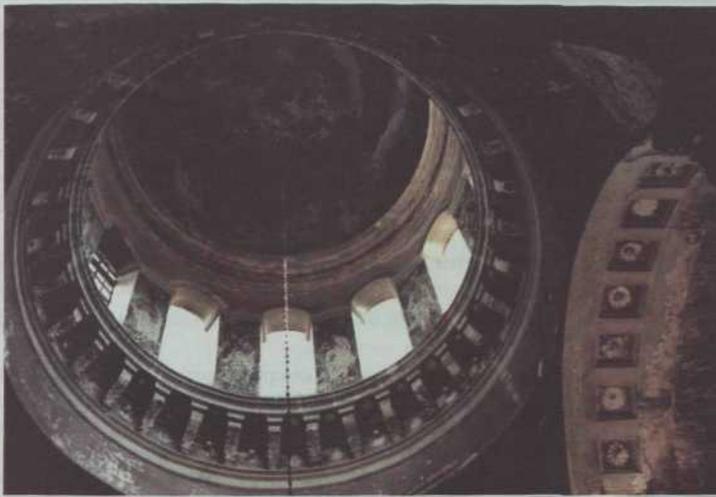
Жорес Трофимов

Пятиглавый красавец

Один из самых замечательных архитектурных памятников Ульяновской области – сохранившийся до наших дней величественный храм Живоначальной Троицы в селе Пятино (ныне Инзенский район). История его строительства необычна. Храм заложен владелицей имения, матерью декабриста И.А. Анненкова с молитвой о “непутевом” сыне, сосланном в Сибирь.

Считается, что проект храма принадлежит Михаилу Коринфскому, который якобы разрабатывал его для Троицкого храма на Соборной площади Симбирска, но продал Анне Ивановне Анненковой по ее настоятельной просьбе. Так в селе Пятино появился великолепный по архитектуре каменный пятиглавый красавец – Троицкий храм – самый большой в уезде. Богатым был приход – с разных концов России тянулись сюда православные верующие и заезжие гости, среди которых, полагают, был французский писатель Александр Дюма, автор популярного романа “Записки учителя фехтования” о “русском Д’Артаньяне” Иване Анненкове. Не раз здесь бывал и Дмитрий Петрович Ознобишин, чьи маршруты пролегли через Пятино.

“Величественный пятиглавый Троицкий храм в селе Пятине выделяется среди церквей Симбирской епархии не только своими грандиозными размерами и необычайной выразительностью архитектуры фасадов, но и по-настоящему художественной отделкой всех внутренних помещений, особенно главного алтаря с его великолепной колоннадой и золоченой решетчатой сенью по всему алтарному своду...”

(Из рукописи конца XIX столетия)

Уникальный памятник истории и архитектуры, Пятинский храм выстоял, пережив все революционные перевороты и войны. Однако нынешнее его положение очень печально: он разрушается и умирает, всеми забытый и брошенный.

Когда-то здесь был культурный центр края, ныне – голая степь... Колокола пятиглавого собора возвещали о праздниках православных и славе русской, о чести и подвигах сынов симбирских – ныне лишь воронье выкрикивает черные пророчества...

Неужели потеряем последнее, чем осталось гордиться?

Фото
из коллекции
А.С. Сытина

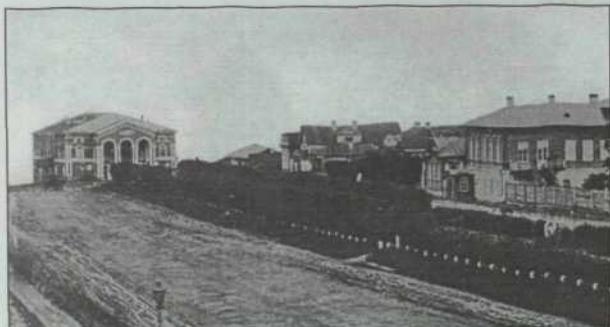
Прогулка по городу с Д.П. Ознобишиным

Мариинская женская гимназия.
Вид с улицы Большой Саратовской.

Александровская больница.

Деревянный театр на Большой Саратовской улице (слева).

Старое Дворянское собрание или дворец Пустынного (чертеж).

Полтора века отделяют нас от того времени, когда Дмитрий Петрович Ознобишин прожил в Симбирске, бродил по его улицам и площадям, восторгался его красотой, принимал деятельное участие в общественной жизни города, рассказывал о ней в своих произведениях.

Попробуем посмотреть на Ульяновск глазами современников поэта и последуем за Дмитрием Петровичем туда, где он не раз бывал по делам и на досуге.

В самом центре города сохранились здания **Мариинской женской гимназии** и **Елизаветинского пансиона**. Здесь, на пересечении Покровской и Большой Саратовской улицы (ныне ул. Л. Толстого и Гончарова), часто бывал поэт. Известно, что он присутствовал в 1860 году на торжественных выпускных актах. А после того, как его 32-летний сын Иван Дмитриевич Ознобишин, занимавший с 1865 года должность почетного смотрителя Карсунского уездного училища, был назначен в феврале 1870 года почетным блюстителем Симбирской Мариинской гимназии, Дмитрий Петрович не пропускал торжественных актов женской гимназии и пансиона.

Здания Мариинской гимназии и пансиона долгое время занимала средняя школа № 3 имени Анны и Ольги Ульяновых. Об этом напоминает мемориальная доска с барельефом сестер, а сейчас здесь располагается гимназия № 3 г. Ульяновска. Думается, что в вестибюле школы могли бы быть портреты Дмитрия Петровича и его сына Ивана Дмитриевича Ознобишиных.

Старожилы Ульяновска до сих пор называют ул. III Интернационала **Александровской площадью**. Когда-то это было место отдыха горожан: кроме больничного ансамбля, здесь находился Александровский сад. Дмитрий Петрович бывал здесь не только ради прогулок – он встречался со старшим врачом, доктором медицины Александровской больницы Николаем Александровичем Глассоном, с которым поэта связывали дружеские отношения.

Сохранились документальные свидетельства того, что Д.П. Ознобишин, чей дом в 1864 году сгорел во время пожара, проживал “в квартире главного доктора Александровской больницы г. Глассона”. В своем очерке о пожаре в Симбирске года Дмитрий Петрович с горечью описывал площадь, где тысячи погорельцев с жалкими остатками своего имущества бедствовали под открытым небом в августе 1864 года.

Здание Александровской больницы сохранилось, оно сейчас является восточным в ансамбле корпусов Ульяновской областной больницы № 1, выходящих на бывшую Александровскую площадь (ныне ул. III Интернационала).

На месте, где сейчас стоит старый корпус Суворовского училища, попробуем представить великолепное строение – так называемый **дворец Пустынного** (дом, принадлежавший купцам Твердышевым). Здание, к сожалению, не сохранилось, но вошло в историю тем, что в нем останавливалась Екатерина II, здесь же граф Панин допрашивал плененного Емельяна Пугачева. Неоднократно бывал здесь в 1830-40-х годах и Ознобишин: в бывшем дворце Пустынного находился в то время Дом дворянского собрания. Дмитрий Петрович вместе с женой Елизаветой Александровной бывали в театре, расположенном в Доме дворянского собрания. Здесь проводились балы и маскарады, а также съезды дворян губернии, на которых поэт, конечно же, присутствовал.

Позднее было выстроено новое здание Дворянского собрания, где Ознобишин бывал очень часто после его открытия в 1847 году.

Известно, что Д. Ознобишин был заядлым театралом и любителем музыки. И можно не сомневаться, что он бывал в 1830-х годах на спектаклях, ставившихся зимой в бывшем доме Пустынникова, а летом – в специально выстроенном “вокзале” (в юго-восточной части Александровского сада). С постройкой кондитером А.М. Слепнёвым в 1846-м году деревянного здания в южном конце Большой Саратовской улицы, Дмитрий Петрович вряд ли пропустил здешние премьеры, которые, кстати, посещали И.А. Гончаров, В.А. Соллогуб, Д.И. Минаев. Если учесть, что спонсором Слепнёва выступал гвардии полковник губернский предводитель дворянства М.М. Наумов, которому Ознобишин посвящал стихи, то можно считать, что поэт не раз наблюдал за лицедейством из ложи Наумова.

Что касается **дома Бычковых** (ныне здесь на ул. Кузнецова действует гарнизонная поликлиника), находившегося рядом с домом Пустынникова, то здесь в послепожарный период находилась губернаторская резиденция, в которой поэт бывал не единожды в году. А до и после пожара 1864 года он регулярно заходил в основной Губернаторский дом, находившийся рядом со зданием мужской гимназии.

Одной из достопримечательностей Симбирска являлась **Сборная ярмарка**, на которой в 1833 году побывало 25 тысяч покупателей. Очевидно, в их число входил Д.П. Ознобишин. Но если он и пропустил ярмарку общероссийского масштаба, то не раз бывал в **Гостином дворе**, причем не только по хозяйским проблемам, но и как страстный книголюб: здесь действовала книжная лавка. Да и по должности почетного попечителя мужской гимназии он принимал участие в пополнении книжных фондов гимназии.

На перекрестке Большой Саратовской и Московской улиц до наших дней сохранились: **дом, в котором родился И.А. Гончаров, и здание губернской типографии**. Д.П. Ознобишин бывал в обоих зданиях. В типографии он держал корректуру своих статей, печатавшихся в “Симбирских губернских ведомостях” и своих отчетов по народному образованию. В доме же Гончарова в те времена находился магазин Юргенса, где продавались и музыкальные инструменты, и учебники, и канцелярские принадлежности.

Вполне возможно, что еще в 1830-х годах Д.П. Ознобишин бывал в **доме удельной конторы**, располагавшейся на Московской улице, где управляющим был брат его близкого друга, губернского предводителя дворянства Г.В. Бестужева. После пожара 1864 года в этом особняке находился сенатор Жданов, возглавлявший расследование по делу о пожарах. Поэт очень тщательно вникал во все детали этого бедствия. Думается, что он заходил сюда для наведения тех или иных справок. В этом здании теперь расположен фармацевтический колледж.

Все именитые симбиряне решение своих имущественных и иных проблем находили в здании **Симбирского окружного суда**, расположенного на перекрестке Большой Саратовской и Дворцовой улиц. Д.П. Ознобишин оформлял здесь не только личные документы, но и решал служебные вопросы в те годы, когда являлся мировым посредником и мировым судьей. С той же целью ему неоднократно приходилось бывать в здании **Городской управы** или “Доме городского общества” (ныне здание музыкального училища на улице Гимова).

Дом Бычковых (справа).

Дом, в котором родился И.А. Гончаров. Вид здания до его перестройки в конце 1890-х гг.

Дом Удельной конторы.

Здание Симбирского окружного суда.

Дом Языковых.

Одной из главных достопримечательностей Ульяновска является **дом Языковых** на ул. Советской, 22 (бывшая Спасская). Несомненно, Д.П. Ознобишин бывал в этом доме: с братьями Языковыми его связывали дружеские отношения и страстное увлечение фольклором. Наверняка, он бывал здесь и в торжественные дни. Например, во время открытия памятника Карамзину или во время пребывания здесь М. Погодина, ведь Ознобишин находился в дружеских отношениях с будущим академиком еще в годы учения в Благородном пансионе, а затем и во время своей службы в Москве. Дмитрий Петрович поддерживал добрые отношения с детьми Петра Михайловича Языкова – Александром и Василием – активными членами комитета Карамзинской общественной библиотеки и земских учреждений.

Здание Дворянского собрания.

Одним из старинных строений Симбирска является здание **губернских присутственных мест** (ныне главный корпус сельхозакадемии). Во времена общественной деятельности Д.П. Ознобишина здесь находилась казенная палата, губернское правление и другие учреждения, в которых поэт бывал по своим должностным обязанностям.

Видное место среди симбирского дворянства занимали семьи Ермоловых и Бычковых, владевшие особняками в центральной части города. После августовского пожара 1864 года в **доме Ермоловых** на Московской улице (ныне ул. Ленина, здание облвоенкомата) более двух с половиной лет размещалось губернское дворянское собрание, в котором по долгу службы бывал Ознобишин.

Здание Губернских присутственных мест.

Дом Ермоловых.

Губернаторский дом (не сохранился)

Недалеко от дома Ермоловых в бывшем Овражном (ныне Комсомольском) переулке до сих пор стоит собственный дом **Д.П. Ознобишина**, который обгорел в последний день страшного симбирского пожара, но потом был восстановлен. В прошлом году на его фасаде появилась памятная доска, ставшая охранной грамотой этого памятника.

Вот известное всем ульяновцам здание **Симбирской губернской (мужской) гимназии**. Сначала Дмитрий Петрович бывал здесь, исполняя обязанности почетного смотрителя Карсунского уездного училища: эта должность обязывала его проявлять заботу о воспитанниках, которые после окончания училища поступали в Симбирскую мужскую гимназию. Кроме того, директор этой гимназии по совместительству возглавлял губернский училищный совет, в работе которого принимал участие и Ознобишин.

В июле 1838 года губернское дворянство избрало его почетным попечителем губернской гимназии. Теперь поэт бывал в гимназии как в будни, так и на всех торжественных актах, в том числе и на выпускных экзаменах. Добросовестное выполнение Дмитрием Петровичем своих служебных обязанностей было оценено симбирским дворянством, и оно избрало его почетным попечителем еще на одно трехлетие.

Не перечить всех домов и улиц Симбирска, где бывал Ознобишин в течение жизни. Самым же любимым местом его всегда оставался высокий **Венец** с видом на величавую Волгу, не единожды воспетый поэтом.

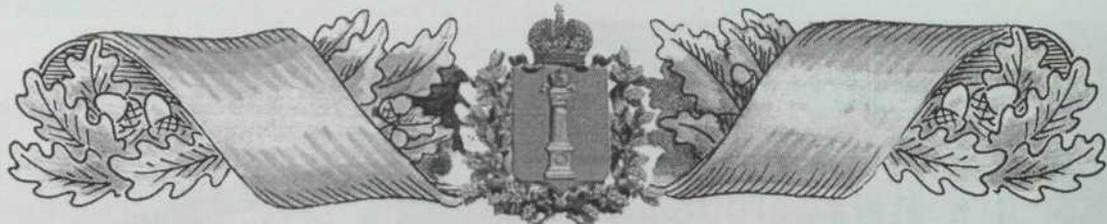

Здание Симбирской мужской гимназии.

Здание Городской управы

С И М Б И Р С К И Е

Хомутов Иван Петрович

(1795 - 03.04.1871)

Родился Иван Петрович в Тульской губернии в 1795 году. В 13 лет он был отдан на службу в Московский кадетский корпус. В семнадцать стал мичманом и начал флотскую службу, затем перевелся в армию. Участвовал в покорении Кавказского края и Русско-персидской войне. По отзывам командиров, *“Хомутов известен был в армии тем, что ни разу не поклонился ядру”*. *“Левый фланг слаб, но там у меня храбрый полковник Хомутов, и я спокоен”*, - доносил главнокомандующий граф И.Ф. Паскевич-Эриванский перед битвой при Далаван-Булане, за которую наш герой удостоился ордена Св. Владимира 4-й степени.

В 1833 г. И.П. Хомутов был уволен со службы “по домашним обстоятельствам” с чином статского советника. В 1836 г. его прикомандировали к V-му отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии, ведавшему подготовкой реформы управления государственными крестьянами. Он работал под руководством известного реформатора П.Д. Киселева, которого А.С. Пушкин характеризовал как “самого замечательного из наших государственных деятелей”.

“В воздаяние отлично-усердной службы” был произведен в действительные статские советники, а 3 августа 1836 года Иван Петрович Хомутов назначен Симбирским гражданским губернатором. Он **управлял Симбирской губернией в 1836-1838 годах**. По словам мемуариста, *“он приехал шумно, весело; ко всем визиты, к нему все... Хомутов хорошей наружности, высок, плещив, с большим носом - весьма представительная личность, любезен, веселоравен...”*.

Однако веселого нрава оказалось недостаточно, чтобы найти поддержку у симбирского общества. Довольно скоро Хомутов заработал нелестную репутацию. Местный дворянин, поэт М.А. Дмитриев писал: *“Дурной человек здесь тот, кто берет со всякого, что попадется, и который ни для кого ничего не сделает и не умеет сде-*

лать: губернатор, Иван Петрович Хомутов, почитался здесь дурным человеком!.. Трудно изобразить тогдашнее симбирское взяточничество и трудно ему поверить... Например, губернатору ставил сам полицмейстер белые хлебы, говядину на стол и прочее, забирая их у продавцов даром. - Грабеж и насилие властей доходили до неслыханных размеров”. Вопиющим стал случай с каретником, отка-

завшимся даром переделать губернаторскую карету. Его уперли в тюрьму, вымучили крупный “залог”, напоследок *“губернатор треснул его в зубы... и прибил до полусмерти”*.

В Симбирской губернии в ту пору шли реформы удельных крестьян. Действия власти порой натывались на противодействие со стороны “реформируемых”. Весной 1837 года губернатору пришлось на месте “успокаивать” татар Сызранского уезда, за что он снижал Высочайшее благоволение. Вскоре Иван Петрович удостоился “непосредственной признательности” министра юстиции за энергичные действия чинов полиции по поимке шайки дезертиров, наводившей панику на жителей губернского города.

В июне 1837 года Симбирск посетил цесаревич Александр Николаевич. Его наставник, поэт В.А. Жуков-

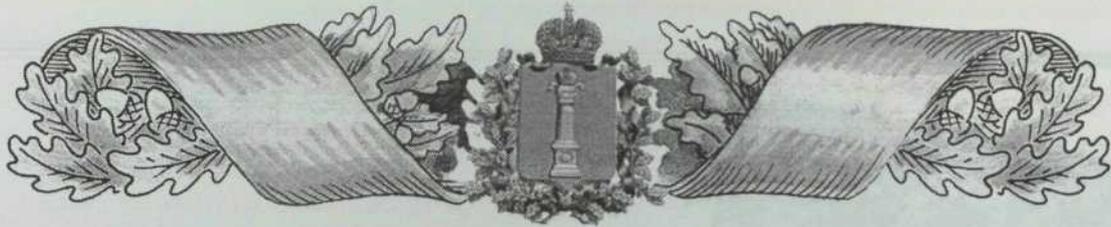
ский восторженно писал в столицу: *“...Въезжая в Симбирск и видя толпу народа, которая с криком бежала за коляскою наследника, я не мог не заплакать и про себя повторил: беги за ним, Россия, он стоит любви твоей!”*. Будущий император Александр II писал отцу, Николаю I: *“Хомутов, сколько я слышал, человек умный и достойный, но, к сожалению, бедность причиною, что он ведет жизнь слишком уж по своему месту скромную”* Как это не вяжется с мнением симбирского общества!

Вскоре конфликт Ивана Петровича с дворянством достиг своего апогея. Многократно цитировался анекдот об “аристократических” амбициях губернаторши, *“урожденной Озеровой, дочери знаменитого в то время сочинителя трагедий” - “маленькой горбуны”, свысока глядевшей на симбирский бомонд*. Но вот незадача - согласно формулярам, начальник Симбирской губернии был “вдов”. Вероятно, “жена”, воспитанная в мемуарах, была гражданской, что особенно возмущало ханжей. Никто не явился на губернаторский бал, данный с целью примирить супругу с обществом.

27 февраля 1838 года И.П. Хомутов был переведен губернатором в Вятку. Губернатора проводили эпиграммой: *“Иван Петрович наш назначен в перевод./ Царю хвала и Богу слава! На Вятке будет он теперь давить народ./ На Вятке, не у нас, получит Станислава!... И служба за царем его не пропадет./ И наша за Богом молитва не пропадет”*.

Вятская служба у него также не заладилась. Его переместили губернатором Кавказской области. Здесь “веселоравный” Хомутов водил знакомства со ссыльными декабристами. А летом 1841 года Кавказский губернатор посмел иметь “особое” мнение по делу о дуэли М.Ю. Лермонтова. Это стало роковым для его карьеры.

3 апреля 1871 года Иван Петрович скончался и был погребен в Москве в Алексеевском женском монастыре.

ГУБЕРНАТОРЫ

Комаров Николай Иванович

(1796 - 25.05.1853)

Калужский дворянин, он родился в 1796 году. В лихую пору нашествия Наполеона на Россию патриотический порыв увлек 16-летнего Николая на защиту Отечества. Вчерашний студент Московского университетского пансиона стал офицером. За десять лет Н.И. Комаров прошел путь от прапорщика до подполковника. Он был не один – десятки его однокашников встали под ратные знамена. Верность высоким идеалам не оставляла их и впоследствии, когда враг был повержен. Теперь они хотели улучшить жизнь собственного народа, освободившего Европу от поработителей-французов. Молодые люди составляли тайные общества и вошли в историю под именем декабристов.

Н.И. Комаров тоже “цельх” полтора месяца примыкал к декабристскому Союзу благоденствия и даже участвовал в его Московском съезде в феврале 1821 года. Здесь, в неожиданном для остальных верноподданническом порыве, Николай Иванович ратовал за роспуск крамольного общества. После поражения восстания 14 декабря 1825 г., он был вызван в Санкт-Петербург, куда прибыл незамедлительно. Вчерашний заговорщик с рвением, достойным лучшего применения, “закладывал” не только вчерашних друзей, но и лиц, едва с ним знакомых. По его доносам задерживались и допрашивались десятки людей, зачастую совершенно непричастных. Заслужив признательность властей (он получил чин полковника и “теплое” место в Министерстве финансов), Н.И. Комаров навсегда запятнал свою репутацию, несмотря на служебные качества и личную храбрость.

С 1826 по 1828 г. он исполнял должность Архангельского вице-губернатора. 25 января 1829 г. Комарова назначили Председателем Комиссии для устройства Технологического института в столице. В декабре 1830 г., с началом Польского восстания, вернулся на воинскую службу. “В сражениях против польских мятежников” полковник Комаров получил орден

Св. Анны 2-й степени с Императорской короной и тяжелую рану, в связи с чем вышел в отставку из армии.

27 февраля 1838 года действительный статский советник Н.И. Комаров был назначен исполняющим должность Симбирского губернатора. **Комаров управлял Симбирской губернией в 1838-1840 годах.**

Служить ему выпало по-настоящему в “горячее” время. Два года сильные пожары буквально терзали губернию. Осенью 1838 года огонь уничтожил 572 дома в уездном городе Сызрань. Виновными в поджогах объявили евреев-ремесленников. В мае-июне 1839 г. череда пожаров охватила селения Сызранского уезда. Теперь народная молва, недовольная удельной реформой, кляла свое правительство. “*Это начальство нас поджигает!*”, – возглашал в селе Студенец приходской священник Николай Степанов.

Дошло до открытого бунта. Во время пожара 31 мая 1839 г. в селе Шигоны Сенгилеевского уезда крестьяне убили и сожгли 25-летнего барина Павла Кроткова, огульно обвиненного в “поджигательстве”. Чтобы “загасить” беспорядки, была создана по Высочайшему указу Временная военно-судебная комиссия. В губернию командировался жандармский генерал-майор Перфильев. Сам же Н.И. Комаров удостоился Монаршего благоволения “за благоразумные в настоящем деле распоряжения и действия к восстановлению нарушенного спокойствия”.

“Погорел” губернатор отнюдь не на пожарах. “Откровения” на допросах о декабристах аукнулись конфликтом с симбирским дворянством. В местном обществе громадную роль играли родственные и дружественные связи. Несмотря на крайнюю консервативность, симбиряне не откочевали от “своих” декабристов. Холодное неприятие Комарова обществом скоро переросло в настоящую войну, с доносами и рапортами в столицу. “Застрельщиками” стали губернский прокурор Ренкевич и пред-

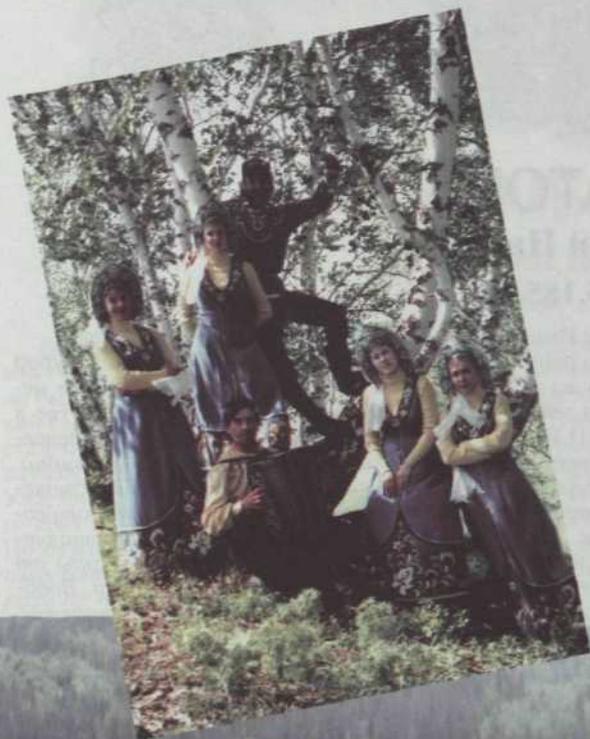
седатель палаты суда Соболев.

Уже осенью 1838 года прокурор открыто обвинял губернатора в некомпетентности и вмешательстве в работу судебных органов. А председатель Соболев писал: “*Не видно, чтобы господин Комаров споспешествовал к искоренению злоупотреблений в губернии..., где совершаются убийства, грабежи, пожары от беспечности только полиции. Вообще ревизия по губернии вероятно открыла бы многое..., равно общественное мнение о господине Комарове*”. Чем отвечал губернатор? Он включил в свой “Всеподданнейший доклад” годовой отчет, который делал лично для Государя, подробный рассказ о пьяной ссоре секретаря судебной палаты с дьячком! Жандарм Перфильев рапортовал секретно об “ослаблении влияния Начальника губернии на подчиненных, уничтожении должного уважения к распоряжениям, лицу и званию оного”.

Реакция императора Николая I на “сведения о несогласиях ... между состоящим в должности Симбирского гражданского губернатора и тамошним губерньским прокурором”, не заставила себя долго ждать. 7 мая 1840 года Н.И. Комаров “*Всемилоостивейше уволен, согласно прошению, за болезнь, от службы*”. Симбирское дворянство в очередной раз справилось победу над губернской администрацией.

Оставшись не у дел, Николай Иванович уехал за границу, откуда вынужден был вернуться в Россию из-за политической ситуации в Европе. Закат его перечеркнутой предательством жизни протекал в Санкт-Петербурге. Финальной точкой ее стало самоубийство. Н.И. Комаров “застрелился при невыясненных обстоятельствах” 25 (или 15) мая 1853 года, на 57-ом году жизни. Как самоубийцу действительно статского советника похоронили без почестей, на Холерном кладбище, на 4-й версте Царскосельской железной дороги.

Материал подготовили
И. Сивопляс и А. Шабалкин

*Взгляните на раскрывшийся тион
С пунцовыми литыми лепестками,
И он напомнит вам волшебный сон,
Волшебный сон из сказки с чудесами.
Он не горит и вроде бы горит,
Так ярко лепестки его лучатся,
И аромат такой вокруг разлит
Что можно в аромате искупаться.*
С. Красиков

ПРАЗДНИК ДИКОГО ПИОНА

“Чтобы выжить, нужны солнце, свобода и маленький цветок”, - говорил великий сказочник Ганс Христиан Андерсен. У народов нашей планеты особое отношение к цветам сложилось тысячи лет назад. В честь прекрасных растений даже праздники устраивались. В Древней Греции, например, - праздник лилий, в Англии - незабудок, анютиных глазок и первоцветов, во Франции - праздник фиалок, в Болгарии ярко отмечается праздник роз. И этот список можно продолжать. На протяжении многих веков люди использовали так называемый язык цветов - “селама”. Еще не имея письменности, с помощью этого языка они передавали друг другу самое тайное и сокровенное.

Пион тонколистный - один из ярких и впечатляющих цветов Симбирского края. Поражает щедрая красота этого цветка и его избирательность в отношении места обитания: произрастает он только в южной части Ульяновской области. Невозможно оставаться равнодушным, глядя на эту красоту. По всем описаниям дикий пион и есть тот самый “аленький цветочек красоты невиданной и неслыханной”, о котором писал С.Т. Аксаков в своей знаменитой сказке. А рассказала ему сказку ключница Пелагея, продолжительное время жившая в низовье Волги, куда стекались вольные казаки и беглые крепостные, а также приезжали купцы со всей России, Персии, Турции. Если посмотреть ареал распространения алого цветка, то мы увидим, что это и есть низовье Волги - юг Ульяновской, Саратовская, Волгоградская и Астраханская области.

Вот почему у автора этой статьи родилась идея организовать у себя в районе Праздник дикого пиона в честь самого красивого цветка не только нашей области, но, наверное, и всей России.

Идею проведения праздника поддержали Л.И. Чембарова, заместитель главы администрации Радищевского района, и Т.А. Иванова, заведующая отделом культуры. А воплотили идею в жизнь директор районной библиотеки В.К. Баранова, директор местного краеведческого музея Е.А. Борисова, директор районного дома культуры Л.И. Федорова.

Так в мае 2002 года состоялся первый Праздник дикого пиона. На живописных Коржинных горах, украшенных цветущими пионами, состоялось народное гулянье, посвященное ало-

му цветку. По преданию, все праздники цветов сопровождалась песнями, шумными играми, всеобщим весельем. Мы решили не нарушать традицию, проверенную веками. Собравшихся на гулянье порадовали ансамбль русской песни “Рябинушка” (рук. Е.Н. Липатов) и хор ветеранов клуба “Золотая осень”, возглавляемый Л.Б. Бутузовой и Е.И. Ермолаевой.

В 2003 году праздник обрел новую силу, стал традиционным. В новом, 2004 году, радищевцы вновь готовятся встретить День дикого пиона. На этот раз праздник пройдет с участием школ района и комитета по делам молодежи. По сценарию будет избрана принцесса цветов, которой вручат грамоту молодой хозяйки праздника. Ее будут выбирать из самых красивых девушек, к тому же имеющих “особые заслуги” в деле защиты природы.

На праздник приглашены самые настоящие хозяева леса и лесных опу-

шек, где произрастает этот сказочный цветок, - представители Радищевского лесхоза и его директор В.П. Куманяев. Их участие пройдет в рамках программы “За сохранение природы и бережное отношение к лесным богатствам” (“Подрост”), объявленной Министерством природных ресурсов Российской Федерации.

Незабываемы минуты, проведенные на Празднике дикого пиона. Чувствуешь себя частицей бесконечного мира природы, причастным к ее судьбе и ответственным за сохранение красоты и гармонии. Люди собираются здесь, чтобы радоваться каждому мгновению жизни, первоначальной красоте матери-земли. Они хотят воздать ей должное, отблагодарить песнями и стихами за все те чувства, что дарит она: радость, умиротворение, успокоение и надежду на лучшее.

Владислав Селищев
фото автора

“Доступен читателям”

Имя Дмитрия Петровича Ознобишина дорого не только его землякам, но и всем, кому небезразлична отечественное культурное наследие и непреходящее значение великой русской литературы. В этом я вновь убедилась, будучи в декабре прошедшего года в командировке в Вашингтоне, в библиотеке Конгресса. Я работала там как участник программы “Открытый мир - Open World”, принятой и финансируемой Конгрессом США по инициативе доктора Джея Биллингтона и покойного ныне академика Д.С. Лихачёва.

В профессиональном отношении меня прежде всего интересовало собрание русских дореволюционных и российских изданий. Поэтому, имея возможность работать по теме, с радостью приняла предложение профессора Гарольда Лейка сотрудничать с ним в течение всего времени пребывания в Библиотеке.

Доктор Лейк – крупнейший специалист по русской литературе, очень её любящий и великолепно владеющий русским языком. Заместитель директора Библиотеки, он заведует читальным залом. Я подарила ему двухтомное издание сочинений Д.П. Ознобишина, вышедшее в серии “Литературные памятники” в издательстве “Наука” в 2001 году. Имя Ознобишина было профессору немного знакомо, но не в связи с поэзией. Оказалось, он хорошо знает песню “Гуляет по Дону казак молодой”, считая её народной. Когда профессор узнал, что такой она стала ещё при жизни поэта, он очень заинтересовался творчеством нашего земляка. “Имя Ознобишина встречалось мне в некоей частной переписке”, – сказал он.

Необходимо заметить, что в 1906 году Библиотека Конгресса приобрела книжное собрание красноярского купца и библиотекаря Г.В. Юдина, содержащее 41 тысячу экземпляров книг и журналов, главным образом по русской истории и праву. Оно стало основой фонда русскоязычной литературы. Фонд этот постоянно пополняется как по официальным каналам, так и благодаря дарителям, в основном потомков первой русской эмиграции, которые не желая расплывать коллекции или семейные архивы, передают (реже – продают) их в Библиотеку. Среди этих изданий я провела три очень насыщенных дня. Кстати, уже на следующий день Гарольд Лейк встретил меня стихами Ознобишина: он всю ночь изучал двухтомник и, по его словам, не мог оторваться от “прозрачного, классического слога русского поэта”. С помощью профессора я нашла 9 номер “Сыны Отечества” за 1827 год, в котором

на 93 странице за подписью “Ознобишин” было напечатано стихотворение “Эрин” – Ирландская мелодия Мура. (В подаренном библиотеке двухтомнике оно тоже есть). Профессионализм и память профессора просто поразительны: “Но не только в этом журнале видел я фамилию Ознобишина, с которым сейчас встретился как с добрым знакомым. После смерти Набокова, – продолжал Лейк, – мы приобрели небольшую часть переписки Владимира Владимировича и Сола Юрока, который устраивал у нас гастроли русских артистов в 1950-60 годы. Вот там-то и встречал я это имя”. И профессор положил передо мной небольшую папку.

Сол Юрок – выходец из Одессы, известный американский импрессарио. Датируется письмо 14 января 1958 года. В нём Юрок даёт благожелательный отзыв о начавшейся певческой карьере сына Набокова – Дмитрия (впоследствии солиста Ла Скала, в настоящее время покинувшего оперную сцену). В своём письме Юрок советует Дмитрию расширять свой камерный репертуар, больше петь русских романсов, “особенно старинных, на стихи Толстого, Тютчева, Пушкина, Ростопчиной, Ознобишина... Позвольте себе подсказать, у внука Ознобишина, конечно, хранятся ноты с романсами деда. Вы, кажется, знакомы с ним. Он живёт во Франции, правда, очень стар”.

Речь в письме шла о внуке поэта – Дмитрии Ивановиче Ознобишине (1870-1962), генерале и атташе русского посольства во Франции в мятежное и трагическое предреволюционное десятилетие. Дмитрий Иванович был широко известен в кругах первой русской эмиграции как собиратель и хранитель русского культурного наследия. Неизвестно, ответил ли Набоков Юроку. Но само упоминание имён Дмитрия Петровича и Дмитрия Ивановича Ознобишиных в письме знаменитого импрессарио к великому русскому писателю, который также имеет отношение к нашему краю, факт сам по себе интересный, волнующий и заслуживающий внимания.

Недавно по электронной почте пришло письмо от профессора Лейка. Он положительно ответил на наше предложение принять участие во Вторых Ознобишинских чтениях, которые будут посвящены 200-летию поэта: “К сожалению, не могу обещать личного присутствия, – пишет Гарольд Лейк, – но я с удовольствием напишу статью для вашего будущего научного сборника, например, о Симбирских/Ульяновских изданиях в фондах Библиотеки Конгресса. Подаренный же вами двухтомник произведений Д.П. Ознобишина нами полностью каталогизирован и доступен читателям”. (4 марта 2004 г.)

Доктор Лейк убеждён, что теперь творчеством Дмитрия Петровича Ознобишина обязательно заинтересуются его коллеги и ученики – молодые американские учёные-слависты. Хочется верить, что так оно и будет.

Ирина Каракозова

“Звук дивный нежил слух, и таяли слова...”

Достойное место в огромном симбирском музыкально-поэтическом наследии принадлежит творчеству Д.П. Ознобишина. На стихи нашего земляка написано не менее 15 романсов и всенародно любимая песня “По Дону гуляет”.

В 1822 году на стихи 18-летнего стихотворца композитор Николай Кубишта написал “Хор для выпускников благородного пансиона”. В 1829 году в Петербурге был издан “Романс для голоса с аккомпанементом на арфе или фортепиано” Николая Де-Витте “Меня обманула улыбка одна”.

Не оставил без внимания творчество нашего земляка и “душка русского романса” Николай Титов. Одной из первых исполнительниц романса “Прости, на долгую разлуку” стала знаменитая княгиня Зинаида Волконская.

1835 год особенно значимым для Дмитрия Ознобишина. Тогда он женился на музыкально одаренной девушке Елизавете Рогановской, а выдающийся композитор Александр Алябьев, считавший, что стихи молодого поэта “так и просятся на музыку”, опубликовал свой романс на его стихи “Ясны очи, черны очи”. Период с 1835 по

1846 годы был наиболее плодотворным для поэта. Стихи Ознобишина часто печатались в журналах и альманахах. Все шире становился круг знаменитых и малоизвестных сочинителей музыки, обращавшихся к его творчеству. В их числе – граф Михаил Виельгорский, князь Николай Голицын, Петр Булахов, Иван Шрамак, Андрей Есаулов, Николай Вителаро. В 1870 году в магазинах фирмы “Юргенсон” появились ноты романса Николая Римского-Корсакова “Тайна” (“Когда меня в уста и очи”) на слова нашего земляка.

С середины XIX века российские фольклористы стали записывать в разных уголках страны прежде неизвестную песню “По Дону гуляет”. Оказалось, что в основе народных текстов песни лежит стихотворение Дмитрия Ознобишина “Чудная бандура”, впервые опубликованное в 1836 году в журнале “Московский наблюдатель”. Литературовед Н.П. Копанева писала: “В рукописи Д.П. Ознобишина никаких указаний на переводной характер стихотворения не имеется. Однако обращение к архиву поэта помогло в дальнейших поисках. В той же тетради, где Ознобишин записал “чудную бандуру”, мы нашли четыре стихотворения, перед которыми были написаны по две строчки на шведском языке... Текст он взял из сборника шведских народных песен Гейера и Афцелиуса...”. Знарок русского фольклора, поэт талантливо переработал первый вариант песни “Сила арфы”, насытив его чисто национальными приметами. Музыкальность поэтического творчества Дмитрия Ознобишина имеет основание в глуби любви поэта к музыке. Его стихи и дневниковые записи содержат сотни свидетельств об этом. Известны его стихотворения, посвященные композиторам Гектору Берлиозу и Александру Варламову, певицам Аделине Патти и Полине Левицкой. В 1848 году в стихотворении, посвященном Елизавете Рогановской, он писал:

*Ищу тебя среди залы запустелой,
Где Виртовский рояль стоит осиротелый,
Звучащий сладко так рук белых под игрой;
Где эхо вторило приятный голос твой,
Когда Варламова ты воспевала звуки,
Или Титова песнь, исполненную муки,
Или Бетховена передавала мне...*

В отделе рукописей Пушкинского дома в Санкт-Петербурге хранится все еще не опубликованный полностью путевой дневник Дмитрия Ознобишина – объемистая тетрадь карманного формата. В ней много свидетельств о музыкальных интересах нашего земляка. В 1847 году он посетил Турцию, Германию, Италию, Швейцарию и Францию. В качестве события, достойного занесения в дневник, путешественник описал встречу с уличными музыкантами – певицей и мальчиком-скрипачом близ Женевы: “И та, и тот хорошо выполнили свое дело. Певица была уже женщина немолодая, и на лице ее были видны следы горя; но голос ее был чист, звучен и приятен. Слова песни выражали измену в любви. Она пела ее с чувством. Может быть, душа ее высказалась в этой песне. Мальчик лет 16 играл на скрипке прекрасно, с большой силой...”

В берлинском театре путешественнику понравился балет, в котором танцевала известная балерина Талиони. В Тергартене он слушал тирольское пение. Во Фрейбурге Д. Ознобишин посетил собор и нашел яркие слова для выражения впечатлений от органной музыки: “Считаю музыку величайшим из искусств”. Поэт воздал ей хвалу в своих стихах, многие из которых неразрывно слились с нею, составив прекраснейшую гармонию, неподвластную времени”.

Сергей Петров

ЧУДНАЯ БАНДУРА

*Гуляет по Дону казак молодой;
Льет слезы девица над быстрой рекой.*

*“О чем ты льешь слезы из карих очей?
О добром коне ли, о сбруе ль моей?”*

*О том ли грустишь ты, что, крепко любя,
Я, милая сердцу, просватал тебя?”*

*“Не жаль мне ни сбруи, не жаль мне коня!
С тобой обрुчили охотой меня!”*

*“Родной ли, отца ли, сестер тебе жаль?
Иль милого брата? Пугает ли даль?”*

*“С отцом и родимой мне век не пробыть;
С тобой и далече мне весело жить!”*

*Грущу я, что скоро мой локон золотой
Дон быстрый покроет холодной волной.*

*Когда я ребенком беспечным была,
Смеясь, мою руку цыганка взяла.*

*И, пристально глядя, тряся головой,
Сказала: утонешь в день свадебный свой!”*

*“Не верь ей, друг милый, я выстрою мост,
Чугунный и длинный, хоть в тысячу верст;*

*Поедешь к венцу ты — я конников дам:
Вперед будет двадцать и сто по бокам”.*

*Вот двинулся поезд. Все конники в ряд.
Чугунные плиты гудят и звенят;*

*Но конь под невестой, споткнувшись, упал,
И Дон ее принял в клубящийся вал...*

*“Скорее бандуру звончатую мне!
Размыкаю горе на быстрой волне!”*

*Лад первый он тихо и робко берет...
Хохочет русалка сквозь пенистые вод.*

*Но в струны смелее ударил он раз...
Вдруг брызнули слезы русалки из глаз,*

*И молит: “Златым не касайся струнам,
Невесту младую назад я отдам.*

*Хотели казачку назвать мы сестрой
За карие очи, за локон золотой”.*

Апрель 1835

Примечания: стихотворение представляет собой вариацию на сюжет шведской народной баллады. С середины XIX века стало основой широко известной русской народной песни.

Своими чувствами к Александре Трейгут Гончаров неоднократно делился с близкими к нему людьми. Так, 30 мая 1880 года он писал своему другу, знаменитому русскому юристу А.Ф. Кони: "...Я жалею сирот, мать, а одну девочку просто люблю: это маленькое утешение, особенно когда видишь, что все только и мной может держаться, а брось – так рухнет!"(1).

Писатель буквально любит Сани, постоянно "возится" с ней, считает необходимым сообщать Кони и другим адресатам даже о мелочах, касающихся любимого дитя. Тридцатого августа того же года он пишет Кони: "...Саню я через день по приезде водворил в Царское Село в семейство двух девиц Никитенко, и они приняли ее, как родную: я был уже там два раза и, между прочим, вчера. Она бежит там с другой девочкой по великоллепному парку, теряется в его тенистых и прекрасных аллеях (около дворца цесаревича), ищет и находит грибы. Просто птичка!"(2).

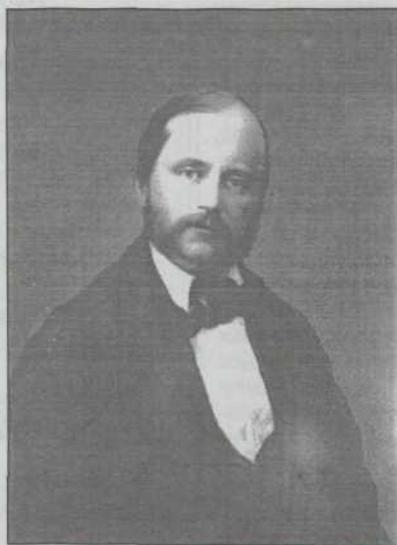
Характерно в этом смысле и письмо к Кони от 17 июля 1888 года: "...Сегодня они (вдова и дети, – М.В.) были в церкви. Саня в жакете с красной ленточкой на голове – очень мила"(3).

Из-за Сани Гончаров находит возможным даже отказывать в заранее намеченном визите к нему А.Ф. Кони: "...Завтра, дорогой Анатолий Федорович, мне едва ли удобно принять Вас с Марией Гавриловной: надо прослушать уроки Сани, потом отправить ее в училище, словом, по воскресеньям возня с ней целый день"(4).

Особо следует заметить, что и до ухода из жизни камердинера писатель уделял внимание Сане. Об этом, в частности, свидетельствует его письмо к И.И. Монахову (известному русскому актеру, – М.В.) от 7 июня 1876 года: "...Теперь, пока я кисну здесь в жару, – и пробавляюсь миниатюрными обломовскими домашними интересами: уроком Сане и ее детской болтовней..."(5).

Справедливости ради надо сказать, что, проявляя особенную заботу о Сане и внимание к ней, писатель не был безразличным к ее брату и сестре, старался сделать и им что-либо приятное, побаловать их. Это вызвало раздражение у главы семьи. 11 июля 1876 года Гончаров писал по этому поводу Монахову: "...а отец, т. е. Людвиг, мрачно смотрит на ласки и баловство, оказываемые его детям, особенно если мне это сопряжено с тратой денег, нужды нет, что не его деньги..."(6).

Можно понять слугу. Ведь семья существовала на скромный его зара-

Тайна великого писателя

*Известно, что после смерти в 1878 году камердинера Карла Людвиг Трейгут Гончаров принял на себя всестороннюю заботу о его семье, состоявшей из четырех человек: вдовы и трех маленьких детей. Старшей дочери – Александре – было семь лет. К Сане писатель относился особенно заботливо, с нежной, трогательной любовью. Почему именно к ней? Свою версию предлагает
Марк Харитонович Валкин.*

боток. По-видимому, отец считал, что "барину" не следует баловать детей, так как впереди их ждет несладкая жизнь.

Как уже было сказано, после смерти Карла Людвиг, Гончаров принял на себя материальные заботы о его семье, а так же воспитание и обучение детей. Об этом он писал графине А.А. Толстой: "...я с самоотвержением учу их по-русски читать, писать, считать, смотреть, чем они питаются, есть ли обувь и т. п."(7).

В 1878 году Саня была принята в Ивановское училище при Коломенской гимназии. Обучение ее оплачивали великие князья – Сергей Александрович и Павел Александрович (8). Упоминая об этом факте, возможно, следует вспомнить, что в 1857–1858 годах Гончаров преподавал словес-

ность наследнику престола Николаю Александровичу (9).

В период учебы Сани в училище Гончаров продолжал заботиться о ней, следил за ее подготовкой к занятиям, обеспечивая всем необходимым, вел с ней переписку. Так, 4 февраля 1885 года он писал: "Посылаю тебе, милая Саня, 6 пар новых чулок. Ты не отрывай свинцовых клейм, а прежде примерь одну пару и если они не впору, ты сбереги их до воскресенья и отдай Анне Ивановне Маркеловой – мы переменяем..."(10).

В письме от 27 февраля этого же года писатель беспокоится о здоровье Сани: "...Прошла ли у тебя боль под ложечкой? Не ешь ли ты какой-нибудь дряни вроде халвы и т. п. – остерегайся и смотри за собой, Саня: ты хоть и дитя, но не маленькая! Если Анна Ивановна сегодня или завтра заедет к нам, пришло тебе чаю и сахару, тоже и варенья черной смородины, а ты не накидывайся и кушай умеренно. Напрасно Анна Ивановна привезла конфеты, они для желудка вовсе не полезны. Я попрошу лазаретную Анну Ивановну кормить тебя иногда бифштексом или курицей, смотря по твоему желанию, и дам ей денег на этот предмет...P. S. Как ты справляешься с историей? И это письмо не показывай там, а привези домой все письма и прятч их в свой бювар. До свидания, дитя"(11).

Сохранилась памятная запись писателя о приобретении подарка для тринадцатилетней Сани: "6 декабря 1884 – мною куплены у Винтергалтера дамские золотые часы за №71787, с золотой цепочкой и подарены воспитаннице моей, ученице Коломенской гимназии, девице Александре Трейгут, в праздник Рождества Христова 25 декабря сего 1884 года. Иван Гончаров"(12).

В 1890 году Саня успешно закончила училище. Как сообщал Гончаров Кони, она удостоилась получить диплом из рук попечителя – великого князя Константина Константиновича (13).

Следует заметить, что царская семья хорошо знала и высоко ценила Гончарова как писателя. По представлению великого князя Константина Николаевича он был в 1855 году награжден "вне правил чином статского советника за особые заслуги его по званию секретаря при генерал-адъютанте графе Путятине". А в 1858 г. Константин Николаевич преподнес Гончарову золотой перстень с бриллиантами (14).

Что касается взаимоотношений Константина Константиновича с Гончаровым, то известно, что великий

Саня Трейгут - воспитанница Гончарова.

А.К. Трейгут.

"Неизвестная".

князь, занимаясь литературным творчеством, почти в течение двух десятилетий пользовался советами писателя и особенно уважительно к нему относился. В 1887 году князь обратился к Гончарову благодарственным стихотворением. Вот его заключительные строки:

*И об одном лишь в умиленье
Он ныне просит у тебя
Прими его благодаренье
Благославляя и любя* (15)

Отсюда понятно, почему князь так благожелательно относился к воспитаннице писателя – Александре Трейгут. Попутно следует сказать, что, благодаря Гончарову, получили образование и другие дети семьи Трейгут – Лена и Василий.

Весной 1891 года Александра Трейгут вышла замуж за преподавателя Петербургской консерватории Александра Дмитриевича Резвцова. К свадьбе писатель обеспечил Саню достойное приданое. Молодые отправились в путешествие по Волге. Об этом Гончаров 30 апреля 1891 года сообщал Кони: "Наконец – вчера, в понедельник, 29 апреля, известная Вам с детства Саня Трейгут вышла замуж за своего учителя музыки, Резвцова, с которым вчера же уехала по Волге" (16).

Иван Александрович был счастлив. Исполнилась его заветная мечта: будущее любимого дитя было обеспечено (17).

И после свадьбы, почти до последних дней своих, писатель продолжает следить за судьбой Сани. 8 июля 1891 года он пишет Кони: "...Она все еще путешествует с своим мужем. Он ей показал Москву и окрестности, потом свою родину Ярославль, затем

Казань, Симбирск, Нижний, Волгу. Теперь они гостят в имении у одного из братьев Потехиных, у доктора, в Костромской губернии. Счастлива ли она? Спрашиваете Вы: Бог ее знает! Судя по ее письмам – да!" (18).

15 сентября 1891 года писателя не стало. По завещанию большая часть его состояния перешла к семье Трейгут, в том числе к Сане.

Ее семейная жизнь складывалась счастливо. Но с началом мировой войны, а затем революции, на Саню обрушились одно за другим несчастья. В годы войны пропал ее первый сын Вадим. В 1918 году от воспаления легких в Петрограде умер муж Александр Дмитриевич. Год спустя скончалась дочь Нина. В 1919 году был ранен ее второй сын – Борис. Он оказался в Москве, в госпитале. Дочь Зоя, учительница, выйдя замуж за участника меньшевистского движения, подверглась репрессиям.

Саня скончалась от инсульта в 1928 году, в 57 лет, в Костроме (19).

Шли годы. В Симбирске торжественно отметили 100-летие со дня рождения писателя. В советское время в родном городе как большой праздник отмечался его 150-летний юбилей. А 18 июня 1982 года, в день рождения Ивана Александровича, в доме, где он родился, был открыт единственный в мире историко-литературный музей, посвященный жизни и творчеству писателя.

Автору этих строк посчастливилось руководить (20) научной работой по созданию экспозиций музея. В ходе музейного поиска научные сотрудники вышли на потомков семьи Резвцовых. Выяснилось, что в Мос-

кве проживает вдова Бориса Александровича Резвцова Нина Николаевна и их сын Николай Борисович с семьей. Нина Николаевна – бывшая учительница, Николай Борисович – доктор военных наук, профессор.

Мне пришлось много раз встречаться с этими весьма доброжелательными людьми. В беседах с ними речь шла главным образом о судьбах семьи Трейгут-Резвцовых, об их взаимоотношениях с писателем, о его наследстве. С большим интересом слушали они мои сообщения о работе коллектива Краеведческого музея по созданию музея Гончарова. В ходе этих бесед Нина Николаевна знакомила меня с некоторыми хранившимися в семье вещами из гончаровского наследства.

Когда Резвцовы убедились, что в Ульяновске делается действительно важное дело, связанное с увековечением памяти писателя, что создание музея встало на реальную почву, они согласились расстаться с большинством дорогих для них семейных реликвий (21).

Резвцовы приезжали в Ульяновск на торжественное открытие музея (1982 г.), а также несколько раз присутствовали на ежегодных гончаровских праздниках, которые проводятся в городе в день рождения писателя. Во время их пребывания в Ульяновске проводились дружеские встречи, беседы с ними сотрудников музея. На встречах присутствовал и автор этих строк. Особенно запомнилась встреча с Ниной Николаевной 19 июня 1984 года. В этот день научные сотрудники навестили ее в номере гостиницы "Венец". Состоялась доверительная беседа.

Мы интересовались ее впечатлениями о гончаровском празднике, об экспозиции музея. В ходе беседы я спросил у нее: "Почему Иван Александрович особенно заботливо относился к Сане, из детей больше любил ее?". Нина Николаевна помолчала, а потом тихо сказала: "Саня – его дочь". Затем она пояснила, что об этом факте ей рассказал ее муж Борис Александрович (сын Сани и Александра Резвцовых, – М.В.).

В 1919 году Саня уезжала из Петрограда в Москву, где в госпитале лежал раненый Борис Александрович. Провожал ее А.Ф. Кони. Перед отъездом Кони сообщил Сане, что она является дочерью Гончарова и он может это документально засвидетельствовать. Возможно, это облегчит ее жизнь в послереволюционной России. Саня поблагодарила Кони, а на его предложение ответить отказом. Сказала, что раз отец хотел сохранить это в тайне, то она не может нарушить его волю.

Зная Нину Николаевну как исключительно порядочного, благородного человека, мы не сомневались в правдивости ее слов. Откровение ее объяснялось, по-видимому, состоянием душевного подъема, связанного с впечатлениями от гончаровского праздника, с теплым сердечным отношением к ней сотрудников музея.

Из рассказа Резвцовой можно сделать вывод, что писатель посвятил Кони в свою тайну и передал ему документы, связанные с обстоятельствами рождения Сани и ее регистрацией в качестве ребенка семьи Трейгут. Произошло это могло совсем незадолго до смерти Ивана Александровича. По крайней мере, в начале мая 1891 года. Кони об этом еще не знал. Это видно из его письма Гончарову от 5 мая того же года: "...Старшее дитя, которому Вы заменили отца, пестуном которого Вы были, – пристроено и вошло в колено, указанную Богом всякой женщине" (22).

Саня родилась в 1871 году. Гончарову в это время было 59 лет. Возникает вопрос, а мог ли в эти годы писатель быть "виновником" этого события? В известной мере на этот вопрос может дать ответ биография его отца – Александра Ивановича. В "Летописце" семья Гончаровых имеется запись: "1804 года, сентября 23 дня, Александр Иванович Гончаров женился на второй жене Авдотьи Матвеевны Шахториной: лет было Гончарову 50, Авдотьи

Матвеевны 19 лет 6 месяцев" (23).

В Летописце записано также о рождении у супругов семерых детей. Последним ребенком была дочь Анна: "1818 года, генваря 11 дня родилась дочь Анна..." (24). Александру Ивановичу в это время было 64 года. Когда родилась Саня, писателю было 59, то есть, в интересующем нас отношении, он был моложе отца на 5 лет.

Размышляя об этом, невольно вспоминаю историю с портретом неизвестной женщины. У Резвцовых хранился фотопортрет писателя (1891 г.). Он был заключен в деревянную рамку, состоящую из двух частей, скрепленных шурупами. В момент передачи портрета представителям музея Нина Николаевна попросила вывернуть шурупы, чтобы посмотреть, нет ли на оборотной стороне портрета автографа писателя.

Резвцова и присутствовавшие при этом научные сотрудники были крайне удивлены, когда за портретом Гончарова оказался такого же размера портрет неизвестной молодой женщины, изготовленный петербургским фотографом Ясвоинным (1880-е годы). Кто она и какую роль играла в жизни писателя, выяснить не удалось. Позднее у меня возникла мысль: не является ли женщина, портрет которой тайно хранил Гончаров, матерью Сани? Впрочем, это, конечно, гипотеза.

Касаясь взаимоотношений Гончарова с семьей Трейгут, отмечая его самоотверженную заботу о ней, биографы объясняют это благотворительными, сострадательными мотивами. А трепетное, любовное отношение к Сане – психологией одинокого старика и художественной его натурой.

Сообщение Н.Н. Резвцовой проливает новый свет на эти взаимоотношения. Выясняется, что главной их мотивацией являлась забота о счастье родного ребенка, стремление обеспечить его будущее.

При этом следует иметь в виду, что вынужденные постоянные контакты писателя с семьей покойного слуги

серьезно осложнялись поведением вдовы, самой ее личностью.

Вот что писал о ней в 1880 году А.Ф. Кони: "...За этим ребенком (речь идет о Сане, – М.В.) – грубое, капризное, тупо-злое и неразвитое существо, которое мнет бессознательно нежные и эстетические чувства старика" (25).

Описывая переживания писателя в связи с известными перипетиями в его творческой судьбе, исследователи обращают также внимание на особенности его характера: нервозность, раздражительность, скрытность, мнительность, даже своеобразную "манию преследования" (26). Указывается и на прогрессирующие хронические болезни. Полагаем, что на творческую жизнь писателя, на его физическое и моральное состояние не могли не оказать влияние и свалившиеся на него тревоги о Сане, в том числе – боязнь разглашения этой сердечной тайны.

Примечания:

1. Литературное наследство. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Отв. редакторы С.А. Макашиной и Т.Г. Динесман. ИМЛИ. РАН. Наследие. Москва. 2000. (публикация В.И. Мельника и Т.И. Орнатской), с. 447.
2. Указ. соч., с. 454.
3. Там же, с. 523.
4. Письмо А.Ф. Кони от 5 марта 1883 г. (Указ. соч., с. 483).
5. Указ. соч., с. 550 (публикация И.Н. Сухих).
6. Там же, с. 551.
7. Указ. соч., с. 421 (публикация В.К. Лебедева и Л.Н. Морозенко).
8. Летопись, А. Д. Алексеев. с. 274, 276.
9. Там же с. 80, 87.
10. И.А. Гончаров. Нимфодора Ивановна. Повесть. Избранные письма. (Публикация О.А. Марфиной-Демиховской и Е.К. Демиховской). Псков, 1992, с. 189.
11. Указ. соч., с. 192, 194.
12. Указ. соч., с. 194.
13. См. письмо И.А. Гончарова к Кони от 22 июня 1890 г. (Лит. наследство. 2000 г., с. 531).
14. И.А. Гончаров и К.К. Романов. Неизданная переписка. Издание подг. Е.К. Демиховской и О.А. Демиховской. Псков. 1993, с. 13.
15. Там же, с. 5.
16. Литературное наследство, 2000 г., с. 532.
17. Писатель не мог предвидеть, что после революции жизнь Сани резко изменится, последуют тяжелые потери, всяческие трудности (см. М.Б. Жданова "З.А. Резвцова-Шмидт (из истории семьи Трейгутов)" в сб. И.А. Гончаров. Материалы международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения писателя. Ульяновск, 1998, с. 326-332).
18. Литературное наследство, 2000 г., с. 534.
19. М.Б. Жданова. Указ. соч., с. 329.
20. В должности директора областного Краеведческого музея (Гончаровский музей) создавался в качестве филиала этого музея).
21. Описание переданных в музей реликвий см.: Марк Валкин. Музей И.А. Гончарова. Из истории создания. Ульяновск, 2001 г., с. 39.
22. Литературное наследство, 2000 г., с. 533.
23. Летописец семьи Гончаровых. Издание Музея И.А. Гончарова, Ульяновск, 1996, с. 283.
24. Там же.
25. Письмо А.Ф. Кони актрисе М.Г. Савиной от 15 июня 1880 г. Лит. наследство, 2000г.
26. См. Болезнь Гончарова. Неизданная статья М.Ф. Суперанского <1913>. Предисловие В.А. Недзвецкого. Публикация М.И. Трепалиной. Лит. наследство. 2000г., с. 557-638.

Б.А. Резвцов с женой и сыном.

Незабываемые встречи

В.Ф. Руднев

О жизни В.Ф. Руднева написано много, но мало кто знает, что его старший сын Николай в 1950-е годы жил в Ульяновске и написал воспоминания об отце "Командир легендарного крейсера", где наиболее полно, интересно и достоверно рассказал об исторических событиях и семье Рудневых. После революции 1917 года Н.В. Руднев выехал во Францию и только в начале 1950-х годов вернулся в СССР. Местом жительства ему определили Ульяновск. Именно в этот период мне довелось лично познакомиться с этим интереснейшим человеком. Уже первая встреча превратилась в четырехчасовую беседу. Я словно окунулся в живую историю России.

Род потомственных моряков Рудневых известен с XVII в. Рудневы — участники морских боев, прославивших русский флот на Черном, Средиземном и Адриатическом морях. В морском духе воспитывался и старший сын командира крейсера "Варяг" Николай. Будучи подростком, он уже отлично знал устройство корабля и парусное вооружение, умел ходить на шлюпке. Возвращаясь из кругосветных плаваний, отец рассказывал сыну о странах и портах, в которых побывал, различных смешных, порою анекдотичных случаях. Вот два из них.

На крейсере "Африка", который шел по маршруту: Англия, Франция, Гибралтар, Марсель, Генуя, Неаполь, Турция, Цейлон, Сингапур и далее на Тихий океан — произошла забавная история. В одном из южных портов на борт взяли обезьянку, которая вскоре стала любимцей экипажа. И только один офицер, молодой аристократ, люто ненавидел животное и при случае всегда ему пакостил. Мартышка платила ему тем же. Как-то на корабле выдавали жалование золотой валю-

9 февраля 2004 года исполнилось сто лет легендарному подвигу двух русских военных кораблей: крейсера "Варяг" и канонерской лодки "Кореец". В начале русско-японской войны (1904-1905) они вступили в бой у корейского порта Чемульпо с японскими кораблями, в семь раз превышающими их по численности и вооружению, и не сдались. Командовал кораблями капитан 1 ранга Руднев Всеволод Федорович. Мировая и российская пресса того времени с восторгом писала о доблести русских моряков.

той, а накануне этот офицер ударил обезьянку. Она видела, как офицер пронес пакет с деньгами в каюту. Проследив, когда он уйдет, пробралась туда, схватила пакет и стремглав бросилась на самую высокую корабельную мачту, стала кричать, кривляться и бросать золотые монеты в море. Хозяин монет был в шоке, а матросы, не любившие чванливого офицера, злорадствовали. В ближайшем порту обезьянка была списана с корабля, а командиру пришлось возместить ущерб.

И второй любопытный эпизод. Когда крейсер "Африка" вышел в Тихий океан, за кормой появились два английских военных корабля и стали неотступно следовать за ним. Их намерения были понятны, учитывая натянутые дипломатические отношения с Англией. "Африка" была вынуждена зайти в ближайший порт. Преследователи стали рядом. Группа русских офицеров отправилась на берег, то же сделали англичане. Вечером Руднев с товарищами, сговорившись, пошли в театр и взяли билеты в ложу. Англичане расположились напротив. В антракте русские офицеры, оставив свои фуражки на барьере ложи, вышли в фойе и сделали вид, что пьют виски. Когда начался спектакль, русские моряки незаметно покинули театр, сели в шлюпку и помчались на крейсер. С потушенными огнями, полным ходом "Африка" ушла в океанскую ширь. Англичане спохватились, но так и не нашли в океане русский корабль.

Романтика морской службы, экзотика южных морей — все это с детства определило старшему сыну Руднева выбор жизненного пути. Но продолжить многолетнюю традицию рода Рудневых ему так и не пришлось.

События 1905 года захлестнули Петербург. Бунтовали солдаты и мат-

росы. Царское правительство жестоко расправлялось с бунтовщиками. За отказ В.Ф. Руднева выдать участников бунта — 14 матросов экипажа, командиром которого он являлся, — его отстранили от службы и уволили в отставку с чином контр-адмирала, дабы смягчить высочайшее наказание. Одновременно ему предложили покинуть Петербург. Он поселился на родине в Тульской губернии в с. Савино, где и скончался в 1913 г. Началась трагедия его сына. Николая Руднева исключили из Пажееского корпуса с запрещением учиться в морском училище. Тогда он поступил в сельскохозяйственную академию и стал агрономом.

Познакомившись с Николаем Рудневым в Ульяновске, я принял приглашение посетить его дома. Жил он с женой, дочерью известного русского адмирала, на улице Гончарова в двухкомнатной квартире, в которой занимал небольшую комнатку. Николай Всеволодович рассказывал о своей жизни, о приеме в Москве по случаю пятидесятой годовщины боя крейсера "Варяг", о встречах с министром обороны Булганиным, Буденным, матросами крейсера "Варяг". Показал интересные фотографии: кадеты Пажееского корпуса с императором, рядом с Николаем II стоит Руднев. Увидели мы и подлинные раритеты, за которыми охотился Московский исторический музей: сервиз саксонского фарфора, подарок Николая II командиру "Варяга". Перешла в наследство от отца и огромная коллекция редчайших марок, собранных во время кругосветных плаваний. Некоторые марки были уникальны и представляли огромную ценность. За них на международном фестивале молодежи в Москве иностранные туристы предлагали любое имение во Франции. Венцом коллекции раритетов была икона Божией матери, которую вышила бисером его прабабушка. Эта икона из рода в род переходила к морякам Рудневым и находилась в бою с турками при Чесме, в бою при Синопе. Была она и у командира крейсера "Варяг" в бою с японцами в 1904 году. Московский музей неоднократно просил Н.В. Руднева передать эти ценности для хранения, но сын свято хранил реликвию и не хотел с ними расставаться.

В 1958 г. моя связь с Рудневыми прервалась. По приглашению Тульского обкома Николай переехал в Тулу. В 1960 г. там вышла его книга "Командир легендарного крейсера", которую он прислал мне с дарственной надписью в память о наших встречах.

Анатолий Павлов

Дом под горой

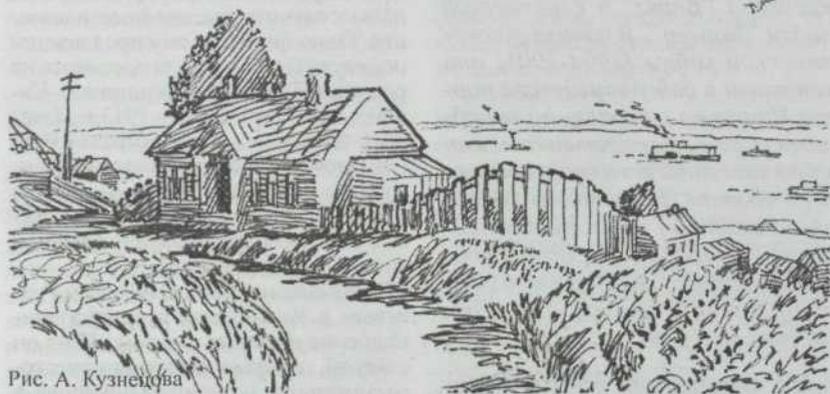

Рис. А. Кузнецова

Проснувшись с ощущением тревоги и утраты, я понимаю, что это из черного подвала моей памяти рвется наружу страница прошлого, желая вновь явиться на свет, проявиться, как симпатические чернила на листке, поднесенном к источнику тепла.

Так что же там, в размытых временах картинах? Чего мне так отчаянно жаль? Дом? Не сам дом, ушедший на дно водохранилища, а весь тот связанный с ним мир первых радостей и радужных красок, способных и бедные будни первых послевоенных лет превратить в манящую в небо радугу. Это я сейчас вижу, что дом тот был обыкновенным типовым барачком. Тогда же, на пороге отрочества и юности, это был дом, в который было так приятно забрести после купания в Волге, выпить чая и поболтать; где мы так весело собирались большой шумной компанией, где всегда чувствовала себя легко и привольно. Там я училась танцевать и впервые в 16 лет попробовала шампанское. Это пьянило самим фактом приобщения к маняще-взрослой жизни. А главное — в этом доме жила школьная подруга Лилия Адаменко, которую мой дедушка звал Лилей Подгорной. (У него определение звучало как фамилия.) Ее «паспортное» имя было Элен. Когда мы проходили «Войну и мир», Любовь Степановна Веденская, любимая учительница литературы, сказала об Элен Безуховой: «Красавица Элен — бездушная кокетка». Мы радостно переадресовали эту фразу Лиле, наслаждаясь ее смущением и возмущением. Нет, она вовсе не была «бездушной кокеткой», хотя и (на зависть многим) вечно находилась в окружении толпы мальчишек. Это

притом, что учились мы в женской школе и с мальчиками общались очень редко и вообще держаться с ними не умели. Во всяком случае, я: то дервенела, то манерничала, то старалась казаться очень умной, то — гордо-неприступной. Позднее, когда Лилия всех нас познакомила и подружила, один мальчик из ее постоянного окружения говорил мне: «Ты учишь у Лили. Посмотри, как просто она держится. С ней легко и свободно, а с тобой не знаешь, как себя вести». Я кротко признавала Лилино превосходство, а вот Вера Африкантова не могла смириться, что ее друг Виталька «переметнулся» к Лиле. Даже когда они, уже взрослые дамы, встретились в Самаре (где теперь обе живут), отнеслась к ней холодно и настороженно — видно, не до конца зарубцевался след детской обиды.

Лилия не только умела общаться с мальчишками, она вообще была «вдохновителем и организатором» всех наших планов и свершений. Вокруг нее всегда ощущалось какое-то притягивающее к себе магнитное поле жизненной силы и энергии. Скорая на выдумку, сама быстрая, ловкая, решительная, с живыми глазами и выбивающимися из тугих косичек легкими каштановыми кудряшками, Лилия каждое утро легко взбегала на крутую гору, а второй раз проделывала тот же путь вечером, спеша в Дом офицеров на занятия аккордеоном. Экономия времени, вниз зимой спускалась на портфеле. По утрам на Венце ее ждал хулиганистый Женя Гуренков, известный своими спортивными успехами; когда она по улице Ленина шла к нашей 3-ей женской школе, увидел ее с балкона, выбегал Слава Чир-

Последние годы мне часто снится один и тот же сон. Я иду дом у берега Волги возле моста. Спускаюсь по крутому склону. На пути — ледяные, почти вертикальные откосы, по которым я то карабкаюсь вверх, то качусь вниз, проваливаюсь в какие-то ямы, то вязну в песках. Вот и мост. Стоя в воде, прислоняюсь к одной из опор, чтобы отдохнуть, оглядеться и... Меня охватывает тревога и растерянность — дома нет. Вокруг странный пейзаж, причудливо соединяющий мрачно-сюрреалистические картины из «Сталкера» Тарковского и «дальние дынные огороды», освещенные бледно-багровым закатом из «Александрийских песен» Кузмина. Вопреки очевидности, с рвущейся из сердца тоской я хочу увидеть тот приземистый деревянный дом, похожий на барак, не могу смириться с тем, что его нет, что все мои усилия оказались тщетными.

ков, насмешник и балагур; потом выходил навстречу чинный и серьезный Слава Костюнин. В школу Лилия вбежала на волне душевного подъема. Раскрасневшаяся, блестя глазами и улыбаясь, что-то бодро рассказывала, весело хохотала, предлагала то сходить в кино (попутно с увлечением делилась тем, что прочла о снимающихся в фильме актерах), то позвать на классное собрание артистов нашего драматического театра. Помню, как мы вдвоем ходили приглашать Николая Провоторова, тогдашнего любимца ульяновцев, в которого мы были по-детски влюблены. Как мы, замирая от удовольствия и гордости, разговаривали с ним, стоя возле театра и искоса поглядывая по сторонам: видит ли нас в его обществе кто-нибудь (а если видит — вот, наверное, завидует!).

Обычно мы ходили вчетвером. В нашу дружную четверку, сидящую всегда «на галерке» класса и всегда получавшую одни и те же оценки за письменные работы, которые мы делали сообща, входили еще Аида и Мира. Любили родители в 30-е годы давать детям звучные имена: Элен, Элеонора, Аида, Мира — эффектно, ничего не скажешь. Помню, как мы четверо возвращались из театра со спектакля по пьесе В. Розова «Ее друзья» с Любовью Тюриной в главной роли (тоже всеобщей любимицей). Как мы были растроганы! Как свято верили в великую силу и вечность дружбы, как любили друг друга и весь мир. А после кинофильма «Светлый путь» мы все ходили по улице Гончарова мимо пушистых белых сугробов и не могли расстаться и наговориться. О чем? Не помню слов, но помню

общее состояние: у всех нас впереди тоже светлый путь, и мы все сможем, все сумеем. “Нам нет преград ни в море, ни на суше”. Мы верили, что нам посчастливилось родиться в лучшей в мире стране, что все мы – дети родины, одного общего Дома, который мы должны беречь, обихаживать, созидать.

“Когда мы были молодыми и чувств прекрасную несли”... Что было в этой “прекрасной чувши”? Оболваненность пропагандой, как сейчас говорят, “зомбированность”, социальная инфантильность? Возможно, было отчасти и это. Но была и молодая, радостная жажда подвигов, устремленная к деятельному добру.

Лиля нашла и конкретный путь к нему. В 14 лет вступив в комсомол, мы решили внутри комсомольской группы создать свою тайную организацию по типу Тимуровской команды А. Гайдара и “Молодой гвардии” А. Фадеева. Штабом ее был дом Лили, а называлась она “Тайные встречи”. Наверное, потому, что наши дела (вполне благовидные: помощь всем, кто в ней нуждается), как и само существование организации, почему-то должны были быть покрыты темной завесой тайны – на крови. На крови (уколов палец иголкой и приложив капельку крови к торжественному обещанию, написанному на листе плотной бумаги крупными буквами), мы и клялись “ценою жизни” сохранить нашу тайну.

Особой, прямо-таки помпезной таинственностью было окружено принятие в организацию Аиды Макаровой, которая была на год младше нас и потому на несколько месяцев позднее могла вступить в комсомол. Мы с Лилей завязали ей глаза и под руки повели по скользкому ледяному склону. (Интересно, как смотрели на эту картину прохожие? Или нам никто не встретился по пути?) Мягкая и покладистая по натуре, Аида, как ей было велено, ни о чем не спрашивала, а молча подчинялась приказам. Мы же чувствовали себя суровыми командирами, необыкновенно значительными и важными. Повязку с ее глаз сняли только тогда, когда остальные члены организации дружно проголосовали “за”. Вероятно, в случае отрицательного результата мы собирались так же с завязанными глазами тащить ее вверх, почему-то полагая, что она не догадается, где побывала.

Были у нас продуманы и цепочки-тройки, где каждый должен был знать только того, кто передавал информацию ему и кому сам должен был передавать сообщения.

Из наших дел хорошо помню одно. Кто-то (кажется, Рита Преображенская) сообщила, что старички-соседи купили дрова, свалили их у сарая, а вот распилить и расколоть их еще не успели. Получив по “цепочке” сообщение о том, когда хозяев не будет дома, мы радостно собрались у них во дворе (дверь в который закрывалась просто на щеколду), и работа закипела. Аида с мальчишками на зависть ловко рубила дрова, большинство девочек распиливали бревна, Лиля была занята общей организацией работ и складированием. Поленица получилась на славу, и мы ушли очень гордые и довольные собой, с нетерпением ожидая известий о том, как примут хозяева нечаянный подарок. Мы ожидали восторженной радости и горячей благодарности неизвестным благодетелям, но реакция Ритиных соседей оказалась неожиданной: те решили, что неведомые злоумышленники хотят украсть их дрова и “для удобства” (?) предварительно собрали их в поленицу. Нас это сообщение не расстроило, а развеселило, и мы с восторгом требовали от Риты все новых и новых подробностей: “А он что сказал? А она?” И весело смеялись.

Однако наш смех скоро обернулся слезами. Некто Юрка Варварин, уловив нечто запретное в рассказах приятелей, проболтался об этом матери, которая была тогда директором нашей школы. Та всполошилась, подключила учителей, и начался переполох. Время-то было суровое, сталинское – зима 1948 года. Какая тайная организация, отличная от комсомола? – “Похоже на оппортунизм!” Какие “тайные” встречи девочек и мальчиков в доме на отшибе под горой? – “Пахнет моральным разложением!” Над нашими головами сгустились грозные тучи, и где-то уже слышался гром возмездия. Было назначено классное собрание с дирекцией и классным руководителем. Нам грозили исключением из комсомола и прочими земными карами, уговаривали “все рассказать”, “во всем признаться”. Но мы, верные страшному клятве, были тверды, как Зоя Космодемьянская под пытками. А потом в классе остались только члены нашей организации и классный руководитель, и она вдруг расплакалась навзрыд. Сквозь всхлипывания прорывались слова о том, как горько ей, что она не заслужила нашего доверия, как ей достанется за нас, как ей плохо... Слезы оказались сильнее угроз. Мы не выдержали – заговорили наперебой, успокаивали, объясняли, оправдывались... Нас еще немножко пошпыня-

ли, но все обошлось, Лиля даже (года через полтора) стала секретарем комсомольской организации школы.

С ее образом так не вяжутся понятия “пенсионер”, “инвалид”, “старушка”. Она и сейчас – “железная леди” (как звали ее ученики) – подтянутая, моложавая, ухоженная, с неизменным чувством юмора и сильной волей.

Лиля, как и Аида, навсегда осталась в моей жизни. Почему же рядом с ними живет в моей душе боль утраты? Что же “нами навек утрачено”? Прошли отрочество и юность, и молодость, как и сопутствующий им “юный пыл и юный бред”? Так ведь это же по законам природы. “Другие юноши поют другие песни”? Наши были лучше? Но кто знает, что лучше: наша нерасуждающая наивная вера или их трезвый, ничего на веру не принимающий критицизм? Они не станут играть в наши тимуровские игры, зато играют в компьютерные, “гуляют” по интернету, как мы когда-то чинно прохаживались по улице Гончарова. Они больше знают, чем мы в их годы.

Вот по асфальтовой дорожке парка “Дружба народов” идет длинноногая девушка на высоких каблуках, в обтягивающе-узкой короткой юбке. Я вспоминаю, как когда-то бегала по тропинке того же склона, сплошь белого от цветущих вишен, в белом (самосшитом) батистовом платье с крылышками и пышной юбкой “солнце-клевш”, в спортивных тапочках и с цветными вишни в волосах, заплетенных в косички. Юная девушка, на которую я смотрю сейчас, красивее, наряднее, увереннее в себе. О чем она мечтает? Наверное, о чем-то не отвлеченно-романтическом, а более конкретном, и хорошо знает, как это достичь. А мы думали, что нужно

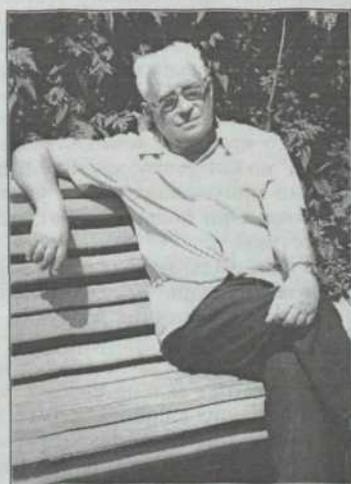
просто “честно жить, много трудиться и любить эту огромную прекрасную землю, которая зовется советской страной”. А все, что нам нужно, само придет, как награда за любовь и веру от щедрой этой страны. Может быть, сказать по-пушкински светло и примиренно: “Здравствуй, племя молодое, незнакомое”? Ну, а те, что сидят на нашем любимом Венце на спинках скамеек, топчя грязными ногами сиденья, распивают пиво и жуют

поп-корн в целлофановых пакетах, тут же бросая и банки, и пакеты, и окурки, презрительно отмахиваясь от замечаний, — тоже “племя молодое, незнакомое”? Их мне не хочется приветствовать.

Не могу смириться и с тем, во что превратилась наша красавица-Волга. В какое-то стоячее болото. И произошло это не по законам природы, а вопреки им. Исчезли и сады на склонах, и яркая зелень заливных лугов с

синей ниточкой бегущей по ним Волжки, и острова с их золотыми песками и зарослями деревьев, и постоянно плывущие по Волге белые суда.

А я стою на берегу и, как мальчик из романа Ч. Айтматова, смотрю и смотрю вдаль в надежде увидеть на чистой синеве волжской воды белый пароход, плывущий мимо островов (которых больше нет) и оставляющий за кормой белый вспененный след... А по ночам мне снится один и тот же сон...

Аркадий Троепольский

Когда ты нужен

Детство и юность писателя-публициста Аркадия Аркадьевича Троепольского прошли на ульяновской земле. В 1941 году, в 16-летнем возрасте, он начал работать на заводе “Металлист”. Был награжден медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне” 1941-1945 годов”. В 1944 году в результате аварии в цехе Аркадий получил ожог глаз и стал инвалидом. Лишившись зрения, он мужественно отстаивал свое право на деятельную жизнь, на творчество. В 1954 году окончил историко-филологический факультет Казанского университета, работал на телестудии, зав. отделом газеты, печатался в журналах. Член Союза журналистов СССР, лауреат литературной премии имени писателя Шамиля Бикчурина.

На крутом берегу

В Ульяновске наша семья обосновалась в 1935 году. Мне было 10 лет, брату Борису пять. От города на крутом берегу остались с той далекой поры воспоминания о двух красочных зрелищах — огромный фруктовый сад, окутывающий по весне бело-розовым туманом крутогорье от самого верха (Венца) до облизываемого волнами берега, и величавый собор на площади, воспаривший над волжским простором и видный отовсюду. Потом собор снесли, а сад погиб в лютые военные зимы. Но это случилось потом. Если придерживаться хронологии, то следует поведать, почему четверо Троепольских оказались на родине Ильича. И тут без рассказа о родителях не обойтись.

Наш с Борисом отец, Аркадий Михайлович, родился на Брянщине в семье священника; в 16 лет, имея пять классов гимназии, начал трудовой путь письмоводителем в лесничестве, был избран в руководство комсомольской ячейки, окончил курсы шкрабов (школьных работников), работал учи-

телем, затем директором школы. Сотрудничал с газетой “Брянский рабочий”, что определило его дальнейшую судьбу.

Мама, Елена Павловна, выросла в семье банковского служащего, в строю гимназисток встречала на Брянском вокзале последнего российского царя Николая, после революции работала воспитательницей в колонии для беспризорников, затем учительствовала в школах, где директором был отец.

В 1928 году семья перебирается в Самару, отец становится репортером газеты “Средне-Волжский комсомолец”. Смешение эпох: мама по приказу директора гимназии встречала с подругами на вокзале царя, а отец по заданию редакции на пароходе встречался с Максимом Горьким, когда великий пролетарский писатель совершал путешествие по матушке-Волге.

Они были очень разные, наши родители. Отец — высокий, широкоплечий, остроумный собеседник, заводила и организатор (он, кстати, оказался первым руководителем старейшего

в Самаре литературного объединения, созданного при заводе им. Масленникова; об этом мы узнали, получив от родственника номер еженедельника “Самарская неделя” от 18.02.94). К отцу, человеку общительному и открытому, всегда тянулись люди творческие, журналисты, писатели, поэты. И везде, где бы мы ни жили, в нашей комнате былолюдно и шумно, читались и горячо обсуждались проза и стихи, до хрипоты спорили о кинофильмах и спектаклях. Отец быстро обрастал друзьями. Родство душ у этих людей было таково, что некоторые из друзей, не желая расставаться со Стариком (так уважительно звали его между собой), даже переезжали за ним из города в город.

Мама, маленькая и хрупкая на вид женщина, спокойно воспринимала постоянное нашествие непризнанных гениев советской литературы, как-то и чем-то кормила всегда голодных гостей, вела домашнее хозяйство, что по тем временам было делом весьма непростым, воспитывала сыновей и даже успевала в такой суматохе мно-

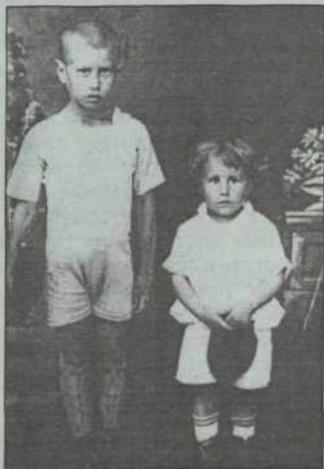
го читать. Она была первой читательницей рассказов и повестей, написанных отцом, он полностью доверял ее вкусу и учитывал сделанные им замечания. Если к отцу люди шли в основном проконсультироваться по литературным делам и подискутировать, то к маме приходили поплакаться в жилетку, поговорить по душам, посоветоваться. Так жили наши родители – голодно, но весело, открыто и интересно.

А моя жизнь складывалась не ахти. В три года заболел воспалением среднего уха. В селе медиков не было, отец в длительной командировке. Когда я стал синеть, метаться в бреду, мама кинулась по избам, умоляла помочь. Старик-крестьянин запряг лошадь в сани. Всю ночь в трескучий мороз меня, завернутого в тулуп, везли в больницу. Едва взглянув, врач понес меня в операционную, без наркоза долотом проломил кость за ухом, откачал гной. Потом я спрашивал у мамы: “Почему дядя доктор бил меня молотком по голове?” Жизнь спасли, но слух полностью не восстановился. Круто обошлась судьба со мной и в Самаре. Пьяный мужчина пытался поймать в подъезде, ведущем во двор, я еле увернулся, весь в слезах прибежал к маме и с этого момента стал заикой. И школа оказалась для меня настоящей каторгой. Чем громче надо мной смеялись в классе, тем сильнее я заикался. Никогда не поднимал руки, а вызовы к доске становились сущим мучением. Затем врачи обнаружили у меня туберкулез легких и посоветовали сменить пыльную, грязную Самару на местность, где есть сосновый бор. Отец нашел такое место, мы переехали в зеленый и уютный центр Мелекесса, где уже известного журналиста и писателя охотно приняли на работу в редакцию газеты “Власть труда”. Мелекесский сосновый бор и парное молоко сделали свое дело, легкие мои зарубцевались. Руки у отца развязаны, и он перевез семью в Ульяновск, где стал вторым лицом в редакции областной газеты “Пролетарский путь”.

Первое время по приезду в Ульяновск мы жили в гостинице на площади. В этом же здании располагался драматический театр. Затем отцу дали ордер на комнату в коммуналке, и у нас появился первый ульяновский адрес – улица Радищева, дом 30, квартира 6. Этот двухэтажный дом стоял внутри двора, имел два входа – парадный и со стороны общей кухни. Дрова жчльцы хранили в каменном сарае в индивидуальных клетушках. Во дворе же располагались “удобства”,

А.А. Троепольский с матерью, Еленой Павловной.

Аркадий и Борис Троепольские.

Аркадий Михайлович Троепольский.

то бишь, туалет. В нашей комнате имела круглая печь, единственное нестандартных размеров окно выходило в сад, где напротив окна росло огромное грушевое дерево. Сад считался общим, в нем росло много всякого, яблоки и прочие фрукты рассыпали на полу в коридорчике, там они хранились почти до нового года.

Из дворовых и уличных приятелей мне больше нравилось дружить с Гогай Маловым. Это, как теперь понимаю, был настоящий ульяновский Гаврош – сильный до отчаянности паренек с крепкими кулаками, которые ему нередко приходилось пускать в ход, поскольку Гога был страстным голубятником и часто отыскивал своих разноперых красавцев в чужих дворах. Все больше крепла наша дружба с Юрой Никольским, с которым довелось познакомиться еще в Мелекессе, где наши дома стояли по соседству. В отличие от Маловых – простых работников – Никольские являлись интеллигентами, отец Юры преподавал в педагогическом институте, мать была школьной учительницей. К Никольским, жившим на параллельной улице Водников, я добирался напрямую, перемахивая через заборы, разделявшие два сада. Отец и сын были любителями рыбной ловли на удочку, часто брали меня с собой на Волгу.

Удивительным образом мне удалось избавиться от заикания. В начале 1937 года мама стала работать в главной библиотеке города – Дворце книги. Библиотека закрывалась в 8 часов вечера. Поскольку отец редко бывал дома, уезжая в командировки для сбора материала в сельских районах, я взял на себя обязанность провозжать маму домой после работы. Приходил в библиотеку пораньше, подолгу бродил среди полок, гадая, какая книга поинтересней. Жюль Верн, Майн Рид, Луи Бусинар, “Таинственный остров”, “Всадник без головы”, “Капитан Сорви-голова” – дух от всего этого захватывало. Выбирал книгу, усаживался в кресло и погружался в мир, полный приключений и подвигов. Но вот мама кладет руку на плечо, кивает на часы. И с огромным сожалением закрываешь книгу, ставишь на полку. По дороге домой, шагая по ночным улицам, разговариваем. Мама спрашивает, что сегодня понравилось из прочитанного. Как-то ребята спросили: “Куда уходишь по вечерам?” – “Читаю книги в библиотеке”. – “Интересные?” – “Очень, оторваться не могу”. – “Расскажи что-нибудь”.

И я стал рассказывать. Набегавшись и награвшись, усаживались на

каменное, не успевшее остыть от жаркого солнца крыльцо, я начинал говорить, ребята молча слушали. Иногда подходили родители, чтобы забрать сына домой, и тоже присаживались послушать. И я стал замечать, что говорю все свободнее, увереннее. Так постепенно и освободился от заикания. Этот недуг напоминает о себе только когда разволнуюсь.

1937-й роковой

За отцом прихватили две ночи подряд. В назначенный срок из командировки он не вернулся, задержали дела. Когда приехал, встревоженная мама рассказала о ночных визитерах. Отец помолчал, потом спокойно сказал: "Собери бельишко. По дороге зайду к энквэдэшникам, узнаю, зачем я им понадобился. Потом помоюсь в бане". В чемоданчик, с которым отец ездил в командировки, мама уложила белье, полотенце, мыло, мочалку. Отец оделся и ушел. Навсегда. Придя из школы, я торкнулся в дверь, она была заперта изнутри. Я постучал. Дверь приоткрылась, выглянула мама, лицо бледное, непривычно напряженное. Она взяла у меня портфель, быстро прошептала: "Погуляй во дворе. Можешь погулять подольше". И захлопнула дверь. Но я успел заметить, что по комнате ходят какие-то незнакомые люди, а на полу в беспорядке валяются книги, бумаги, фотографии. Это был обыск.

1937 год начинался для родителей лучше некуда. Мама устроилась библиотекарем во Дворец книги. Отец стал кандидатом в члены Союза писателей СССР. Произведения Аркадия Троепольского часто появляются в газетах и журналах. В Куйбышевском издательстве вышел сборник рассказов и повестей "Черемшан" (когда жили в Мелекесе, отец любил рыбачить на этой речке). Пьесу отца "Орден" принял к постановке Ульяновский драматический театр. И в одночасье все рухнуло — отца арестовали, и он исчез в недрах гигантской мясорубки. Мама, обив пороги множества кабинетов, так и не смогла отыскать его след. Маму немедленно выгнали из Дворца книги, не указав в трудовой книжке причину увольнения. И без того было понятно — жена врага народа не может работать в учреждении, призванном воспитывать советских людей в духе преданности вождю и партии. В школе я слышал за спиной змеиный шепот: "Отец-то у него вон кто оказался...". Правда, шептуну вскоре приумолкли — таких, как я, сыновей и дочерей врагов народа, с каждой ночью становилось все больше.

А.А. Троепольский.

Семья бедствовала и голодала. Мама билась как рыба об лед, вынуждена была обратиться за помощью к родственникам. Те не отказали в поддержке — из Ордженикидзеграда пошли денежные переводы от мамино-го брата дяди Васи, поступали посылки из Москвы от сестер Насти и Веры, наконец, через знакомых удалось устроить маму в библиотеку краеведческого музея на мизерную зарплату, но с удобным расположением рабочего места — в подвале, подальше от бдительных посторонних глаз, поскольку стало известно, что жен "врагов народа" тоже сажают со стандартным сроком 8 лет лагерей, а детей отправляют в детдома. В это время я, как на грех, заболел футболом. Впрочем, как и весь город. Тогда весьма остро соперничали между собой городские футбольные команды с заводской заводской. Сражения проходили на стадионе "Спартак", который был построен рядом с электростанци-

ей. На стадион мы проникали различными путями, неистово поддерживали, естественно, своих, "городских". И как же завидовали тем мальчишкам, которые сопровождали до раздевалки наших кумиров, неся с благоговением их чемоданчики со спортивной формой и бутсами! Не менее страстно проходили матчи рангом пониже, когда на Венце выясняли отношения постоянные соперники — уличные команды с Марышки (прежнее название улицы Радищева) и Татарской слободы. Хотя я был моложе всех и ростом не отличался, меня включали в команду на такие игры, поскольку слыл цепким защитником и пройти к воротам через мой край форвардам соперников удавалось нечасто. Главной проблемой для меня тогда была обувь. После каждой игры ботинки приходилось буквально опутывать проволокой. Если в таких "бутсах" с грехом пополам еще можно было выходить на футбольное поле, то в школе в них появиться было невозможно. И как же я был благодарен московским тетям, когда перед началом учебного года приходила посылка из столицы, и в ящике оказывались бесподобно сверкающие черным лаком изделия знаменитой фабрики "Скороход"!..

Грянула финская война. Запомнилась она огромными очередями за хлебом. Придя из школы, мы бежали занимать очередь, каждому на ладони химическим карандашом писали порядковый номер, потом часами под фонарем играли самодельными клюшками в хоккей с мячом, пока из-за угла не появлялся заветный фургон; очередь мгновенно распухала и начинала колыхаться, словно огромный червяк, наиболее нахальные парни штурмовали прилавок, не обращая внимания на крики и вопли тех, кто боялся остаться без лимитной буханки.

Все чаще я стал бывать у Никольских. Юра тогда увлекся рисованием, показывал рисунки, рассказывали друг другу о прочитанных книгах, играли в шахматы. И меня всегда оставляли пообедать. За столом я старался сдерживать себя, делать вид, что не голоден. Но замечал, как понимающе переглядывались родители друга, и это вгоняло меня в краску.

Багровый рассвет

В мае 41-го я заканчивал восьмой класс. Всю ночь готовился к экзамену, заснул под утро. Проснулся, в комнате пусто, мама ушла на работу, брат убежал по своим делам. По часам выходило, что успею позавтракать. Однако ни в комнате, ни на кухне ничего съестного не нашел. Так голод-

А.А. Троепольский с братом Борисом.

ным и злым отправился в школу писать сочинение на тему "Кто сегодня герой нашего времени?". Весь тот майский день ждали маму. Она заняла у кого-то денег и принесла кулек пшена. Сидели втроем перед печкой, подкладывали щепки и молча смотрели, как огненные язычки облизывают чугунок. И вот по комнате начинает распространяться аромат, щекощущий ноздри. Мама достает миски, раскладывает кашу и смотрит, как мы работаем ложками. Глаза ее подозрительно блестят, я стараюсь не смотреть в ее сторону...

Приятели во главе с Гогой позвали меня на рыбалку с ночевой. Мама непреклонна: не пушу. Так уже было не раз. Ребята недоумевают, почему меня не отпускают порыбачить, что может случиться на воде с хорошо плавающим парнем. Я понимаю: оставшись без мужа, мама смертельно боится потерять сына, но выглядеть в глазах друзей маленьким сыном... Мне уже 16 лет, я настаиваю на своем, и мама сдается.

Место для рыбалки облюбовано давно. Остров, покрытый чистейшим песком и заросший тальником, делит Волгу на два рукава. Среди кустов поблескивает мелкий ручеек, вода в нем прозрачная, и видно, как по рифленому дну, словно по стиральной доске, течение протаскивает чешуйчатую мелюзгу. Она, не успевая опомниться, становится легкой добычей зубастых хищников, поджидающих мальков на большой воде. Всего несколько заходов – и рыбу уже девать некуда. И вот сушится на кустах бредень, в наступающих сумерках весело разгорается костер, в повисшем на рогульках ведре закипает заправленная по всем рыбацким правилам уха. Ночь кончается. Я ухожу от костра далеко в глубь острова. Вокруг ни души, нет ни одного человеческого следа на продутом ветрами песке. Стою и смотрю, как все гуще багровеет небо. Вот из-за горизонта сверкнули первые лучи, скользнули по листве, забликовали на водной глади. Птицы с шумом принялись перелетать с куста на куст. Жадно смотрю на это буйство света и красок, возвестившее наступление нового дня.

А в этот час, в эти вот минуты, за тысячи километров от островка посреди Волги, человек с челкой на лбу и с щеточкой усов, по фамилии Гитлер, уже решил все за меня и определил мою судьбу и судьбы миллионов других людей. В этот самый час, когда я стоял в тальнике и любовался рассветом, танки с крестами на боках давили пограничные столбы, сметали шлагбаумы и мча-

лись по нашим дорогам.

Ребята уже проснулись. Раздевшись донага, с разбегу поныряли в поднятые пароходом волны, бороздя их, словно живые торпеды. С наслаждением поплавали в чистой воде. Обсохли на пустынном пляже. Доели уху, по-братски разделили богатый улов и вернулись в город.

На крыльце дома Маловых играли в "подкидного". В открытую дверь позвали: "Идите слушать радио. Будет какое-то важное сообщение". Уселись на завалинке. Гога выставил в окно черную тарелку репродуктора. "Говорит Москва. Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза". Молотов сообщил, что фашистская Германия вероломно напала на СССР. Тихая воскресная улица мгновенно ожила, люди перебежали из дома в дом, шумно переговаривались. Молодежь похвалялась: "Покажем немчуре, где раки зимуют". Старики качали головой: "Нет, ребята, дело будет сурьезное..."

Следующим утром опять собрались у Гоги. Обсуждали ситуацию. "На фронт нас не возьмут – годами не вышли. Но что-то делать надо". И гурьбой пошли в школу. Нас встретили с распростертыми объятиями. "Бегите домой, соберите вещи. Поедете в совхоз. Там всех механизаторов забрали в армию".

Действительно, в совхозе из механизаторов остался только бригадир, неразговорчивый мужчина в годах. Подвел нас к трактору, кратко объяснил, что к чему. Каждый из мальчишек получил по машине. Это были старенькие колесные тракторы, латаные-перелатаные, нам же они казались чудом техники. Предстояло пахать землю под озимые. Ни заводить двигатели рукояткой, ни заправлять в бак топлива мы не могли из-за нехватки силе-

нок и пожароопасности. Все это делал сам бригадир. Он сидел на опущке леса и наблюдал за нами, готовый в любую минуту прийти на помощь.

Это были удивительные дни. Нас поднимали рано, завтрак девчата привозили в поле. Трудовой энтузиазм был такой, что первое время мы и завтракали, не слезая с трактора. А завтрак – парное молоко в глиняном кувшине и крупно нарезанные ломтики деревенского хлеба, ароматного до невозможности! И снова трактор, послушный твоей воле, прет и прет многогемешный плуг, и с каждым витком ширится вспаханный клин, и представляешь себя не на стареньком тракторе, а на мощном танке, грозной боевой машине. И давишь ты колесами не сорняки и цветочки, а ненавистных фашистов...

Парадокс, но так было. Наголодавшись, я только в начале войны, надо же, смог поесть не то что вволю – до отвала. На краях поля, которое мне досталось, располагались два полевых стана. И на каждом для механизаторов готовились обеды. Да какие обеды... Мне, конечно, было стыдно, но удержаться не мог, заезжал поесть на оба стана. Бригадир это видел, однако не осудил намыкавшегося в городе подростка.

С чувством исполненного долга и с высоко поднятой головой вернулись мы с трудового фронта в город к началу учебного года. Пошел в школу, а в ней – военный госпиталь. А где школа? Говорят, на Гончаровской улице. Пошел туда. В здании ни души, спортзал до потолка завален партами, учебным годом и не пахнет. Это и стало основным доводом в разговоре с мамой. Я твердо заявил, что буду искать работу. Она долго молчала, потом кивнула седой головой и отвернулась.

(Продолжение следует.)

Аркадий Троепольский слева, рядом – Гога.

В. Гунин и А. Поелуев.

В апреле нынешнего года в Ульяновске завершился Второй всероссийский фестиваль баянного искусства. Оба фестиваля состоялись благодаря усилиям и организаторским способностям его художественного руководителя, лауреата международных конкурсов Виталия Гунина, при поддержке управления по делам культуры и искусства администрации Ульяновской области, областной филармонии и Ульяновского государственного университета. Генеральным спонсором фестиваля выступил ОАО "Ульяновский механический завод" (директор – В.В. Абаши). Ульяновцам выпало счастье услышать выступления корифеев-баянистов, а также продемонстрировать собственные достижения в этой области. Одно из главных впечатлений фестиваля – восторг перед значительной возросшей в последние годы культурой баянного исполнительства, стремительным расширением репертуарных возможностей современного баяна.

Фестиваль в Ульяновске: Баян – XXI век

Не каждый город может похвастать тем, что в нем проводится фестиваль баянной музыки. В Ульяновске же за два последних года прошли два таких фестиваля! Десять концертов – не много ли? Оказывается, нет, не много, если проходят они с аншлагом и при бурных аплодисментах.

Не успел отгреметь в Ульяновске Первый фестиваль "Баян – XXI век", завершившийся в мае 2003 года, как художественный руководитель фестиваля Виталий Гунин приступил к осуществлению следующего этапа музыкального проекта, и в декабре 2003 года состоялся первый концерт Второго фестиваля баянистов.

Его открыл один из лучших баянистов мира народный артист России профессор Вячеслав Семенов, умеющий вложить в исполняемое произведение свою душу. Музыкант предложил слушателям удивительно глубокое прочтение современной музыки, а с Ульяновским государственным оркестром русских народных инструментов исполнил Рапсодию для баяна и Донскую рапсодию, выдержанные в традиционном духе.

Второй концерт в рамках этого фестиваля стал сенсационным: зал был покорен 23-летним музыкантом из Москвы, студентом Академии музыки им. Гнесиных Александром Поелуевым. Ученик Вячеслава Семенова в свои юные годы успел дважды стать лауреатом самого престижного баянного конкурса "Кубок мира", побывать на гастролях в Австралии и Новой Зеландии, приглашен в США.

Показали свою самобытность и профессионализм и ульяновские музыканты: во втором отделении концерта успешно выступил лауреат международных конкурсов ансамбль "Гармоника" из г. Димитровграда (руководитель – заслуженный работник культуры РФ Станислав Зевахин). В

репертуаре ансамбля – произведения музыкальной классики, транскрипции современных авторов, обработки в стиле "ретро", латино-американская музыка и джазовые композиции.

Третий концерт открыл заслуженный артист России, профессор Уральской консерватории Виктор Романько. Многочисленные концертные туры этого баяниста – свидетельство огромной его популярности в России и за рубежом. В Ульяновске maestro исполнил шедевры музыкальной классики в сопровождении Ульяновского государственного симфонического оркестра под управлением дирижера Антонио Кима (Корея), а также современные композиции для баяна В. Семенова, В. Черникова, А. Пьяцоллы, а также собственные импровизации.

Новым открытием для ульяновцев стало выступление знаменитого квинтета "Пьяцолла-studio" под руководством Фридриха Липса. В основу названия квинтета вошло имя аргентинского композитора Астора Пьяцоллы. "В музыке столько стилей – кажется, создать что-то новое практически невозможно, – признался Ф. Липс, – и, вдруг такой простой жанр как танго открыл огромные возможности. Чарующим звуком танго подвластно все! Здесь и всепоглощающая страсть, и холодный разум, и страдание, и одиночество. Вот почему музыканты квинтета "Пьяцолла-studio" с огромным удовольствием и вдохновением работают в этом направлении".

Коллектив "Пьяцолла-studio" объединил исполнителей самого высокого уровня: здесь и заслуженный артист России, профессор Московской консерватории скрипач Владислав Иголинский, и обладатель первых премий и "Золотой арфы" международных конкурсов виолончелист Кирилл Родин, и молодые, но уже име-

нные музыканты Николай Льговский (ударные) и пианист, аранжировщик исполняемых квинтетом произведений Святослав Липс.

2 апреля нынешнего года состоялось закрытие Второго фестиваля "Баян – XXI век". В заключительном концерте приняли участие заслуженный деятель искусств Удмуртии Виктор Новиков (баян) и лауреат международных конкурсов ансамбль "Мелодии и ритмы" из Альметьевска (Татарстан).

Виктор Новиков – баянист-композитор, который черпает материал для обработок из популярных мотивов прошлого, подкупая слушателей особой теплотой музыкальной подачи, мягким юмором, искренностью исполнения.

Ярким и радостным было выступление квартета "Мелодии и ритмы", объединившего выпускников Казанской государственной консерватории, которые своим мастерством, неукротимой фантазией и чувством вкуса снискали любовь слушателей в разных уголках нашей страны, во Франции, Италии, Чехии, Болгарии и других странах ближнего и дальнего зарубежья.

Итак, десять концертов Первого и Второго фестивалей в Ульяновске стали для города настоящим музыкальным праздником. Но это лишь начало большой акции "Русский баян", призванной поднять баянное исполнительство на новую высоту и вернуть традиционно народному инструменту его былую славу.

Хочется надеяться, что в ближайшем будущем имя нашего города вновь появится на небосклоне баянного исполнительства, а музыкальная жизнь Ульяновска станет более оживленной и богатой интересными событиями.

То было другое время: подростки не сидели перед телевизором и за компьютером, не имели музыкальных центров, лазерных дисков, синтезаторов – всего этого не существовало в советской действительности. В магазинах отсутствовала даже гитара – мечта любого мальчишки поколения 1960-х. Странно: почему именно гитара, губная гармошка, добрые, сентиментальные куплеты так волновали юные сердца.

История о том, как самодельная гитара превратилась в оркестр

Игорь Клячин не получил музыкального образования – у родителей не было возможности платить за обучение, да и отец говорил, что не мужское это дело. Четырнадцатилетний мальчишка сам сделал электрогитару и стал вникать в музыкальные азы. Но что значит – сделал гитару? Для этого нужен абсолютный слух! Он и сам теперь удивляется, откуда что бралось, но было терпение и неудержимое желание, напряженное вслушивание в звучание нот каждого лада, каждой струны... Еще был друг и учитель Миша Кузьмин, у которого на кухне поздними вечерами слушали ленточные записи запрещенного ансамбля “Битлз”. Вскоре Игорь сам организовал ансамбль в своей 51-й школе, а потом и на радиофаке политехнического института. Вообще-то он мечтал стать архитектором, но поступил в политех – только потому, что там была замечательная самодеятельность. Уже в 18 лет дерзкий паренек стал ведущим гитаристом в оркестре “Тоника”, где играли знаменитые музыканты. Но старшие ребята вскоре выросли из “Тоники” и создали свой коллектив “Горожане”. А Игорь учился в политехе и играл с новым составом теперь уже в ансамбле “Каравелла”, которым руководил прекрасный человек Рудольф Алексеевич Ефимов.

После института пришлось послужить в армии, и лейтенант Клячин оказался в Белоруссии. В 1979 году в Бобруйске гастролировал Бари Алибасов со своим “Интегралом”. Яркая, феерическая программа популярного ансамбля потрясла Игоря. Он набрался смелости подойти к своему кумиру. Так началась дружба с Бари, которая окончательно определила жизненный выбор. Алибасова не смутил тот факт, что у Клячина нет музыкального образования. “Зато есть талант”, – подбодрил он начинающего музыканта.

После службы Игорь Клячин уехал в Краснодар, на работу в кра-

евую филармонию, а через год его пригласили в Куйбышев Гиларий Беляев и Григорий Файн. Начались бесконечные гастролы по стране, выступления на телевидении, участие в эстрадных конкурсах и джазовых фестивалях, в том числе международных. В то же время Игорь получил второе высшее образование в институте культуры.

С возвращением в Ульяновск начался совсем другой виток жизни. По приглашению С.Е. Марьина Игорь Клячин оказался в Ульяновском обкоме комсомола ответственным за культурную сферу. Областью рулил небезызвестный Г.В. Колбин. Все держал под неусыпным контролем. А молодежь рвалась на свободу, “разлагалась” под звуки зарубежной эстрады, носила джинсы и читала запрещенных авторов. В этой непростой обстановке Игорь возглавлял культурно-массовую и спортивную работу, проводил мероприятия всевозможного масштаба, ежегодные областные конкурсы вокально-инструментальных ансамблей.

Вместе с перестройкой в жизнь ворвались новые правила, технологии, инструменты, вместо самодельных гитар – синтезаторы и музыкальные компьютеры “Yamaha”. “Это моё”, – решил Игорь Клячин и в сорок лет стал учиться игре на клавишах. Над тем, как выворачивались и заплетались пальцы, смеялись даже дети. Зато теперь его считают чуть ли не пианистом.

“Я всегда любил быть загруженным на сцене по уши, – говорит Игорь. – А сейчас гениальные технические достижения позволяют одному управлять целым оркестром, воплощать на сцене любые задумки и импровизации, руководить звуковой картиной зала с помощью принципиально новых цифровых пультов и при этом без проблем петь, взаимодействовать с музыкантами и публикой. Люди даже не верят, что я реально пою и играю. Это здорово! Всегда с болью и смехом

смотрю на горе-музыкантов и певцов-фонограммщиков. Как много они теряют, как тупеет их зритель, слушая убогие песенки. Но, как говорится, кому уж не дано... Моей дочери многое удастся не только благодаря таланту, но, прежде всего, благодаря честной двадцатилетней работе на сцене”.

И сейчас Игоря с боевыми помощниками дочерью Татьяной и сыном Александром можно видеть как на огромных концертных площадках, так и на небольших частных праздниках в городе и в районах области, соседних республиках и областях, даже в столице. Давняя дружба связывает семейный ансамбль Клячинных с Удмуртским реабилитационным центром, Максимовским детским домом, Заволжским домом инвалидов. С болью говорит Игорь Иванович о проблемах культуры, о невестребованности талантов, особенно в глубинке: “А сколько чудакон у нас в России, сколько музыкально одаренных детей и подростков по области! Нет к ним внимания. Мы ругаем молодежь за то, что она не умеет отдыхать. А что можем предложить? Остудяющие дискотеки с пивом? Не пассивный, а активный отдых надо организовывать, творческие встречи, обмен опытом, конкурсы. Подросткам и юношам тоже требуется творческая реализация, выплеск потенциала. Снова бы возродить областные конкурсы молодых талантов, конкурсы вокально-инструментальных ансамблей. Есть чему поучиться в соседних областях. Взять, к примеру, Кошкинский район Самарской области. В небольшом РДК – более десятка коллективов! Какие праздники и конкурсы там проводятся! Пора и нам повернуться лицом к молодежи”.

Нет, не погас творческий огонек у музыканта, не брюзжит он о прошлом, а идет в ногу со временем и думает, как с большей пользой приложить свои силы.

Кто не рискует, тот не рисует Баден-Баден

В прошлом воин-афганец, подполковник Российской Армии, психолог по образованию, он с детства увлекался живописью. Однако только после увольнения из Вооружённых Сил Петр Владимирович смел целиком посвятить себя любимому делу.

“Пятьдесят мгновений одного художника” - название выставки, прошедшей в немецком городе-курорте Баден-Баден в конце прошлого года. Пятьдесят картин представил ульяновец на суд взыскательной публике, и она по достоинству оценила его. Все картины были проданы уже в первые дни просмотра. Мало того, художник во время работы экспозиции написал шесть пейзажей на заказ, заодно решив и многие свои финансовые проблемы. А они были, и очень серьезные. Ему пришлось отказаться от того, чтобы подготовить полотна в Ульяновске и перевезти их в Германию. По самым скромным подсчетам за таможенное оформление, упаковку и транспортировку необходимо было уплатить почти 30 тыс. руб. Таких средств у военного пенсионера не нашлось. А ещё нужны были деньги на билеты, проживание, аренду выставочного зала и пр. Другой бы опустил руки и отказался от этой рискованной затеи, но только не Петр Попов!

Художник принял неожиданное решение – написать работы в Германии. Пришлось взять только самое необходимое: кисточки, краски, этюдник и, конечно, идеи, благо таможенники ещё не научились брать за них пошлину. Однако до вернисажа оставалось всего шесть недель... Даже немецкие друзья, помогавшие Попову в организации персональной выставки, засомневались – успеет ли. Успел. Пришлось работать по 16-17 часов в сутки. Соседи-немцы, узнав про это, приходили посмотреть на русского художника и поражались его настойчивости. А трудолюбием немцев, согласитесь, трудно поразить. По свидетельству самого мастера, его вдохновляли удивительные по красоте ландшафты Шварцвальда и неповторимая прелесть ухоженных старинных улочек и площадей города. И это помогало. Недаром все, кто когда-либо побывал в Баден-Бадене, отмечали уникальное сочетание великолепной девственной природы курорта со всеми благами цивилизации. А побывали там многие наши знаменитые соотечественники: Вяземский,

Жуковский, Гоголь, Толстой, Тургенев, Достоевский, Гончаров, Салтыков-Щедрин. О дивной красоте долины Ооса много писал Тургенев: “...тут в долине и на горах растут самые красивые деревья, которые я когда-либо видел в своей жизни. Каждое из них сильное, молодое, поэтичное и вдохновляющее. Оно приносит радость глазу и душе. Когда ты сидишь у подножья этого великана, то чувствуешь, как в тебя вливаются его соки, и это даёт здоровье и бодрость”. Правда, вдохновение получали не все. Вот что писал Лев Толстой в этом райском уголке: “Я играю в рулетку с утра до вечера. Проиграл всё!.. Дурно, гадко. Вокруг одни люмпены и самый первый – я”. Да, в Баден-Баден каждый едет за своим.

Скептики могут сказать, что писать по две картины в день – это не искусство, а ремесло. Не будем спорить – обратимся к фактам. Все работы были проданы. А ведь Баден-Баден – отнюдь не захолустье. Его называют городом миллионеров и летней столицей Европы. Публика там богатая, образованная, ей доступны лучшие галереи и выставочные залы всего мира. Ей есть с чем сравнивать, и зря она деньги платить не будет. Кстати, любовь немцев к Петру Попову оказалась не одноминутной. В этом году художник получил три приглашения поработать в Баден-Бадене на заказ. Специально на выставку ульяновского мастера из других городов приехали немецкие художники российского происхождения для того (как признались позже), чтобы проручить “заезжего выскочку”. Но, по-

смотрев картины и узнав о том, что всё это было подготовлено за шесть недель, они отказались от своих планов.

Вся экспозиция была поделена на две части: русскую и немецкую. 25 картин было посвящено России, 25 – Германии. Бюргерам пришлось по вкусу и золото куполов православных русских церквей, и красоты природы окрестностей Баден-Бадена, и виды самого города. “Русскому художнику, – писала местная пресса, – удалось удивительно точно изобразить величепие предгорий Альп южной Германии, понять душу, характер и желания местного населения”.

Так случилось, что у нашего земляка первая персональная выставка состоялась в Германии. Но он все еще лелеет надежду провести подобное мероприятие в родном Ульяновске, но в более крупном формате, так как уже не надо будет преодолевать таможенных барьеров. Останутся только преграды бюрократические. К сожалению, часто мы начинаем ценить своих соотечественников только после того, как их оценит “заграница”. Будем надеяться, что успех в Германии поможет нашему художнику реализовать свои творческие планы у себя на родине. Ну а пока он вынужден довольствоваться “мини-выставками” в салонах магазинов “Оникс” и “Византия”.

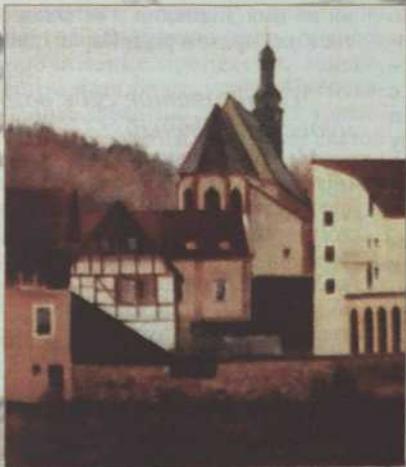
В этом году Петру Владимировичу исполняется 50 лет. Сам он уже подарил себе ко дню рождения “Пятьдесят мгновений”. Нам остаётся только поздравить его с юбилеем и пожелать новых творческих свершений.

Вячеслав Михайлов

Петр Попов в окрестностях Баден-Бадена.

Выставка российского художника за рубежом - событие достаточно неординарное. Мероприятие это довольно хлопотное и дорогостоящее, тем более, когда организывает его художник-любитель, не имеющий серьезного коммерческого опыта и финансовой поддержки. Но оно удалось нашему земляку **Петру Попову**, который не истратил при этом ни одного бюджетного рубля.

Карамзин принадлежит всей России, но вам, симбирянам, Милостивые Государи, принадлежит он преимущественно. Здесь он родился; здесь получил начальное воспитание и обогатился впечатлениями детства и юношества, столь важными в жизни человеческой...
М. Погодин

С именем великого историографа

В Симбирске-Ульяновске есть немало памятных мест, связанных с именем великого историографа, подвизника Русского Духа Николая Михайловича Карамзина. Экскурсию по памятным местам предлагает читателям юный краевед – Анна Коннова, ученица 10 Б класса гуманитарного лицея.

Н.М. Карамзин считал историю наукой, которая должна воспитывать людей и наставлять их в повседневной жизни. Он стремился создать доступное всем, увлекательное историческое произведение, которое бы воздействовало на воображение и чувства людей, развивая в них патриотизм и нравственную чистоту. В «Истории государства Российского» Николай Михайлович представил замечательных личностей, великих правителей, которые повлияли на ход истории, способствовали возвышению и укреплению России. При этом он подчеркивал, «что дух народный составляет нравственное могущество государства».

Николай Михайлович Карамзин – символ России, родного Симбирска, символ бескорыстного служения Отечеству. Без этого символа нам, молодым, не сохранить Россию, не преодолеть бездну искушений и мнимых прелестей жизни.

Село Знаменское, Карамзину тож

Детство своё историограф проводил летом в деревне, а на зиму уезжал в город. Он часто вспоминал, как весной чуть не утонул в Волге, как в лесу встретил медведя. Детство Карамзина тесно связано с Симбирском и деревней Карамзинкой. По грамоте 21 октября 1704 года «отказано синбиренину Егору Петрову сыну Карамзина поместной земли в Синбирском уезде, за валом, по поступке дяди его, Ивана Суворцева, между речек Космынки и Каменки, вверх речки Гущи, примерной 100 четвертей в пол, а в две потомуж, да сенных покосов 100 копен, в поместье, к старому его поместью». (Дело Д.М.Ю. 1835год, №731). Последние слова указывают, что к 1704 году у Егора Карамзина уже была земля в Симбирском уезде, а его внук, А.М. Карамзин, в прошении в Сенат по тяжёлому делу Ниротморцевой, указывал, что основателем Карамзинки был прадед Н.М. Карамзина, Пётр Карамзин. Отец историографа, М.Е. Карамзин был собственником имений в трёх губерниях: в Симбир-

ской, Уфимской и Оренбургской. По его смерти, дети от брака с Екатериной Петровной (Василий, Николай – будущий историограф, Фёдор) и с Натальей Борисовной (Александр и Марфа) в 1795 году поделили между собой имения, причём село Знаменское, Карамзину тож, получил старший брат Василий.

24 апреля 1827 года деревня Карамзинка по завещанию перешла к воспитаннице Василия – Ольге Ниротморцевой. В 1878 году имение унаследовал сын Ниротморцевой – Юрий Евгеньевич, который продал деревню Карамзинку бывшей жене Аничковой (1157 десятин).

В 1827 году деревня Карамзинка стала селом Знаменское. В этот год умер Василий Карамзин, родной брат историографа, и завещал построить церковь во имя Знамения Господня. Вскоре его желание осуществилось. К концу XIX века церковь начала разрушаться. Тогда Е. Д. Ниротморцев, оставляя имение сыну Юрию, завещал восстановить церковь над прахом предков, и в начале XX века его воля была исполнена.

Третья жизнь церкви во имя Знамения Господня

К концу XX столетия церковь была разрушена, дух молитвы не витал над родовым гнездом Карамзиных. Но пришло время, и церковь Знамения Господня обрела третью жизнь: в 1994 году ее сруб был перевезён в Ульяновск на улицу Шолмова. Ныне в этом храме всегда много прихожан. А 25 июля 2003 года здесь побывала Великая княгиня дома Романовых – Мария Владимировна Романова, когда следовала на прославление чудотворца Серафима Саровского в Дивеево. Этим посещением замкнулся круг истории: Н.М. Карамзину Великая Россия всегда представлялась одним семейством, где государь – отец, а поданные – его дети.

На месте перенесённой церкви настоятелем Благовещенской церкви отцом Георгием установлен памятный крест. Молитва верующих прихода Благовещенского храма – церк-

ви во имя Знамения Господня – впитает над прахом рода Карамзиных.

“Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный...”

Мысль о возможности сооружения памятника российскому историографу впервые была высказана в домах симбирских дворян Петра Михайловича и Александра Михайловича Языковых и князя Ю.С. Хованского, а в конце 30-х озвучена в обществе. В 1838 году по ходатайству симбирского дворянства были получены Высочайшие разрешения и циркуляр министра внутренних дел на подпись пожертвований для сооружения в Симбирске памятника Н.М. Карамзину. Проект монумента было поручено составить известному художнику Гальбергу из Петербурга. В нише мраморного пьедестала планировалось установить бюст Н.М. Карамзина, а наверху должна красоваться медная статуя музыки истории Клио. Статуя Клио была привезена в Симбирск в 1843 году. В 1845 году в лучшей части города, между домами гимназии, губернатора, градского общества и оградой Спасского монастыря был воздвигнут монумент. Под бюстом Карамзина начертана надпись: “Николаю Михайловичу Карамзину, историку Российского Государства повелением Императора Николая I”. По сторонам его вылиты два медных барельефа. Один из них изображает минуты, когда Н.М. Карамзин 18 марта 1811 года читает императору Александру Павловичу отрывки из “Истории Государства Российского”. На этом барельефе Н.М. Карамзин представлен стоящим перед монархом в Римской тоге. Второй барельеф показывает последние дни историографа и высочайшую милость государя, дарующего 13 мая 1826 года благодарственный рескрипт с пожеланием путешествия в Италию для излечения и 50 тысяч рублей. На этом барельефе Карамзин представлен лежащим на смертном одре, окруженный своим семейством; фортуна из рога изобилия щедро сыплет дары, а дети торопливо собирают рассыпанные сокровища.

Открытие памятника состоялось 22 августа 1845 года. Для произнесения приветственного слова был приглашен академик М.П. Погодин. Позже он писал: “Казалось, вся Россия собралась сюда из лучших и достойнейших сыновей своих”.

День открытия начался с заупокойной литургии, которую совершал Высокопреосвященный Федотий. После службы все отправились к монументу на площадь. Тут произошло нечто неожиданное: словно завидев приближение процессии, завеса, скрывавшая бюст, упала. Преосвященный Федотий совершил торжественный молебен и окропил святой водой памятник, обойдя его кругом. Раздались возгласы дьякона: “Вечная память историографу Н.М. Карамзину”, многие лета “симбирскому дворянству и всем почитающим память великого писателя”.

Федотий произнёс Слово на текст из Сираха: “Чем приличнее приветствовать мудраго, если не словами мудраго? И мы приветствуем тебя, муж мудрый и добрый, словами Св. Премудрости: слава твоя не потребится; ты почил в мире; но имя твоё переживёт роды, Премудрость твою поведает люди, и похвалу твою исповедует церковь...”.

После этой речи почётный попечитель гимназии Д.П. Ознобишин прочел свое стихотворение, посвященное Н.М. Карамзину, исполненное глубоким патриотическим чувством, а М.П. Погодин произнёс похвальное слово, указав на великое значение Карамзина в отношении Языка, Словесности и Истории.

На обеде Дворянского Собрания А.Л. Киндяков, исправлявший должность губернского предводителя, провозгласил тост за здоровье императора, а М.П. Погодин присоединил к нему следующие слова: “...русский народ достоин знать свою историю”, а “история, написанная Карамзиным, дос-

тойна русского народа”, а также пожелал процветания Симбирску, “да являются отсюда беспрерывно к славе отечества преемники Карамзиных, Дмитриевых, Тургеневых, Языковых”.

Тронули присутствующих и слова Андрея Николаевича Карамзина — сына историографа: “Гений и талант не наследственны, но наследственно с малолетства питаемое чувство любви к Родине, пламенное, святое — преданность престолу и государю! Моё русское сердце трепещет радостью, видя, как милое Отечество ценит великие труды, понесённые бессмертным покойником в пользу русского дела и русского слова...”.

Общественная библиотека имени Н.М. Карамзина

В 1830 году президент Императорского общества граф Н.С. Мордвинов поднял вопрос об учреждении в губернских городах публичных библиотек на местные средства. Губернатор Симбирска А.Я. Жмакин и губернский предводитель дворянства М.П. Баратаев предложили помещения для библиотеки, деньги из дворянских сумм и капитал из пожертвований благотворителей. В 1838 году губернатор И.П. Хомутов через губернского предводителя дворянства Г.В. Бестужева внес в Дворянское собрание вопрос об учреждении в Симбирске публичной библиотеки, которую предложил назвать Карамзинской, в память о знаменитом симбирском уроженце. Но подписка дала печальные результаты: всего 95 рублей. До 1846 года вопрос об учреждении библиотеки оставался без движения, хотя к тому времени уже начали поступать книги и журналы.

24 сентября 1846 года состоялось Высочайшее соизволение на наименование библиотеки Карамзинской и был утвержден ее устав. Управление библиотекой возложено на комиссию из 12 членов, которые из своей среды выделяли председателя на один год.

Первым председателем был избран Петр Михайлович Языков, ученый-геолог, брат поэта Николая Языкова. При его энергии дело пошло очень успешно: стали поступать обильные пожертвования и деньгами, и книгами: в один день, 17 мая 1847 года, на дворянских выборах подписка дала более тысячи рублей, а к 1 декабря того же года пожертвованных книг собралось более 4000 томов.

Открытие общественной Карамзинской библиотеки состоялось 18 апреля 1848 года при торжественной обстановке. С тех пор это учреждение стало общим достоянием симбирской публики. Не переставая увеличиваться, Карамзинская библиотека в августе 1864 года имела уже 10953 тома. Она была украшена бюстами Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева, Н.М. Языкова; портретами: Н.М. Карамзина, Н.М. и П.М. Языковых, братьев Тургеневых, И.А. Гончарова, Д.В. Давыдова и другими.

Всё это богатство Карамзинской библиотеки уничтожил пожар 1864 года. Но, благодаря щедрости государя и особ императорского дома, библиотека очень скоро была восстановлена и уже 1 декабря 1864 года открыта для посетителей.

К столетнему юбилею Н.М. Карамзина, отпразднованному 1 декабря 1866 года всей просвещенной Россией, император пожертвовал на библиотеку 2000 руб., императрица – 1000 руб., а в 1868 году наследник цесаревич и царевна приняли библиотеку под своё покровительство.

В 1881 году в библиотеку было передано всё собрание книг скончавшегося почётного члена её, сенатора В.Н. Карамзина, сына историографа. Ещё при жизни он прислал в дар Карамзинской библиотеке, вместе с денежным пожертвованием, поясной портрет своего родителя. А.М. Языков пожертвовал 3000 томов.

В 1870 году член комитета библиотеки В.В. Черников обратился в комитет с просьбой доставить ему возможность устроить в Карамзинской библиотеке особый отдел классических музыкальных произведений, с целью выдавать ноты желающим на тех же основаниях, на которых выдаются для чтения книги. Это предложение было одобрено комитетом Карамзинской библиотеки, и вскоре любители стали являться в музыкальное отделение за нотами. В 1873 году этот отдел заключал в себе 1175 номеров музыкальных сочинений.

В настоящее время библиотека сохраняет своё предназначение и служит делу просвещения ульяновцев.

Карамзинская психиатрическая больница

В 1878 году умер сын историографа – В.Н. Карамзин. По духовному за-

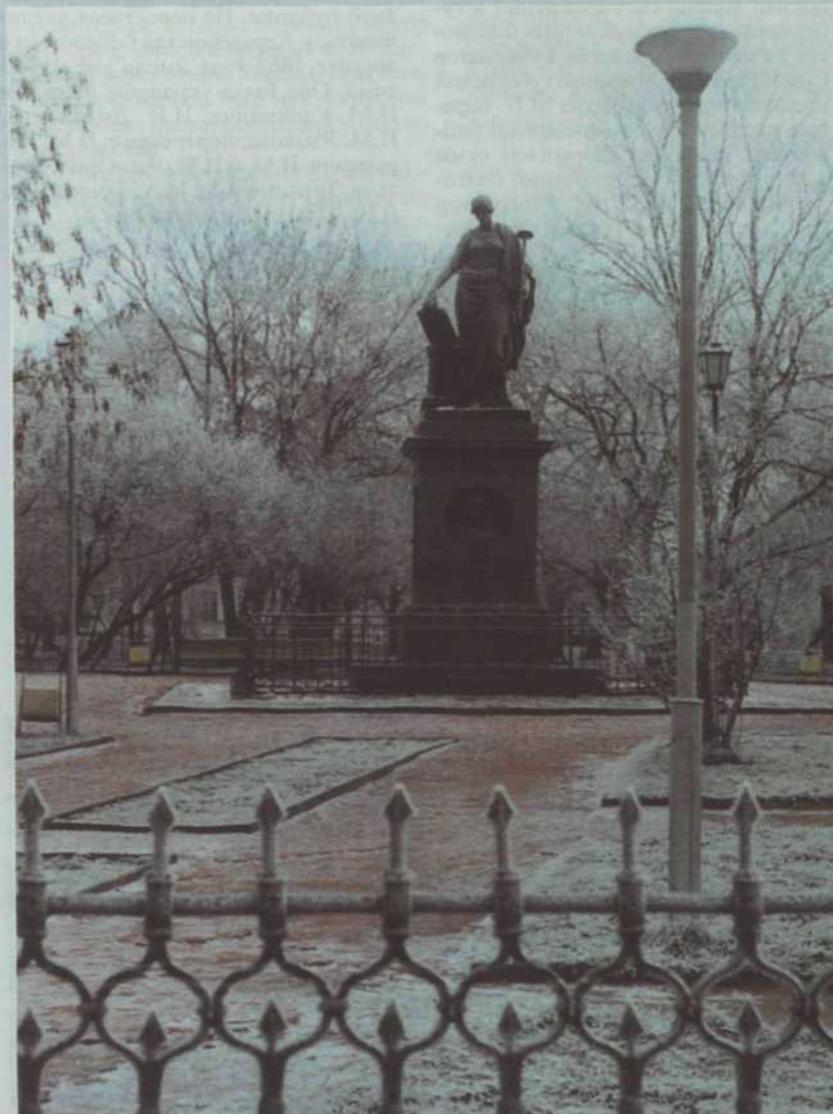
вещанию он оставил в распоряжение Симбирского губернского земства капитал в 125 тыс. рублей на благотворительное заведение (больницу, богадельню или приют). В завещании была обозначена просьба установить на сооруженном здании надпись: “В воспоминание Александры Ильиничны Карамзиной, сооружено памяти Николая Михайловича Карамзина”. Губернское земское собрание 1881 года приняло решение предварительно обсудить вопрос в печати. Поступило всего лишь одно предложение, и тогда вопрос был передан на обсуждение земских уездных собраний. И посыпались проекты! Лечебница для хронически больных, приют для малолетних, психиатрическая колония, глазная лечебница, приют для слепых... Ввиду такого обилия проектов вопрос об употреблении Карамзинского капитала был передан на рассмотрение особой комиссии, которая остановилась на проекте устройства колонии для душевнобольных. В 1890 году проект утвержден окончательно.

Губернское земство постановило приобрести в окрестностях города Симбирск участок земли в 250-400 десятин, на котором возвести необходимые постройки. Были начаты переговоры о покупке имения у помещицы Э.Р. Денисовой при деревне Поливна, но купля не состоялась, так как назначенная цена в 65 тысяч рублей признана была непомерно высокой. Вскоре выбрали другое удобное место под названием “урочище Вышка”, в десяти верстах от Симбирска, на склоне Кременской горы. Земство сняло в аренду этот участок в 300 десятин удобной земли у удельного ведомства на 37 лет. В качестве директора колонии пригласили врача-психиатра. В 1898 году постройки были закончены, а весной 1899 года душевнобольные из губернской земской больницы были переведены в новую колонию.

Дом В.М. Карамзина с видом на Волгу

Когда Василий Карамзин сообщил брату, что построил дом в Симбирске на Венце, Николай Михайлович писал ему: “Воображаю живо моего любезнейшего брата, сидящего под окном прекрасного домика и смотрящего на величественную Волгу, знакомую мне с детства. Симбирские виды уступают в красоте немногим в Европе. Вы живёте, любезный брат, в древнем отечестве болгар”.

Одним из первых выявленных планов города Симбирска является план 1779 года. Он был выполнен как опорный перед составлением регулярного плана 1780 года. В начале

ХІХ века с плана 1780 года была снята копия самарским уездным землемером Бурцевым. На этой копии показаны все существующие здания. В частности, дом вице-губернатора, обозначенный на плане, был куплен у брата историографа Василия Михайловича Карамзина в 1804 году.

Представляет интерес и план Симбирска 1800 года, где отображена разбивка кварталов на усадьбы с элементами застройки. Здесь показана и усадьба, принадлежащая В.М. Карамзину. В качестве основной постройки выделяется дом-особняк с неизменными спутниками – флигелями, хозяйственными помещениями, двором и садом.

Дом Василия Михайловича Карамзина был двухэтажным и стоял на улице Верхняя Набережная по Венцу. Главным фасадом он был обращён на Волгу. Усадьба с домом и рядом хозяйственных строений, образующих парадный и хозяйственный двор, занимала угловое положение на пересечении Саратовской (ныне б-р Пластова) и Верхней Набережной (ныне ул. Пролетарская). Отштукатуренный кирпичный дом в два этажа имел по семь окон в каждом этаже на главном фасаде. По крыше над карнизом проходил невысокий прямоугольный парапет. Гладкую плоскость стены уличного фасада по горизонтали разделяли полосы фриза и цоколя.

На нижнем этаже размещались: сени, прихожая, коридор и семь комнат. На втором этаже размещались парадные комнаты: две гостиные и зал, а также спальня, лакейская, буфет и уборная. Вход размещался с южной торцевой стены, лестница в юго-западном углу. В таком виде дом мог видеть и Н.М. Карамзин.

В 1803 году было составлено два варианта расширения дома ещё на

четыре окна в длину. Судя по фотографии начала XX-го века, один из вариантов перестройки был осуществлён, также появилась пристройка с южной стороны, не предусмотренная проектом. Вероятнее всего, в этой “глухой” двухэтажной пристройке размещались лестница и вход с сенями и передней.

В 1805 году дом В.М. Карамзина перешёл к вице-губернатору. “Впоследствии это здание перешло в казну, и здесь поместили рабочий и смирительные дома, а по уничтожению их – отделение срочных арестантов, и наконец в 1896 году – женскую центральную тюрьму”, – писал П.Л. Мартынов.

В настоящее время этот дом снесён, и его подлинная история, связанная с семьёй Карамзиных, до конца не выявлена. В архиве Санкт-Петербурга хранятся уникальные документы, касающиеся не только самого дома, но и мебели в нём.

Сохранившиеся детальные чертежи дома В.М. Карамзина, а также фундаменты снесённого дома создают возможность его полного восстанов-

ления и дальнейшего использования в качестве музея. Расположенный в непосредственной близости от Мемориального центра, он обогатит его дополнительной экспозицией историко-культурного значения. Нельзя забывать и о том, что строение связано с именем А.С. Пушкина, который во время посещения Симбирска 15 сентября 1833 года изобразил дом Карамзиных на своём рисунке вместе со Смоленской церковью.

Учитывая уникальность памятника, многие ульяновцы ратуют за то, чтобы восстановить дом рода Карамзиных. На состоявшемся в ноябре 2003 года заседании Ульяновской городской думы все ее члены высказались за восстановление исторического здания. Поддержал это мнение и комитет по строительству и ЖКХ.

Под руководством почётного гражданина города Б.В. Аржанцева были выполнены необходимые для восстановления рабочие чертежи, включая планы этажей и фасады, а архитектурно-проектная мастерская С.А. Кангро разработала компьютерный дизайн реконструкции дома Карамзиных.

Восстановление памятника намерено осуществить к 1 декабря 2006 года, к 240-летию со дня рождения великого историографа государства Российского.

Н.М. Карамзин принадлежит всей России, но нам, симбирянам, он особенно дорог. Каждое слово, каждая его мысль может рассматриваться как наказ молодежи.

“Для нас, русских, одна Россия самобытна, но нам, симбирянам, он особенно дорог. Каждое слово, каждая его мысль может рассматриваться как наказ молодежи. “Для нас, русских, одна Россия самобытна, но нам, симбирянам, он особенно дорог. Каждое слово, каждая его мысль может рассматриваться как наказ молодежи. “Для нас, русских, одна Россия самобытна, но нам, симбирянам, он особенно дорог. Каждое слово, каждая его мысль может рассматриваться как наказ молодежи.”

Фото Б.В. Аржанцева

Впервые в праздничном богослужении на закрытии пасхальной недели в Богоявленской церкви р.п. Старая Майна приняли участие невоцерковленные дети: хор школы искусств № 5 г. Ульяновска (руководитель – Н. А. Матвеева, директор школы – Н. С. Гудень) исполнил Акафист Пресвятой Богородице в честь чудотворной иконы ее Боголюбивой.

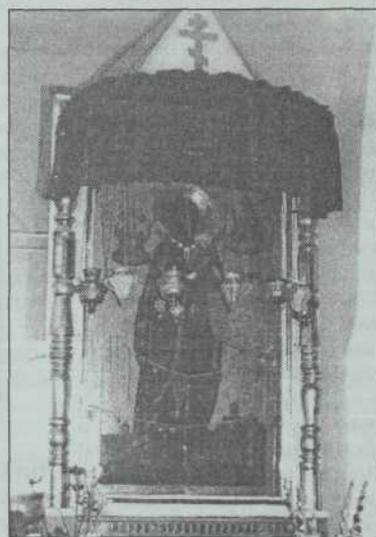
Радуйся, Боголюбивая!

Боголюбивая икона Божией Матери поселилась в Старой Майне 1 июля 1992 года: сюда, в Богоявленский храм, ее доставил крестный ход после того, как краеведческий музей вернул чудотворную Симбирской епархии. Симбирский список Боголюбивой известен с конца XIX века. Как гласит предание, явление иконы произошло у родника возле села Ивановка Ставропольского уезда (ныне Старомайнский район Ульяновской области).

В начале 1990-х годов Богоявленский храм имел плачевный вид, но с возвращением чудотворной началась его новая жизнь. Протоиерей отец Константин с Божьей помощью взялся за дело восстановления церкви. Еще недавно для прихожан была открыта лишь малая часть главного алтаря, и при этом храм казался просторным, теперь же восстановлены и боковые приделы, которые ранее были заколочены, а в храме с каждым православным праздником становится все теснее – так быстро растет число прихожан.

Люди идут и едут к Боголюбивой из разных уголков земли, и она являет любовь и милосердие, исцеляет и мироточит. Нескончаем поток верующих, желающих приложиться к иконе. Недавно чудотворную решили перенести после ремонта на новое место. На стене, где она провисела десять лет, оказалось выжженное людскими молитвами пятно.

Традиционно, по воскресным дням, в Богоявленском храме ранним утром служится молебен за болящих с Акафистом Пресвятой Богородице, и происходит чудо: кто исцеляется, кто разрешает житейские проблемы, кто-то получает надежду и стимул к жизни.

Нежный, поэтический язык древнего текста не может оставить исполнителей или слушателей равнодушными. Акафист повествует о том, как благоверному великому князю суздальскому Андрею Долгорукому (Боголюбскому) недалеко от Владимира во время его усердной молитвы явилась Царица Небесная и повелела поставить во Владимире чудотворную икону, а на этом месте устроить храм и монастырь в честь Ее Рождества. Вдохновленный явлением Богоматери, князь Андрей повелел написать икону и изобразить Пречистую Деву так, как Она явилась ему, а на этом месте построить белокаменную церковь Рождества Богородицы и основать монастырь. На иконе Богоматерь изображена стоящею в молитве с поднятыми руками и ликом, обращенным к Господу. В правой руке Она держит хартию с молитвой к Сыну. Над образом Пречистой Девы помещены клейма пяти икон, сопутствовавших святому князю Андрею в его путешествии: Спасителя, Владимирской иконы Божией Матери, святого Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна, Архангелов Михаила и Гавриила. Икона была торжественно перенесена в воздвигнутый храм Рождества Пречистой Богородицы и названа Боголюбивою.

Во время нашествия хана Батые храм был сожжен, один только Боголюбский образ чудесно сохранился

невредимым. Когда в 1395 году на Русь обрушилось нашествие Тамерлана, Пречистая Богородица явилась в видении грозному завоевателю и приказала покинуть Русскую землю. Особенно прославилась Боголюбивая чудесами исцеления и охранения от губительных эпидемий чумы и холеры. Глубокое почитание чудотворной иконы русским народом засвидетельствованописанием множества копий, воспринявших благодатную силу древнего образа. Исцелением прославились: Угличский список, Московский, Тульский, Козловский, Юрьевский, Тарусский, в том числе и наш, Симбирский список.

Празднование Боголюбской иконе установил святой великий князь Андрей Боголюбский – 18 июня, по новому стилю – 1 июля. Это – день престольного праздника Богоявленской церкви в р.п. Старая Майна, когда взоры верующих обращены к чудотворной иконе с жаркой молитвой.

В нынешнем году песнопения Боголюбивой прозвучали уже на Красную Горку. Это было необычное богослужение: впервые в нем приняли участие невоцерковленные дети. Хор школы искусств № 5 Ульяновска исполнил Акафист Пресвятой Богородице в честь чудотворной иконы ее Боголюбивой. Акафист читал сам владыка Прокл, приехавший в Старую Майну по случаю праздника. Чистое, искреннее пение детей тронуло его святую душу, и когда архиепископ обратился к ним с теплым, мудрым напутствием, глаза его были влажными. Сами дети тоже не скрывали волнения – все происходило впервые: первый раз в жизни они видели Его Высокопреосвященство, впервые выступили соучастниками службы, а некоторые – даже первый раз переступили порог церкви.

Идею исполнения Акафиста детьми во время церковной службы высказал настоятель Богоявленского храма отец Константин на рождественской встрече в школе искусств № 5. Его желание горячо поддержали директор школы Наталья Сергеевна Гудень и народная артистка России Кларина Шадько, которая приняла потом активное участие в проведении праздника. Владыка Прокл благословил начинание и назначил дату службы.

Без проблем не обошлось: не оказалось нот Акафиста Боголюбивой. Тогда старейший педагог школы искусств Василий Матвеевич Клименко записал партитуру с аудиокассеты. Человек православный, он на общественных началах занимается в школе духовным пением с группой детей, которые по доброй воле разучивают песнопения. С чувством огромной духовной радости Василий Матвеевич помогал детскому хору и его руководителю, молодому педагогу Наталье Анатольевне Матвеевой в подготовке исполнения Акафиста.

Волновался за детей и отец Константин. Его приезд на репетицию ошеломил их, но вскоре юные певчие попали под обаяние священника и внимательно слушали разъяснение смысла старославянского текста.

Участие в праздничном богослужении – не что иное, как постижение детьми национальной культуры, собственных духовных недр. Что они чувствовали – об этом можно только догадываться, но нет сомнения, что их сердца открылись истине и свету.

Прихожане церкви, слушая Акафист, тоже испытали сильное волнение и не скрывали слез очищения. Кто-то даже попросил партитуру, чтобы разучить песнопения. Трогательные детские голоса, великолепные басы симбирского духовенства, образность и мудрость древнего текста, красочный колокольный перезвон – все вместе ярким светом озарило славный праздник Пасхи.

А ребятишек после службы ждал праздничный обед с

домашними пельменями и слобными пирожками. Но на этом Красная Горка не закончилась: в РДК силами детей школы искусств № 5 был дан концерт. Лауреат международных и всероссийских фестивалей ансамбль народной музыки “Нагрыш” под управлением Николая Кондрашина”, получивший недавно звание образцового, дал блестящий концерт для жителей Старой Майны.

Это мероприятие, от начала и до конца, готовилось совместными усилиями церкви и светских властей. Администрация Старомайнского района всегда приходит на помощь настоятелю Богоявленского храма в его начинаниях. Отец Константин признался, что понимание местной властью значимости дела нравственного оздоровления людей помогло решить множество задач, непосильных на первый взгляд.

Перед отъездом участники торжества решили еще раз зайти в храм, чтобы проститься с Боголюбивой. Здесь же по-домашнему тепло и уютно. Гостеприимная матушка вручила детям иконки и раздала сладости. Царица Небесная проводила их добрым взглядом и с надеждой на скорую встречу.

“Радуйся, Боголюбивая Царице Богородице, Надеждо и Прибежище наше”.

Ольга Шейпак

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Сердечное спасибо всем, кто принял участие в конкурсе “Фронтонная реликвия”! Сроки приема писем и очерков продлены до конца года, поэтому окончательные итоги конкурса читатели смогут узнать в журнале “Мономах” № 4 – 2004.

Многие авторы прилагают к своим очеркам ксерокопии фронтонных писем и фотографий, которые из-за низкого качества не могут быть помещены в журнале. Семейные реликвии можно присылать в электронном виде или же сканировать в редакции.

Благодарим наших постоянных читателей и авторов за теплые письма и краеведческие исследования. Спасибо неутомимым труженикам: Тихоновой Валентине Степановне (г. Новоульяновск), Каширину Виктору Ивановичу (р.п. Сурское), Федоренко Галине Николаевне (г. Ульяновск), Ильдимиркиной Инне (с. Старая Сахча), Русакову Юрию Александровичу (р.п. Радищево).

В декабре нынешнего года “Мономах” будет отмечать свое десятилетие. О дате проведения торжества сообщат средства массовой информации. Будем признательны всем, кто выскажет свои предложения и пожелания редакции журнала.

(выходит четыре раза в год)

Главный редактор

О.Г. Шейпак

Зам. главного редактора

С.С. Юрьев

Редакционная коллегия:

Л.С. Янушевская

(выпускающий редактор)

О.В. Иваненкова

(художественный редактор)

В.М. Гаврилов

Н.Ю. Рачкова

И.И. Буганина

Редакционный совет:

В.Н. Егоров

(председатель)

А.Ф. Гарина

Т.Ф. Верещагина

О.Е. Бородина

В.А. Перфилов

А.П. Рассадин

Е.Н. Сергеева

Л.Н. Нецветаев

Р.Г. Азбукин

А.С. Сытин

А.В. Зинин

Учредители:

Управление по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций администрации
Ульяновской области;

ОГУ "Редакция "Народная газета"

Адрес редакции: 432011, Ульяновск,
а/я 9826 (пл. 100-летия В.И. Ленина, 1,
Мемцентр).

Тел: 44-19-31.

Издание зарегистрировано

Поволжским межрегиональным

территориальным управлением

(г. Самара) 06.06.02, рег. ПИ №7-1393.

Подписано в печать 27.04.04 г.

Формат 60x84 1/8;

усл. печатных листов 7, 44

Тираж 2300 экз.

Заказ № 1317

Набор и верстка заказчика.

Вывод цветных фотоформ

ГУП "Печатный двор".

Отпечатано в соответствии с

предоставленными диапозитивами.

Областная типография

"Печатный двор",

ул. Пушкирева, 27.

Подписной индекс 73844

Подписаться на журнал "Мономах"

можно в любом отделении связи

На обложке - коллаж Л.Н. Нецветаева;

родовой герб Ознобишинских.

На 1-й стр. - фото А.С. Сытина.

На 64-й стр. - фото В.И. Селищева.

Опора державная

С. Перевезенцев. Великая Россия 2

К юбилею Д.П. Ознобишина

В. Шкунов, В. Морозова.

"Да золотую лиру вновь услышит свет!" 4

Возвращение на родину 8

От третьего лица 12

А. Гиривенко. Д.П. Ознобишин-переводчик 14

Наше наследие

Ж. Трофимов. Единомышленники 16

Н. Кочкин. На берегах Суюсьюмки 18

Симбирск глазами поэта.....19

Д. Ознобишин.

Симбирский пожар 1864 года 20

В. Морозова.

Семейная библиотека Ознобишиных 23

А. Рассадин. Рождение перла 26

Ж. Трофимов.

В лучах солнца русской поэзии 30

И. Каракозова. "Доступен читателям" 42

С. Петров. "Звук дивный нежил слух,

и таяли слова..." 43

М. Валкин. Тайна великого писателя 44

Прекрасное - рядом

Пятиглавый красавец 32

В. Селищев. Праздник дикого пиона 40

Фестиваль в Ульяновске: Баян - XXI век 54

История о том, как самодельная гитара

превратилась в оркестр.....55

В. Михайлов. Кто не рискует,

тот не рисует Баден-Баден 56

О. Шейпак. Радуйся, Боголюбивая! 62

С уважением к прошлому

Прогулка по городу с Д.П. Ознобишиным 34

И. Сивопляс, А. Шабалкин.

Симбирские губернаторы 38

А. Коннова.

С именем великого историографа 58

На срезе времени

Д. Кошечкин. Малиновый край 10

О. Иваненкова. Чудесная элегия 28

А. Павлов. Незабываемые встречи 47

Уходящая натура

Э. Денисова. Дом под горой 48

А. Троепольский. Когда ты нужен 50

Наши почитатели:

